

И.В.Манзура

ВЛАДЕЮЩИЕ СКИПЕТРАМИ *

*«Тому, кто совершенен, место в музее».
Э.М. Ремарк «Триумфальная арка»*

I.V.Manzura. Those Who Possess Scepters

The article represents an attempt to investigate the historic-cultural situation in eastern and southeastern Europe in the late Copper Age (according to the Balkan chronology – c. 4500-4300 B.C.). Four kinds of archaeological evidence are drawn for the analysis. They are 1) the burial sites from the northwest Pontic region (the Suvorovo group) which are traditionally considered to be related to east European steppe cultures (Sredny Stog II, Khvalynsk, etc.); 2) various categories of finds which are believed to reflect the penetration or invasion of steppe stockbreeding groups into the area of early agricultural civilizations; 3) the temporal and spatial alterations of the Cucuteni-Tripolye culture based on the analysis of its settlement system; 4) comparative statistical data for the early Eneolithic cultures of the north Pontic region.

The analysis to have been carried out shows that the chronological, spatial and contextual distribution of burial sites and objects (stone scepters, so-called «cheek-pieces», Unio shell beads, Cucuteni C type pottery, etc) of allegedly eastern origin does not support the idea of a westward expansion of steppe tribes. They are spread very irregularly over the territory of early farming cultures. Contextual conditions of find deposition are different. They are found either in graves, or in settlements, or as stray finds depending on a certain cultural area. Such a distribution obviously does not correspond to the situation of a single migration «wave» from the east. It tells rather in favor of a migration directed from the western part of the Cucuteni-Tripolye area. The reason that caused the migration is rooted in demographic problems. One can observe that the growth of settlement number at the Cucuteni A and B stages has constantly resulted in the appearance of Cucuteni traits in the eastern Balkan region and steppe zone. In comparison to the dramatic processes within the early agricultural area the development of steppe east European cultures looks much less dynamic. They were strongly influenced by farming cultures during the whole Copper Age.

1. СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Пожалуй, любая эпоха или культура, изучаемая археологией, имеет свою индивидуальную визитную карточку в виде каких-то оригинальных изделий, неповторимого керамического стиля, особых погребальных памятников и т.п. Нередко те или иные наиболее характерные черты становятся именем культуры, и в археологической литературе сплошь и рядом можно встретить обозначения типа «горизонт шайбовидных ручек» и «культура боевых топоров», «культура колоколовидных кубков» и «культура моравской расписной керамики», катакомбная и срубная культуры и т.д. Но в отличие от обычной визитной карточки, которая, как правило, достаточно определенно идентифицирует лич-

ность своего владельца, информация, содержащаяся в «карточках» археологических, далеко не всегда однозначна. Ярким примером тому может служить серия своеобразных каменных наверший, или скипетров, которые происходят из различных энеолитических памятников Восточной и Юго-Восточной Европы. Буквально с момента открытия первых изделий этого рода они продолжают оставаться объектом непрерывных дискуссий по вопросам их происхождения и культурной принадлежности. В качестве создателей и владельцев каменных скипетров назывались носители древнеямной и хвалынской культур Поволжья, древние обитатели Эгейды, ранние земледельцы трипольского ареа-

* Данная статья была подготовлена автором при поддержке фондов Александра фон Гумбольдта и Фрица Тиссена.

ла и представители среднестоговской культуры Северного Причерноморья. Однако, несмотря на очевидные расхождения по вопросу культурной атрибуции находок, мнения практически всех исследователей сходились в том, что эти предметы социальной символики, распространенные от Пелагонии до Урала, являются отражением чрезвычайно широких и динамичных культурно-исторических процессов периода расцвета энеолитических культур, процессов, включавших в себя далекие миграции, ожесточенные военные столкновения, интенсивные и протяженные культурные контакты. Единство во взглядах наблюдалось и по вопросу датировки этих событий, приходившихся на заключительные стадии культур Кукутень А—Триполье В1 и Коджадермен-Гумельница-Караново VI (КГК VI). Правда, на этом сходство мнений опять уступало место разногласиям.

На этот раз возникавшие противоречия в большей мере были связаны с особенностями интерпретационных моделей, призванных объяснить сущность вскрываемых процессов и явлений. В зависимости от подбора источников, характера аналитических разработок и привлекаемых исторических параллелей проблема решалась, преимущественно, в канве двух основных концепций, которые можно условно обозначить как концепция культурного диалога и концепция культурного антагонизма. Непроходимой границы между этими концептуальными решениями никогда не существовало, поскольку культурный диалог во многом строится на принципах противопоставления, а культурный антагонизм, за исключением его самых крайних проявлений, может нести в себе элементы скрытого диалога в виде соперничества двух, казалось бы, совершенно отстраненных культурных систем. Если одна система реагирует каким-то образом, пусть негативным, на другую, значит, это может предполагать наличие какого-то неясного интереса, значит, диалог принципиально состоялся. Эта двойственная природа культурных отношений в известной степени предопределила взаимное пересечение различных научных идей, при котором разногласия отчасти сглаживались, отступали на второй план.

Становление и развитие двух конкурирующих гипотез происходило относительно неравномерно. При этом изначально предпочтение все-таки отдавалось теме интенсивного культурного диалога между раннеземледельческими общностями Карпато-Балканского региона и степными образованиями Восточной Европы в рассматриваемый период, т.е. во время Кукутень А—Триполье В1. В наиболее ясной форме эта идея была сформулирована почти сорок лет тому назад Т.Г. Мовшей в специальной статье (1961), которая до сих остается одной из самых цитируемых работ по данной проблематике. Впоследствии Т.Г. Мовша неоднократно обращалась к проблеме взаимодействия

трипольской культуры с культурными подразделениями Северного Причерноморья, причем, независимо от меняющихся в литературе исследовательских тенденций, во всех ее работах последовательно проводилась мысль о взаимном, именно диалоговом, характере культурных связей при отсутствии каких-либо катастрофических оценок ситуации (Мовша 1981; 1984; 1993; 1994).

В 70-80 гг. концепция культурного диалога в значительной степени утратила свои позиции за счет активно пропагандируемой идеи резкой конфронтации двух различных миров: раннеземледельческого карпато-балканского и скотоводческого степного. На сравнительно долгое время такие термины, как «вторжение», «экспансия», «столкновение», «разрушение» прочно вошли в лексику многих исследований по европейскому энеолиту. Вместе с тем, за последнее десятилетие гипотеза о продуктивном культурном обмене опять обрела довольно широкое признание. Более того, во многих работах особое внимание уделяется крайне важной роли раннеземледельческих объединений в развитии локальных подразделений степной и лесостепной зон Восточной Европы, проявившейся в различных сферах материальной и духовной культуры (Черняков 1993; Videiko 1994; Levički et al. 1994; Рындина 1998; Govedarica 1998; Govedarica, Kaiser 1996; Lichardus, Lichardus-Iltén 1998 etc.). Можно сказать, в завершеном виде эта исследовательская парадигма выражена в недавних работах Ю.Я. Рассамакина, посвященных, главным образом, пересмотру структурного соотношения энеолитических культур Азово-Черноморского региона (1994; 1999). В отношениях между карпато-днестровскими и степными культурами автор прослеживает две фазы. Первая фаза, обозначенная как эпоха престижного обмена, приходится на пору расцвета балканской металлургии и отличается небывалой широтой и напряженностью культурных связей. Вторая фаза, соответствующая «хиатусу» в развитии степных культур, совпадает с коллапсом восточно-балканских земледельческих культур, что сопровождалось обрывом или значительным сокращением прежних связей и растущей изоляцией отдельных культурных единиц по всей обменной цепи. Главной действующей силой в течение первой фазы Ю.Я. Рассамакин считает носителей скелянской культуры, точнее, ее социальную элиту, представленную богатыми погребениями почти по всей территории восточноевропейской степи. Именно этой элитарной верхушке общества, по мнению автора, удалось организовать разветвленную сеть по торговле металлом, растянувшуюся от Балкан до Волги и объединившую дотеле разрозненные локальные группы. Во второй фазе наблюдается стремительная и крайне резкая трансформация скелянской культуры; она, вероятно, вырождается в маловыразительную и пространственно ограниченную

культуру типа Средний Стог II, и с ее исчезновением угасает практика насыщенных металлом погребений.

Несомненное достоинство выводов Ю.Я. Рассамакина заключается в том, что они довольно удачно объясняют далекое проникновение разнообразных признаков земледельческих культур в степной ареал и, отчасти, те значительные изменения, которые там происходят. В то же время, эта интерпретация порождает неопределенность по целому ряду весьма существенных вопросов. Прежде всего, остается неясной природа постулируемых обменных отношений, так как понятия «престижный обмен» (*prestige exchange*) или система престижной торговли (*prestige-trade system*), оба термина используются, видимо, как синонимы, допускают самые различные трактовки. Если речь идет о престижном дарообмене, или престижно-дарственных отношениях, то кажется невероятной их пространственная глубина: все-таки от Балкан до Волги не менее двух тысяч километров. В данном случае скорее следовало бы ожидать каких-то оживленных контактов на стыке культурных ареалов или в зоне соприкосновения отдельных локальных групп внутри этих ареалов. При этом эквивалентность обмена могла достигаться экзотическими свойствами тех или иных вещей в глазах дарителя и получателя, хотя внешне их потребительная стоимость могла выглядеть абсолютно несоизмеримой. Обмениваться могли и практически идентичные вещи, поскольку в ходе престижного дарообмена важны не столько сами вещи, сколько отношения между партнерами, вовлеченными в этот обмен.

С другой стороны, реальный товарообмен действительно был в состоянии приобрести трансрегиональный характер, но здесь равноценность обмена, по-видимому, должна быть продиктована сугубо специфическими хозяйственными и социальными нуждами общества и обусловлена сравнительно одинаковой потребительной стоимостью продуктов. Вряд ли можно сомневаться, что в эпоху палеометалла медные предметы или сырье, поступавшие из балканских металлургических центров, представляли собой особую ценность для населения, обитавшего в южной полосе Восточной Европы. Тогда следует ожидать, что товары, передаваемые в обратном направлении, во-первых, были жизненно необходимы для раннеземледельческих общин Карпато-Балканского региона и, во-вторых, обладали равной металлу потребительной стоимостью. В этом контексте предположение Ю.Я. Рассамакина (1999: 102-112) о том, что таким товаром могли являться продукты кремнеобработки, выглядит несколько натянутым, поскольку высококачественные породы кремня известны и на Балканах, и в Карпатах, а уровень кремневой индустрии раннеземледельческих культур был ничуть не ниже, чем в ареале степных культур.

Далее. Вглядываясь в схему торговых маршрутов, проложенных Ю.Я. Рассамакиным на карте Восточной и Юго-Восточной Европы (1999: fig.3.1), нетрудно заметить, что они пролегают по территориям совершенно различных культурных образований. Сам по себе этот факт, по-видимому, не должен вызывать особых возражений. В европейской преистории имеется немало примеров столь же протяженных обменных сетей, покрывающих огромные дистанции и соединяющих отдельные культурные ареалы. Достаточно, например, вспомнить картину распространения украшений из *Spondylus* в неолитической Европе, встречающихся от Балкан до Атлантики. Но обмен раковинными украшениями осуществлялся в среде очень близких, в чем-то даже родственных, культур и, скорее всего, был построен на многократной передаче ценностей от одной общины к другой. В сценарии, предложенном Ю.Я. Рассамакиным, почти что исключительный контроль над обменными операциями принадлежал элитным группам носителей скелянской культуры, которые проникали в глубь чужих территорий и основывали там что-то наподобие временных торговых факторий. Трудно поверить, что такие акции могли совершаться, как считает автор, лишь мирным путем. Кажется более вероятным, что любая попытка узурпировать право на обмен таким престижным товаром, как металл, должна была расцениваться в инородном культурном окружении как враждебные действия и, следовательно, вести к вооруженным конфликтам. Такое право, похоже, необходимо было завоевывать силой оружия, и в том, что именно для этого периода отмечают повсеместную милитаризацию первобытных коллективов, есть свой резон (Дергачев 1999: 195-198).

Следующая проблема, которая, по сути, осталась слабо освещенной в построениях Ю.Я. Рассамакина, сопряжена с так называемым «хиатусом» в развитии культур Северного Причерноморья. В хронологическом отношении этот разрыв соответствует периоду Кукутень А-В — Триполье В2, а с точки зрения культурных изменений сопровождается исчезновением скелянской культуры, последние проявления которой, по-видимому, выражены стоговскими памятниками. Примерно в этом же временном промежутке в Поднепровье происходит формирование киянской и, возможно, дереивской культур. Эти события автор напрямую соотносит с довольно внезапным угасанием балканского металлургического очага, на связях с которым основывалась торговая деятельность степных элитных групп. Вместе с тем, несмотря на упадок восточно-балканских металлургических центров, в последующий период общий объем продукции на востоке Центральной и в Юго-Восточной Европе, по подсчетам Н.В. Рындиной, вырос в 1,5 раза, и именно на это время приходится стабилизация производства металлических

изделий (1998: 66). В силу этого, по-видимому, нет серьезных предпосылок для вывода о резком обрыве торговых связей, на которых строилось благополучие лидеров социума, представленного скелянской культурой. Но тогда и предполагаемый «хиатус» в развитии степных культур вовсе не обязательно был спровоцирован событиями на Восточных Балканах, а мог объясняться иными причинами. Допуская отсутствие жесткой взаимосвязи между перипетиями торговых отношений и исчезновением скелянской культуры, можно предположить, что и пространственная экспансия этой культуры, если таковая имела место, была обусловлена не торговыми интересами, а факторами другого рода. Но как в этом случае объяснить действительно огромный территориальный диапазон признаков, традиционно рассматриваемых в рамках скелянской, или новоданиловской, по Д.Я. Телегину (1985: 311-320), культуры? Здесь свое решение предлагает концепция культурного антагонизма.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что в обеих концепциях можно найти немало сходных элементов. В частности, та же тема культурного взаимодействия, взаимообогащения постоянно фигурирует в доказательствах второй группы исследователей, правда, всегда сложно определить, когда начинается период взаимообогащения, а когда военного противостояния. Главное же различие между двумя концепциями заключается в оценках масштабов миграций степных племен в Карпато-Балканский регион. Если в первом случае речь шла об ограниченном проникновении малочисленных групп, не способных прервать эволюцию земледельческих культур, то во втором эти проникновения вырастали до размеров массового нашествия, в корне подрывавшего культурное развитие в земледельческом ареале. Применительно к периоду Кукутень А—Триполье В1 идея о разрушительном вторжении степных скотоводов-кочевников в среду раннеземледельческих общностей была впервые развернута В.Н. Даниленко в его совместной статье с Н.М. Шмагилом «Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи», опубликованной в 1972 г. По-своему, статья сама явилась поворотным моментом в исследовании проблемы взаимоотношений между карпато-балканскими культурами и миром степных культур, поскольку в ней была значительно углублена начальная дата продвижения степных племен в западном направлении, достаточно четко очерчен круг археологических источников, отражающих это продвижение, раскрыты его причины и последствия. Обаятельная по своей динамичности, безусловной оригинальности, логической стройности культурно-историческая модель В.Н. Даниленко оказалась той парадигматической установкой, которая во многом определила направление дальнейших исследовательских

разработок. Их содержательная сторона, в основном, определялась темой разрушения.

С особой остротой эта тема зазвучала в работах М. Гимбутас, которая к концу 70-х годов представила окончательный вариант своей концепции вторжения скотоводческих племен в ареал раннеземледельческих культур Юго-Восточной и Центральной Европы (1977). До этого момента американская исследовательница выделяла две ориентированных на запад волны экспансии степных объединений, первая из которых датировалась ок. 3500 гг. до н.э. по калиброванным датам, то есть временем конца Кукутень В—Триполье С1-γ1 по относительной хронологии (1973a; 1973b; 1973c). В новой версии число миграционных волн было доведено до трех, а начало первой волны было удревнено на 900 лет (4400-4300 гг. до н.э.) и, следовательно, доведено до периода Кукутень А—Триполье В1. Катастрофические результаты нашествия степных кочевников особенно отчетливо проявились на Балканах, где внезапно прерывается развитие культурного комплекса КГК VI и наблюдается обширная цепная реакция культурных смещений, перестановок, трансформаций и т.д., затронувшая и многие регионы Центральной Европы. В то же время, по мнению М. Гимбутас, в культуре Кукутень-Триполье, граничащей с ареалом степных культур, практически никак не отразились бурные события того периода. Редким исключением можно было считать распространение новой технологии изготовления посуды с примесью толченых раковин, возникшей под влиянием степной керамической традиции. Но, в целом, признавалось сохранение эволюционных тенденций в развитии трипольской культуры вплоть до появления памятников типа Городск-Усатово.

Столь явные расхождения в оценке культурно-исторической ситуации в различных регионах Юго-Восточной Европы в значительной мере проистекали из признания огромного, в некоторых случаях до 600 и более лет, стратиграфического и хронологического разрыва между поздним энеолитом и ранним бронзовым веком Восточных Балкан, своеобразными «балканскими темными веками», по образному выражению Дж. Мэллори (1989: 238). Гипотеза о массовом вторжении степных кочевников, казалось бы, удачно заполняла этот разрыв. Действительно, вследствие подвижного образа жизни степные племена Восточной Европы могли и не оставить многочисленных прямых свидетельств своего пребывания на Балканах, хотя промежуток в 600 лет, по-видимому, слишком продолжителен, чтобы объяснить почти полное отсутствие таких свидетельств. С другой стороны, интенсивные полевые исследования в южнорусских степях привели к открытию целой серии новых энеолитических комплексов, которые, наряду с прежде известными памятниками, были объединены в рамках хвалынского-среднепестовской куль-

турно-исторической общности (Васильев 1981: 31-34). Наличие сравнительно однородного культурного блока к востоку от земледельческого ареала вполне органично дополняло картину катастрофических событий на Балканах, поэтому не удивительно, что идея о разрушении балканских цивилизаций мигрирующими на запад ордами конных кочевников в 70-80 гг. обрела немалую популярность (Тодорова 1979: 70-71; 1982: 8-9; 1987: 187-188; Мерперт 1980; 1984; Субботин 1983: 130-131; Comşa 1978; Dumitrescu VI. 1980; Telegin 1987 etc.).

Очередной поворот в изучении проблемы взаимодействия между культурами карпато-балканского региона и Каспийско-Черноморских степей намечился к середине 90-х годов, когда стало очевидным, что эпоха энеолита в Азово-Черноморском регионе представлена совершенно самостоятельными культурными группами с весьма отличными генетическими, хронологическими и территориальными параметрами (Рассамкин 1993; Rassamakin 1994). Новая структурная схема в значительной степени размывала представления о едином фронте степных культур, направленном против раннеземледельческих цивилизаций Юго-Восточной Европы. Не менее важные изменения произошли в понимании культурно-исторической ситуации на Балканах при переходе от позднего к финальному энеолиту, по периодизации Л. Николовой (1999).¹ В отличие от прежних трактовок, связывавших исчезновение местных культурных групп с разрушительным нашествием степных кочевников, в нынешней версии культурный регресс балканских обществ соотносится с тотальной экологической катастрофой, обусловившей переход земледельческих коллективов к принципиально иным моделям хозяйственной и социальной стратегии. При этом роль внешнего восточного фактора в трансформации балканских культур практически сводится до минимума, если вообще принимается в расчет (Тодорова 1995: 89-90; 1998: 68-69; Nikolova 1999: 310; 2000: 1-3). На этом фоне довольно неожиданно на свет появился следующий вариант некоего энеолитического «апокалипсиса» (Дергачев 1999: 195-200).

Неожиданность этого очередного варианта заключается в том, что он опять во многом строится на совершенно произвольном допущении о развитии кочевого скотоводства и возникновении всадничества как самостоятельной военной силы еще в период раннего энеолита, то есть на допущении, которое никогда не было до-

казано и которое в 90-х годах стало объектом особенно жесткой критики (Häusler 1994a; Rassamakin 1994; 1999; Levine 1990; 1998; 1999; Dietz 2000). Впервые подобный довод В.А. Дергачев использовал около пятнадцати лет назад, пытаясь более четко определить начальный этап проникновения носителей степных культурных традиций в Карпато-Балканский регион (Дергачев, Сорокин 1986). В этой работе, как и в дальнейших исследованиях, автор неизменно уделял особое внимание значительной роли степного фактора в развитии раннеземледельческих культур. Такое постоянство во взглядах, безусловно, достойно самого глубокого уважения, хотя в данном случае оно выглядит несколько относительным. Изначально В.А. Дергачев весьма скептически относился к каким-либо катастрофическим оценкам событий, предпочитая говорить об ограниченном проникновении небольших групп степного населения, не способных вызвать серьезных изменений в земледельческом ареале (Дергачев, Сорокин 1986). В этой же первой статье было сформулировано положение, согласно которому, начало проникновения восточных скотоводческих племен надежно документируется тремя самостоятельными, но, что принципиально важно, взаимоскоррелирующими разновидностями источников. К таковым автор относил: 1) прямые свидетельства, документирующие присутствие скотоводов на границе и внутри земледельческого ареала; 2) серию находок и материалов, встречающихся в ареале как степных, так и карпато-балканских культур; 3) свидетельства, отражающие реакцию земледельческого населения на проникновение скотоводческих племен. В последних работах В.А. Дергачева эта формулировка зазвучала с новой силой, приобретая характер некоего магического заклинания, с помощью которого автор, вероятно, надеется воссоздать события той отдаленной эпохи (Dergachev 1998: 39-42; Дергачев 1999: 195-196; Dergachev 2000). Какие же картины прошлого пытается вызвать к жизни В.А. Дергачев этим заклинанием на сей раз? Картины предельно катастрофические. На сей раз наступила очередь трипольской культуры.

Потрясают масштабы бедствий, перенесенных мирными и беззащитными земледельцами, по сравнению с которыми свидетельства европейских хроник об ужасающих последствиях гуннского или монгольского нашествия нисходят до уровня трогательного повествования о злоключениях Красной Шапочки. Первая миграционная волна Марии Гимбутас выросла в построениях В.А. Дергачева до размеров гигантских цунами, захлестнувших весь трипольский ареал, а также Балканы и Трансильванию, и оставивших после себя разоренные поселки, разрушенные и сожженные дома, хаос и запустение. Правда, остается неясным, чем отличаются разрушенные и сожженные дома периода Кукутень А—

¹ В настоящей работе под ранним энеолитом понимается период Прекукутень—Триполье А, средним — периоды Кукутень А, А-В, В—Триполье В2, С1-γ1, поздним — период Триполье С2-γ2. Автор отдает себе отчет в условности такого деления, не совпадающего с отдельными региональными системами археологической периодизации в Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европе.

Триполье В1 от таких же остатков, присущих всем остальным этапам развития культуры. Возможно, сожжены они были как-то иначе, о чем автор загадочно умалчивает.

В когорту разрушителей раннеземледельческих цивилизаций оказались зачисленными почти все культурные подразделения неолита юга Восточной Европы: культуры мариупольской и хвалынского-среднепестовской областей, постмариупольская (квитянская, по Ю.Я. Рассамкину) и майкопская культуры. И какая, в сущности, разница, что хронологический разрыв между хвалынской и майкопской культурами может достигать нескольких сотен лет. Главное, все они оттуда, с востока. Хронологические сомнения В.А. Дергачеву, по-видимому, действительно неведомы. Наверное, поэтому на иллюстративных таблицах, изображающих «портрет» агрессора, затейливо соединились погребальные комплексы периода Кукутень А из Джурджулештского могильника и захоронение с сосудом, скорее всего, Кукутень В из Рошкань, подкурганное погребение конца среднего Триполья и памятники времени Усатово² (Дергачев 1999: рис.17; 18). Надо же как-то продемонстрировать грандиозный размах восточной экспансии.

Несмотря на катастрофизм воссоздаваемой ситуации, нельзя не заметить некую «созидательную» природу предполагаемого нашествия. Благодаря ему, в культуре Кукутень-Триполье появляется новая керамическая категория, распространяются определенные типы оружия и украшений, совершенствуется техника фортификационного строительства. Причем показательно, что разнообразные заимствования из среды степных культур, следуя данному сценарию, приходится как раз на период вооруженного противостояния. Следующий этап в отношениях между двумя культурными общностями (период Кукутень А-В, В—Триполье В2, С1-γ1) характеризуется, по В.А. Дергачеву (1999: 198-200), оттоком скотоводческого населения из Северного и Северо-Западного Причерноморья, снятием военной напряженности и установлением мирного взаимодействия между земледельческими и степными обществами. Разумеется, направление выполненного кочевниками оттока в построениях автора выглядит таким же туманным, как и начальная точка предшествовавшего тому притока. Но не в этом суть. Казалось бы, в новых условиях культурный обмен между вчерашними оппонентами должен быть

² Для некоторых из впускных погребений кургана 9 у с.Красное, которые В.А. Дергачев причислил к свидетельствам вторжения периода Кукутень А (1999: рис.18/53-66), недавно были получены радиоуглеродные даты в лаборатории Гейдельберга. Все они укладываются в период существования усатовской культуры, что полностью соответствует нашим выводам о позднеэнеолитическом возрасте этих комплексов, сделанным несколько лет назад (Манзура и др. 1992: 87). Я искренне благодарен Б.Говедарице, ознакомившему меня с указанными датами.

особенно интенсивным и продуктивным, стимулируя многочисленные инновации как с одной, так и с другой стороны. Ничуть не бывало. По наблюдениям В.А. Дергачева, именно этот период мирного сосуществования отмечен довольно резким ослаблением культурных связей. Не принимать же всерьез совершенно курьезное утверждение, что шнуровой орнамент появился в культуре Кукутень-Триполье под влиянием среднепестовской культуры (Дергачев 1999: 200). Откуда же возникает эта длинная череда противоречий?

При всем своем буквально трепетном отношении к процедуре археологического исследования, свидетельством чему многочисленные аналитические работы, В.А. Дергачев почему-то совершенно не принимает во внимание одну из первых ступеней этой процедуры, связанную с отбором и критикой источников. Перешагнув эту ступень, можно типологизировать что угодно, коррелировать что угодно и задавать источникам какие угодно вопросы, выбивая из них заведомо готовые ответы. Итог этой, так называемой, процедуры всегда будет заранее известен. Кажется непреложным, что при реконструкции такого сложного культурного явления, как миграция, необходимо задействовать весь фонд хронологически выверенных источников, не только отражающих факт прохождения культурной единицы от начального до конечного пункта, но и передающих состояние культуры до, во время и после миграции (Клейн 1999: 65-68). При этом должна учитываться ситуация как на территории куда направлена миграция, так и в ареале, уже покинутом мигрантами. В рассматриваемом случае, как и во многих других исследованиях подобного рода, отслеживаются только такие компоненты миграции, по Л.С. Клейну, как иммиграция и ее последствия. Полная биография культуры-мигранта, а у В.А. Дергачева это целая свита мигрирующих культур, практически полностью игнорируется, за исключением пространных рассуждений о подвижном образе жизни скотоводческих обществ, демографических проблемах, стремлении захватить новые пастбища или источники металла и т.п. При этом собственно доказательства миграции строятся, главным образом, на ограниченной серии признаков, либо вырванных из общего культурного контекста, либо обладающих спорной культурной атрибуцией, причем их принадлежность мигрантам, как правило, постулируется, но не доказывается. При таком подходе поневоле начинаешь подозревать, что трипольская культура стала жертвой не разрушительного вторжения, а типологического и хронологического произвола, заданного предвзятой исследовательской установкой.

Между тем рост числа укрепленных поселений в ареале Кукутень А—Триполье В1, широкое распространение предметов вооружения как будто недвусмысленно указывают на то, что

обстановка там действительно была неспокойной. И это наблюдение порождает некую патовую ситуацию. С одной стороны, разнонаправленное движение культурных стандартов, преодолевающих огромные дистанции, предполагает наличие отлаженных коммуникационных сетей, функционирование которых возможно лишь в условиях стабильного существования общества. С другой стороны, налицо явные признаки конфликтного состояния этого общества, что должно сводить на нет любые попытки продуктивного культурного обмена. Что же содержит в себе эта ситуация: культурный диалог или антагонизм? Что несли другим народам владельцы каменных скипетров: вражду или взаимопонимание, войну или мир?

Попробуем разобраться в сущности событий той далекой эпохи, взяв за основу формулировку В.А. Дергачева о трех показателях и трех со-

ставных частях миграции. К ней мы добавим еще четвертый недостающий компонент, который отражает специфику культурных изменений во всех регионах, затронутых вероятной миграцией. Исследование будет строиться, главным образом, не на типологическом анализе, так как многие из категорий источников уже неоднократно подвергались типологическому разбору, а на рассмотрении хронологического и территориального соотношения признаков, а также контекста их обнаружения. При этом принимается вполне оправданное в данном случае положение, что картина распределения признаков предполагаемой миграции во всех синхронных культурных ареалах Карпато-Балканского региона должна быть одинаковой, если речь идет о едином во времени миграционном процессе, направленном с востока на запад. Первыми на очереди стоят прямые свидетельства вторжения.

2. ПОРТРЕТ «РАЗРУШИТЕЛЯ»

К свидетельствам непосредственного присутствия носителей степных культурных традиций в земледельческом ареале, как правило, относят некоторые грунтовые или подкурганые энеолитические захоронения, обнаруживающие определенное сходство с погребальными комплексами более восточных территорий. Они характеризуются скорченным на спине положением умерших с руками, уложенными на тазовые кости, восточной ориентировкой, обильным содержанием охры и, нередко, довольно богатыми погребальными дарами. Погребальные сооружения представлены преимущественно простыми ямами подпрямоугольной или овальной формы и, в отдельных случаях, глубокими ямами-шахтами или катакомбами. Иногда к ним причисляют грунтовые могилы с вытянутыми на спине скелетами, в которых находятся типологически близкие предметы погребального инвентаря.³ Рассматриваемые памятники обычно объединяют в так называемую суворовскую культурную группу, которая понимается или как самостоятельное локальное подразделение (Петренко 1989; Алексеева 1992; Manzuga 1994; Govedarica 1998), либо как западный дериват новоданиловской, по Д.Я. Телегину (1985), или скелянской, по Ю.Я. Рассамкину (1999), культуры. В румынской литературе эти же комплек-

³ Сюда не входят вытянутые погребения под курганами, обнаруженные в том числе и в трипольском ареале, поскольку их нижняя хронологическая граница из-за отсутствия инвентаря до сих пор остается неясной. Если даже допустить, что часть из них датируется периодом Кукутень А—Триполье В1, то связь их с каким-то воинским сословием, совершавшим рейды в глубь трипольских территорий, выглядит весьма проблематичной. Некоторые из этих могил содержат останки детей, которые вряд ли были способны владеть оружием. Не служили же они юными барабанщиками при войсковых формированиях степных кочевников.

сы трактуются как ранний этап культуры Чернавода I (Haŕuşche 1980a; Roman 1981).

В хронологическом отношении памятники суворовского типа в общих чертах соответствуют периоду Кукутень А—Триполье В1 и начальной фазе периода Кукутень А-В—Триполье В2. Их происхождение связывают с восточным импульсом, направленным с территории Днепро-Донского междуречья, где локализуется ядро скелянской культуры. Именно там, по мнению большинства исследователей, зарождаются специфические признаки погребального обряда, позднее ставшие одной из главных черт суворовской группы. Некоторые из этих признаков, в частности, скорченное на спине положение погребенных, продолжают бытовать и в последующее время, встречаясь даже на поздне-трипольских могильниках.

В пределах Карпато-Балканского региона погребения суворовской группы распределяются довольно неравномерно (рис. 1). Они открыты на Нижнем Дунае, в Восточной Фракии и в Северо-Западном Причерноморье, то есть в ареале КГК VI. К уже известным памятникам здесь следует добавить грунтовый могильник у с.Новосельское на оз.Ялпуг с кубком периода Кукутень А (Ванчугов и др. 1998: 63)⁴ и грунтовое погребение 2а у с.Кошары на Тилигульском лимане, которое по всем признакам отвечает наиболее ранним энеолитическим комплексам степного Причерноморья (Сымонович 1962: 180, рис.2/4,5). В то же время аналогичные погребения до сих пор не обнаружены в ареале Кукутень А—Триполье В1. Казалось бы, определенным исключением может являться один из кур-

⁴ В публикации указывается, что красноглиняный кубок относится к концу среднего — началу позднего Триполья. Однако, по любезному персональному сообщению И.В. Бруяко, этот сосуд датируется более ранним временем.

ганов у с.Думень на севере Молдавии, фигурирующий в доказательствах В.А. Дергачева как свидетельство присутствия представителей скотоводческих племен в глубине трипольского ареала (1986: 65; 1999: 195). Действительно, согласно В.А. Сафронову (1989: 201-202), в кургане 8 был обнаружен расписной сосуд периода Кукутень А. Однако необходимо добавить, что это был не просто сосуд, а урна с кремированным погребением, впущенным, если судить по описанию, в полу кургана. Основным в кургане было типично ямное погребение с западной ориентировкой, которое, по В.А. Дергачеву (1986: 62, 76), должно соответствовать в Днестров-

ско-Прутском междуречье памятникам, к тому же не самым ранним, днестровского варианта ямной культуры, то есть раннему бронзовому веку. Помимо этого, еще один трипольский сосуд находился во впускном ямном погребении 3 кургана 15 этого же могильника (Сафронов 1989: 201). Основным в кургане было ямное погребение 4, опять-таки, с западной ориентировкой. Вряд ли эта ситуация нуждается в каких-либо пространственных комментариях. Совершенно очевидно, что и в том, и в другом случае содержится искаженная информация, поскольку практика впускных погребений в степных курганах, равно как и западная ориентировка погребен-

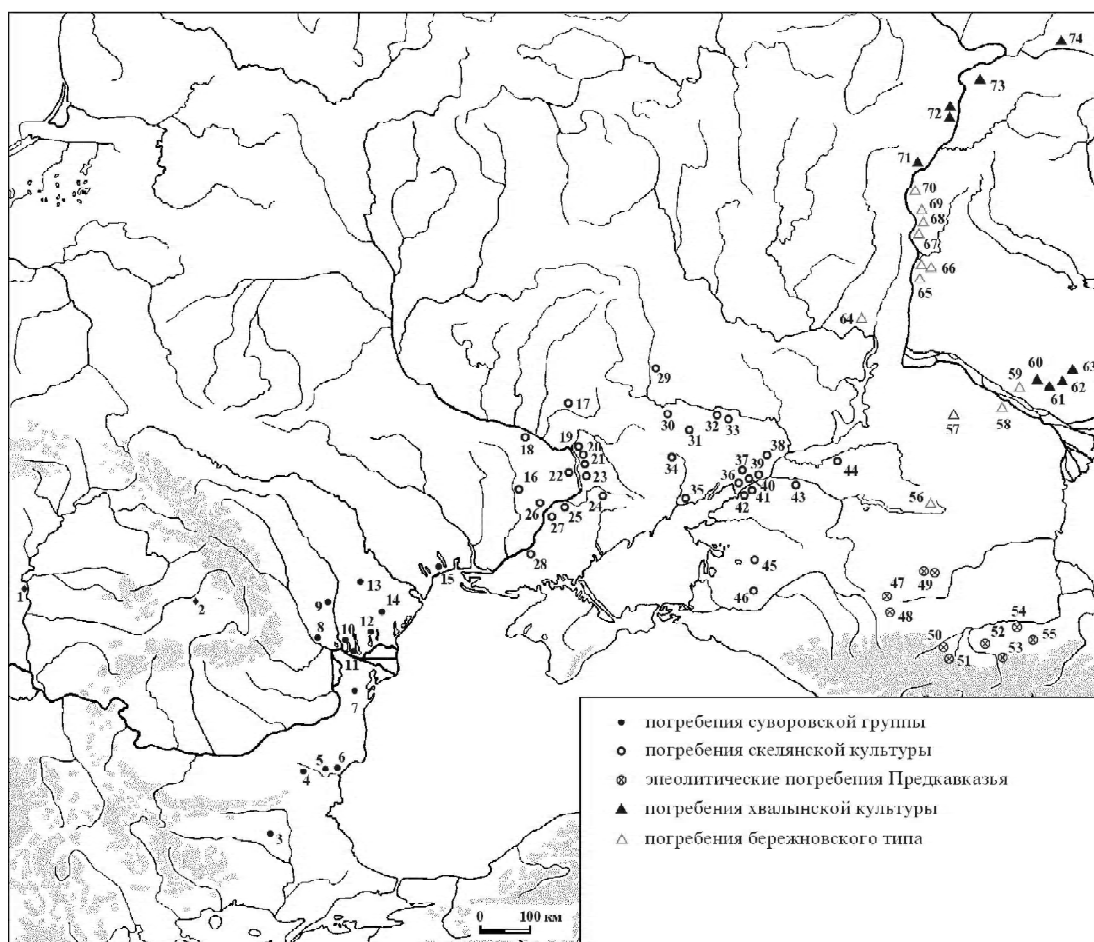

Рис.1. Раннеэнеолитические погребения степной полосы Восточной и Юго-Восточной Европы: 1 — Чонград, 2 — Деча Мурешулуй, 3 — Тырговиште (Гонва Могила), 4 — Кюлевча, 5 — Река Девня, 6 — Камнар, 7 — Касимча, 8 — Лунгочь-Фундень, 9 — Фэлчу, 10 — Джурджулешть, 11 — Новосельское, 12 — Суворово 2, 13 — Кэйнар, 14 — Арциз, 15 — Кошары, 16 — Кривой Рог, 17 — Залинейное, 18 — Деревка, 19 — Иерень 8, 20 — Чапли, 21 — Петро-Свистуново, 22 — о-в Виноградный, 23 — Запорожье, 24 — Новоданиловка, 25 — Благовещенка, 26 — Кут, 27 — Нижний Рогачик, 28 — Любимовка, 29 — Александрия, 30 — Яма, 31 — Ольховатка, 32 — Александровск, 33 — Луганск (Ворошиловград), 34 — Донецк, 35 — Мариуполь, 36 — Ливенцовка I, 37 — Мокрый Чалтырь, 38 — Лиховской, 39 — Мухин II, 40 — Каратаево, 41 — Койсуг, 42 — Красногоровка III, 43 — Южный, 44 — хут. Попова, 45 — Батуриная, 46 — Новотитаровская, 47 — Старонижестеблиевская, 48 — Суворовская, 49 — Веселая Роца II и III, 50 — Кызбурун III, 51 — Нальчик, 52 — Верхний Акбаш, 53 — Сунжа, 54 — Комарово, 55 — Новый Аришти-Бамут, 56 — Архара, 57 — Джангар, 58 — Никольское, 59 — Кокберек, 60 — Новая Школа, 61 — Таутюбе, 62 — Нарым-Бай, 63 — Ак-жунас, 64 — Шляховский, 65 — Политотдельское, 66 — Бережновка I и II, 67 — Ровное, 68 — Новопривольное, 69 — Тарлык, 70 — Энгельс-Анисовка, 71 — Хлопково городище, 72 — Хвальинск I и II, 73 — Криволучье, 74 — Ивановский (Васильев 1981; Дремов, Юдин 1992; Lichardus, Lichardus-Iltten 1993; Кияшко 1994; Rassamakin 1994 с дополнениями автора).

ных под курганными насыпями, появляется только в позднем энеолите.

Таким образом, мы можем констатировать, что в период Кукутень А погребения суворовской группы локализируются только в ареале КГК VI и, отчасти, группы Болград-Алденъ, но отсутствуют в областях, занятых кукутенско-трипольской культурой. Это в равной степени касается Трансильвании, где памятники типа Деча-Мурешулуй расположены за пределами ареала группы Ариушд. Допуская проникновение носителей степных культурных традиций в трипольскую среду, будь то торговцы, как считает Ю.Я. Рассамкин, или воины, как полагает В.А. Дергачев, мы будем вынуждены признать, что, попадая на эту территорию, они становились бессмертными. Учитывая, что процесс проникновения длился, по мнению обоих авторов, столетиями, подыскать другое вразумительное объяснение крайне затруднительно. В любом случае такая неравномерность в распределении памятников явно противоречит выводу о какой-то единой восточной миграционной волне, которая должна была проявиться одинаково в ареалах всех земледельческих культур, затронутых этой волной.

Не менее интригующе выглядит проблема возникновения погребального обряда суворовской группы. Как указывалось выше, истоки этого обряда почти исключительно отыскивают где-то в степях Восточной Европы, хотя эта точка зрения не является общепринятой (Сафронов 1989: 190-205; Govedarica 1998: 185-189). На чем же строится заключение о хронологическом приоритете восточных памятников по отношению к западным? Как это ни странно, но тезис о местном формировании специфической погребальной традиции хвалынско-среднеэнеолитической общности, в сущности, никогда серьезно не аргументировался, а принимался скорее априорно, как нечто, не требующее доказательств. Становление степного энеолитического обряда особенно наглядно прослеживалось в ретроспективной последовательности.

Общеизвестно, что скорченное на спине положение погребенных является одной из самых отличительных черт ямной культуры бронзового века. Ей предшествуют в Поволжье памятники типа Бережновки, а в Северном Причерноморье стоговская, по Ю.Я. Рассамкину, и дереивская культуры, где эта разновидность обряда также представлена весьма выразительно. В свою очередь, они восходят соответственно к хвалынской и скелянской культурам, обладающим аналогичными признаками. Таким образом, выстраивается единая генетическая линия, тянущаяся от раннего энеолита до эпохи бронзы. В то же время, нижнее хронологическое окончание этой линии упирается в памятники мариупольского круга, и здесь трассовая секвенция, по крайней мере, в плане погребального ритуала, замещается секвенцией колонной. При переходе от мариупольской к хвалынско-

среднеэнеолитической общности преобразования охватывают практически все стороны обряда, от устройства могильных конструкций до состава погребального инвентаря. Новые обрядовые элементы невозможно вывести из предшествующих эволюционным путем; они ясно свидетельствуют о резком разрыве с прежней погребальной традицией, разрыве, по своему характеру напоминающем подлинную культурную революцию.

Индивидуальные могилы, мегалитические сооружения, скорченный обряд захоронения, многочисленные и крайне разнообразные погребальные приношения — в совокупности все эти признаки абсолютно чужды любой из позднеэнеолитических культур Восточной Европы, хотя некоторые из них, например, одиночные погребения, встречаются по отдельности в том или ином регионе. Это обстоятельство, вероятней всего, говорит в пользу структурно единого пакета стимулированных инноваций и заставляет искать его возможные истоки за пределами степного ареала, в частности, в границах земледельческой ойкумены. Практика индивидуальных погребений непрерывно существует в различных частях Юго-Восточной, Центральной и Западной Европы с раннего неолита до исторических времен. Но это слишком общий признак, чтобы строить на нем какие-либо параллели. В данном случае нас больше интересуют такие специфические черты, как мегалитизм в его различных проявлениях, скорченное положение на спине и определенные устойчивые комбинации предметов погребального инвентаря, то есть все те показатели, которые составляют главное своеобразие погребального обряда раннеэнеолитических культур степной зоны. Начнем с мегалитов.

Наиболее ранние мегалитические сооружения в Северном Причерноморье представлены двумя основными типами конструкций: кольцевыми каменными кладками, или кромлехами, и каменными гробницами. Несколько позже появляются первые земляные курганы, иногда в сочетании с кромлехами. Учитывая взаимосвязь этих двух разновидностей надмогильных сооружений, Ю.Я. Рассамкин (2000: 342-343) предложил рассматривать древнейшие кромлехи, окружавшие грунтовые погребения, в качестве начального звена в эволюции курганного обряда погребения. В зону распространения ранних мегалитов не входит территория Поволжья и, вероятно, Северный Кавказ, следовательно, эти регионы, вероятно, необходимо исключить из числа областей, откуда мегалитическая традиция могла проникнуть в северопонтийские степи. Практика возведения мегалитических сооружений как будто также не присуща погребальному обряду земледельческих культур Юго-Восточной Европы, хотя отдельные признаки указывают на то, что она не была абсолютно чуждой, по крайней мере, некоторым из этих куль-

тур. Речь идет о серии погребений, открытых на нео-энеолитическом могильнике Дуранкулак в Южной Добрудже (Димов и др. 1984). Некрополь включает два хронологических горизонта погребений, первый из которых относится к неолитической культуре Хаманджия, а второй связан с культурой Варна. Среди захоронений неолитического периода выявлено несколько необычных могил с умершими, по-видимому, в сидячем положении, огражденных и покрытых плоскими каменными плитами. В свою очередь почти 90% могил энеолитического времени также были перекрыты камнями. Помимо этого, значительная часть погребений была устроена в каменных ящиках-гробницах, составленных из массивных плит. По своим особенностям данные погребальные комплексы вполне соответствуют каменным гробницам скелянской культуры, обнаруженным в различных районах Азово-Черноморского региона. Принимая во внимание более древний возраст балканских гробниц по сравнению с их степными аналогами, можно предположить пространственное развитие этого типа мегалитических сооружений с запада на восток.

Несколько иначе выглядит ситуация с кромlechами. Они появляются в Северном Причерноморье довольно внезапно, не имея очевидных прототипов в какой-либо конкретной культурной среде. По всей вероятности, их происхождение может рассматриваться в контексте общих подходов к проблеме генезиса европейских мегалитов. Прежде всего, мегалитизм, как особое культурное явление, всегда сопряжен с миром земледельческих сообществ. Так, древнейшие монументальные сооружения Западной Европы трактуются Я. Ходдером как перенесение идеи «домуса», или цивилизованности, упорядоченности, которой пронизана вся культура ранних земледельцев, из мира живых в область погребального культа, своего рода, процесс «доместикации» смерти (Hodder 1990: 221-223). Их возникновение было связано с определенной пространственной организацией земледельческих общин, основанной не на крупных долговременных поселках, где реализовывались все аспекты социальной жизни коллектива, а на более дисперсной системе расселения и более подвижном образе жизни. В этих условиях крупные мегалитические конструкции воспринимались как яркая манифестация единства и общности происхождения территориально разобщенных групп, как некий символ стабильности на фоне зыбких контуров повседневной жизни. Они использовались не только для погребения усопших соплеменников, но и как постоянное место для проведения общих культовых церемоний, как своеобразные храмы-святилища, обслуживающие несколько близлежащих общин (Sherratt 1990: 148-150). Пока трудно судить, насколько такой же сценарий приемлем для объяснения происхождения мегалити-

ческих сооружений юга Восточной Европы, но кажется весьма симптоматичным, что наиболее ощутимые проявления монументализма в погребальном обряде степной зоны в конце среднего и в позднем энеолите постоянно сочетаются с признаками именно трипольской культуры.

Другими не менее оригинальными сооружениями можно считать катакомбы или могильные камеры с подбоями и глубокие ямы-колодцы. Погребения первого типа были открыты на могильнике у с. Джурджулешть на Нижнем Дунае (Haheu, Kurciatov 1993) и на могильнике Мухин 2 в низовьях Дона (Rassamakin 1999: 77, fig. 3.9:3). В целом подобное устройство могил в европейском нео-энеолите встречается крайне редко, но наиболее древние подбойные погребения известны в ареале раннеземледельческих культур. Одно из них, относящееся к культуре Старчево, было обнаружено в местности Голокут в Воеводине (Petrović 1987: 19, sl.7; 8), несколько погребений в нишах были открыты на могильнике культуры линейно-ленточной керамики (КЛЛК) в Берри-о-Бас во Франции (Allard et al. 1997). Особый интрес вызывает погребение культуры Михельсберг из Брухзаля (Германия), совершенное в настоящей катакомбе, на глубине около 2,5 м (Behrends 1990: 70-71, Abb.44; 45). Могильное сооружение состояло из овальной камеры высотой 0,9 м и узкого дромоса длиной 0,8 м. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, с разворотом на правый бок, ногами в сторону выхода из камеры. В совокупности эти данные свидетельствуют о глубокой древности рассматриваемых погребальных конструкций в европейской преистории. И хотя приведенные параллели территориально очень далеки от Северного Причерноморья, однако в неолите Восточной Европы они отсутствуют вовсе.

Если подбойные и катакомбные захоронения лишь эпизодически встречаются в различных культурах европейского нео-энеолита, то такие сооружения, как глубокие ямы-колодцы, являются весьма устойчивым элементом в погребальной практике культурных подразделений Юго-Восточной Европы. В степном Причерноморье подобные могильные комплексы были обнаружены лишь в Джурджулешть, где глубина погребения достигала 5 метров (Haheu, Kurciatov 1993) и в Кривом Роге на Ингульце, где глубина ямы равнялась 3 метрам (Рассамакин, Будников 1993). В то же время, к западу от Черного моря глубокие погребальные камеры были отнюдь не редки. Так, на Варненском некрополе выявлены ямы глубиной более 3 метров (Ivanov 1978: 13). На энеолитическом могильнике Брэилица только четыре погребения находились в ямах глубиной от 1,35 до 1,9 м. Глубина остальных могил (121) варьировала между 2-2,6 м (Haşotti 1997: 131). Очевидно, мы имеем дело с довольно развитой местной балканской традицией, на определенном этапе привне-

сенной в степную зону Северного Причерноморья, но так и не ставшей доминирующим признаком в погребальном обряде обитавших там культурных групп.

За рамками дискуссии, по-видимому, должен был остаться вопрос о происхождении такой, казалось бы, сугубо степной черты погребального обряда, как скорченное на спине положение умерших. В период становления неолитических культур юга Восточной Европы этот признак широко распространился по всей степной и лесостепной полосе, включая ареал суворовской группы. Однако и его также невозможно напрямую вывести из ритуала неолитических могильников, где погребенные размещались только в вытянутой позе. Чуть ли не единственным исключением являются погребения 119а и 125 Искольского могильника на Днестре, в котором ноги скелетов были согнуты в коленях «ромбом». Оба погребения занимали самый верхний ярус в ямах Д и Е, перекрывая вытянутые захоронения (Телегин 1991: 53, 57, рис.2/4). Между тем в ареале раннеземледельческих культур таких исключений можно насчитать гораздо больше.

В отличие от неолитических культур Днепр-Волжского региона рассматриваемый признак в неолите Центральной и Западной Европы характеризуется большой временной глубиной и относительным постоянством. Первое свидетельство, восходящее еще к эпохе мезолита, представлено скорченным на спине погребением на поселении Лепенский Вир в районе Железных ворот (Srejović 1972). Для периода КЛЛК в пространстве от Тисы до бассейна Сены известно уже более 20 могильников, где умершие были размещены в аналогичной позиции. При этом во многих случаях речь идет именно о преднамеренном придании особой позы, при которой согнутые ноги устанавливались коленями вверх. Примером тому может служить погребение из Праги-Бубенча, в котором ноги погребенного сохранились в первоначальном положении, то есть коленями вверх (Pič 1908: 214-215, obr.1). На последующих этапах неолитической эпохи данная разновидность обряда продолжает практиковаться в самых различных культурных объединениях, включая многие локальные подразделения культуры Лендель (Lenneis et al. 1999: Abb.45/3; Kulczycka-Leciejewiczowa 1979: гус.79), культуры Вильнёв-Сен-Жермен и Гроссгартах (Bostyn et al. 1991: 52, fig.8; Lichardus-Itten 1980: 151, Pl.3), Рёссен и накольчатой керамики (Niquet 1938: Taf.3/4a; 8/13a; 9/16a; Rötting 1983: Abb.8; Podborský 1976: Abb.5/2; Kazdová, Lorencová 1985: obr.2), Мюнхсгёфен и Тиза (Böhm 1982: 68-69, Abb.55; Böhm, Pielmeier 1994: 41, Abb.12; Vízdal 1980: 54, obr.25, tab.XXXII; Korek 1989: 41, 43, Taf.24/11; 28/33).

Особенно примечательна культура Серни, ядро которой локализуется в Парижском бассейне. Датируется она приблизительно в тех же

пределах, что и период Кукутень А-Триполье В1, то есть 4500-4150 гг. до н.э. (кал.) (Constantin et al. 1997: 703). В погребальных традициях этой древнейшей мегалитической культуры Западной Европы сочетаются все возможные варианты ингумации, среди которых скорченные на спине захоронения составляют весьма значительный процент. Сходство погребального обряда Серни, равно как и многих других показателей, с однопорядковыми признаками на юге Восточной Европы настолько ощутимо, что можно говорить об очевидных параллелях на структурном уровне. Видимо, не случайно происхождение памятников типа Серни в последнее время рассматривается в контексте культурных связей с территорией Северного Причерноморья (Constantin et al. 1997).

Однако Парижский бассейн находится довольно далеко от Карпато-Балканского региона, хотя и не дальше, чем бассейн Волги. С другой стороны, территориально более близкие аналогии обнаруживаются в ареале КГК VI, где на могильниках Тырговиште и Дуранкулак, среди прочих погребений, были выявлены могилы со скорченными на спине скелетами (Govedarica 1998: 189). Как и в других культурных группах Центральной и Западной Европы, этот признак занимает второстепенное положение в погребальном обряде культур балканского неолита. Важно другое. Это показывает, что данный способ размещения умерших был хорошо известен в среде самых различных земледельческих объединений, чего нельзя сказать о неолитических культурах Волго-Днепровского региона. Его превращение в четко выдержанную обрядовую норму могло быть связано с какой-то идеологической инверсией, вынесшей на передний план прежде маргинальные культурные элементы. Это могло произойти в период становления новой культурной группы, изначально стремящейся резко противопоставить себя в какой-либо форме старым культурным канонам. В этом контексте предположение Б. Говедарицы (1998: 189) о том, что формирование погребального обряда суворовской группы могло происходить на основе карпато-балканских традиций, вовсе не лишено определенного смысла. Более того, оно хорошо согласуется с таким весомым показателем, как характер погребального инвентаря.

В погребальном инвентаре нас прежде всего интересуют не какие-то отдельные типы изделий, которые зачастую могли обращаться в среде различных культурных объединений, а их устойчивые комбинации, способные, как правило, более адекватно идентифицировать те или иные культурные традиции. В рамках суворовской группы относительно четко выделяются два варианта погребений, которые можно условно обозначить как комплексы с браслетами и комплексы со скипетрами. Некоторые категории инвентаря, например, кремневые ножевидные пластины, шайбовидные раковинные бусы, при-

сутствуют в погребениях обоих вариантов, но в целом различия между ними достаточно выразительны. Номенклатура погребальных приношений в могилах первого варианта почти повсеместно чрезвычайно разнообразна и представительна в количественном измерении. Именно эти комплексы отличаются довольно большим содержанием металлических, в том числе золотых предметов. Наиболее яркими примерами таких комплексов могут служить погребения Джурджулештского могильника (Наheu, Kurciatov 1993) или погребение из Кэйнарь (Мовша, Чеботаренко 1969). В свою очередь, погребения со скипетрами, такие, как Суворово II 1/7 и Касимча (Даниленко, Шмаглій 1972; Popescu 1941), характеризуются более ограниченными инвентарными наборами, в которых доля металлических изделий крайне невысока или же они отсутствуют вовсе. Если абстрагироваться от других обрядовых признаков, то очевидное различие в погребальных наборах может свидетельствовать или о разных культурных традициях, легших в основу обоих вариантов, либо об их разновременности. Некоторые данные как будто свидетельствуют в пользу последнего предположения.

Хронологическая позиция погребений с

браслетами вполне достоверно устанавливается по находкам керамики, которая обладает сравнительно узкими временными параметрами. Судя по сосудам периода Гумельница А2 из Джурджулешть и периода Кукутень А из Кэйнарь, комплексы с браслетами должны датироваться в пределах именно этого хронологического отрезка, то есть периодом Гумельница А2-Кукутень А. Датировка погребений со скипетрами может быть несколько шире, поскольку верхняя хронологическая граница самих скипетров явно выходит за рамки периода Кукутень А. Косвенным подтверждением тому является погребение 1 из Фэлчу, инвентарь которого практически полностью соответствует стандартным наборам этого типа (Popușoi 1987-1989). Главное отличие состоит в том, что вместо скипетра в могиле находился медный топор-молот типа Ширя. Топоры этого типа были распространены, главным образом, в ареале культуры Бодрогрекестур и, следовательно, должны отвечать периоду Кукутень А-В по хронологической шкале Карпато-Поднестровья (Patau 1984: 66). Это означает, что, по крайней мере, часть погребений со скипетрами должна относиться к более позднему времени, чем период Кукутень А, составляя второй этап в развитии суворовской груп-

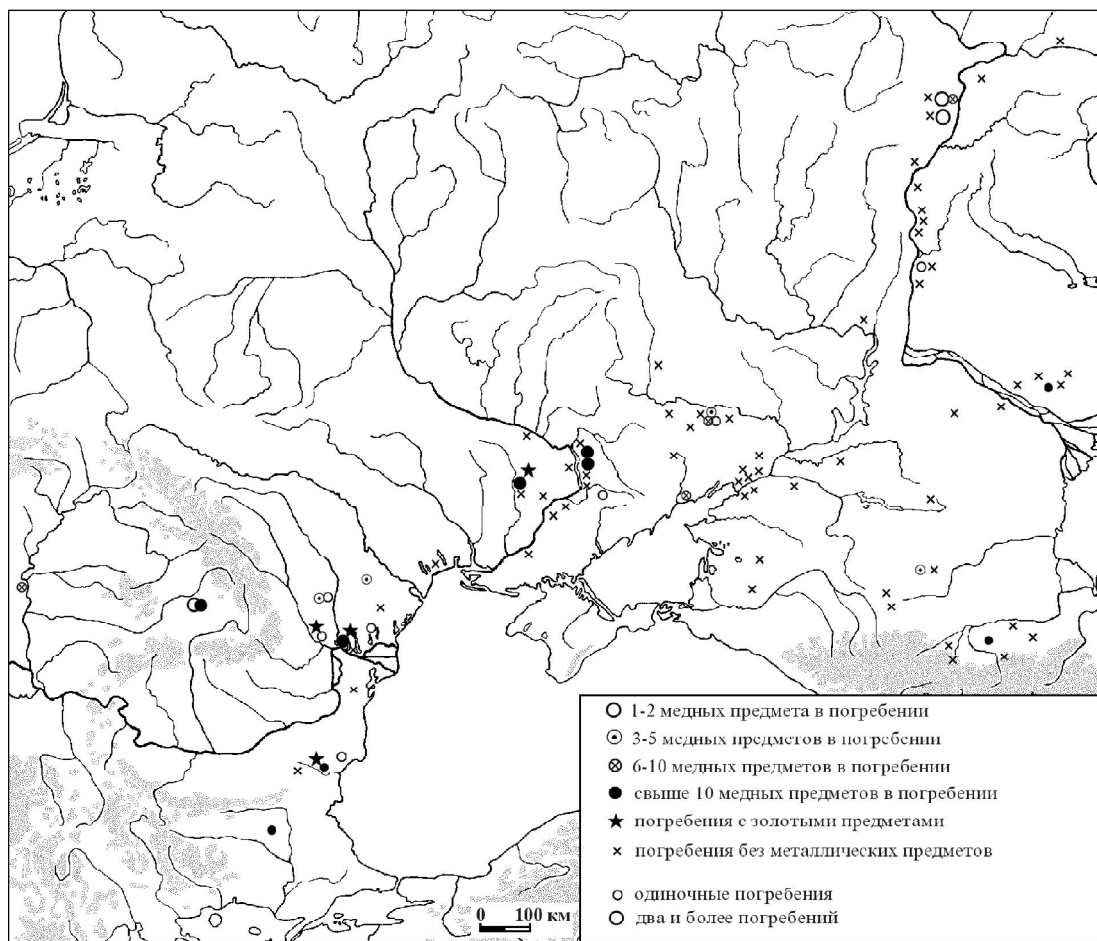

Рис.2. Распределение металлических изделий в раннеэнеолитических погребениях степной зоны.

пы. Подобное хронологическое распределение признаков коррелирует с принципами их пространственной локализации.

Достаточно взглянуть на карту расположения наиболее богатых медью и золотом погребений от Балкан до Волги (рис.2), чтобы убедиться, что их подавляющее большинство сконцентрировано в Трансильвании, к западу от Черного моря, в Северо-Западном Причерноморье и на Нижнем Днепре. Далее к востоку, в бассейне Дона, на Северном Кавказа и в Поволжье, число металлоносных комплексов значительно сокращается. К тому же, погребения восточной зоны, в отличие от западной, в основном содержат мелкие украшения в виде бус, ракушевидных подвесок, круглых бляшек и т.п. Количество крупных украшений, таких как, например, браслеты, здесь крайне невелико, а металлические орудия или оружие отсутствуют вовсе. Неожиданно высокий процент содержания медных предметов обнаруживается на могильниках хвалынской культуры, но даже в этом случае богатство хвалынских погребений не идет ни в какое сравнение с насыщенными металлом захоронениями к западу от Днепровского бассейна. Интересно, что последние как бы оконтуривают ареал Кукутень-Триполье, в то же время оставаясь за его пределами. В свою очередь погребения со скипетрами довольно равномерно распространены по степной и лесостепной полосе Восточной Европы и в Юго-Восточной Европе, опять-таки за исключением областей, занятых культурой Кукутень-Триполье. Что же скрывается за подобным пространственно-хронологическим распределением рассматриваемых комплексов?

Нетрудно заметить, что состав инвентаря изобилующих металлом погребений, традиционно относимых к суворовской группе⁵ или скелянской (новоданиловской) культуре, довольно точно копирует, с одной стороны, погребальные наборы позднеэнеолитических захоронений Восточных Балкан или Карпатского бассейна, с другой — богатые клады культуры Кукутень А — Триполье В1. Территориально два способа сокрытия ценностей четко разграничены: погребения встречаются только в степной зоне Северного Причерноморья, на Балканах и в Потисье, тогда как клады локализуются в ареале Кукутень-Триполья. Правда, клады золотых изделий известны и в ареале Гумельницы, например, в Султане или Балач (Халческу 1991; Dolinescu-Ferche 1963), но они носят в количественном и качественном отношении явно редуцированный характер и не идут ни в какое сравнение с сокровищами, депонированными,

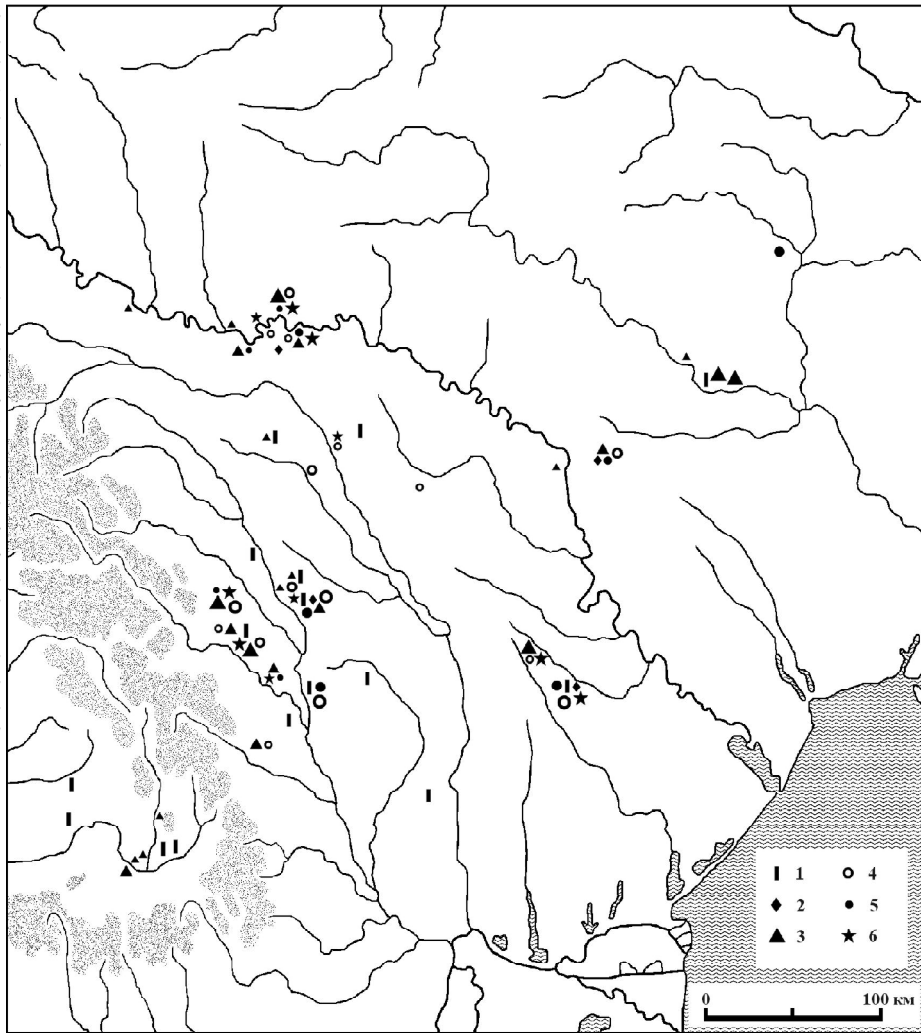
⁵ Нетрадиционным подходом отличается лишь В.А. Дергачев, эклектически объединяющий в рамках суворовской группы все разнотипные, разновременные и разнокультурные погребения доусатовского периода в Северо-Западном Причерноморье (1986: 65-74).

например, в Варненском некрополе или в кладах Кукутень-Триполья наподобие Карбуны или Брада. Безусловное структурное сходство обеих разновидностей депозитов при их различной локализации, по-видимому, отражает общее состояние раннеземледельческих культур Юго-Восточной и востока Центральной Европы, которое может трактоваться как состояние глубокого кризиса.

Предполагают, что как богатые могильные дары, так и клады, несмотря на их, казалось бы, разную природу, отображают одинаковые явления социальной жизни, связанные с идеей жертвоприношения сверхъестественным силам, или божествам (Bradley 1990: 38-40). Они в равной степени появляются в особых условиях, как попытка преодолеть некую кризисную ситуацию, переживаемую обществом. Причины кризиса, в частности, могут корениться в гипертрофированном уровне престижного дарообмена, при котором индивидуумы или отдельные группы, вовлеченные в обмен, вынуждены с целью поддержания социального престижа постоянно увеличивать размер ответного дара, пока один из партнеров не доводится до полного разорения. В силу этого нарушается стабильность социума, подрывается его жизнеспособность. Перенесение практики дарения в сферу сакрального, посвящение приношений богам, а не людям представляет собой удобную альтернативу разорительному дарообмену: размер вотивных приношений зафиксирован более жестко и легче контролируется, регулярность процедуры дарения допускает постоянную аккумуляцию ценностей, остающихся, по сути, в распоряжении дарителя. При этом сохранение или повышение социального престижа реализуется в ходе соответствующего ритуала, организуемого или проводимого претендентом на лидирующую роль в обществе. В то же время, объем приношений может резко возрастать при экстраординарных обстоятельствах, когда заступничество высших сил кажется особенно необходимым, когда все средства пускаются в ход, чтобы сделать это заступничество предельно эффективным. В этом отношении вполне уместным выглядит предположение Л.Николовой (1999: 309; 2000: 1-2), что «золотые» кенотафы Варненского некрополя символизируют не пик расцвета восточно-балканского энеолитического общества, а начальную стадию затяжного кризиса, вызванного ухудшением природно-климатических условий и, как следствие этого, деградацией традиционных форм хозяйственной деятельности.

Допуская наличие определенного кризиса в среде культур карпато-балканского круга, причем кризиса, порожденного факторами внутреннего развития, а не спровоцированного каким-то внешним вмешательством, мы вправе ожидать, что археологические источники должны надлежащим образом отреагировать на ситуа-

Рис.3. Распределение металлических изделий в ареале Прекукутень—Триполье А и Кукутень А—Триполье В1. Условные обозначения: 1 — топоры-молоты, 2 — тесла-долота, 3 — шилья, 4 — украшения (браслеты, диски, подвески, амулеты), 5 — бусы, 6 — слитки (мелкие значки обозначают 1 обнаруженный предмет, крупные — 2 и более).

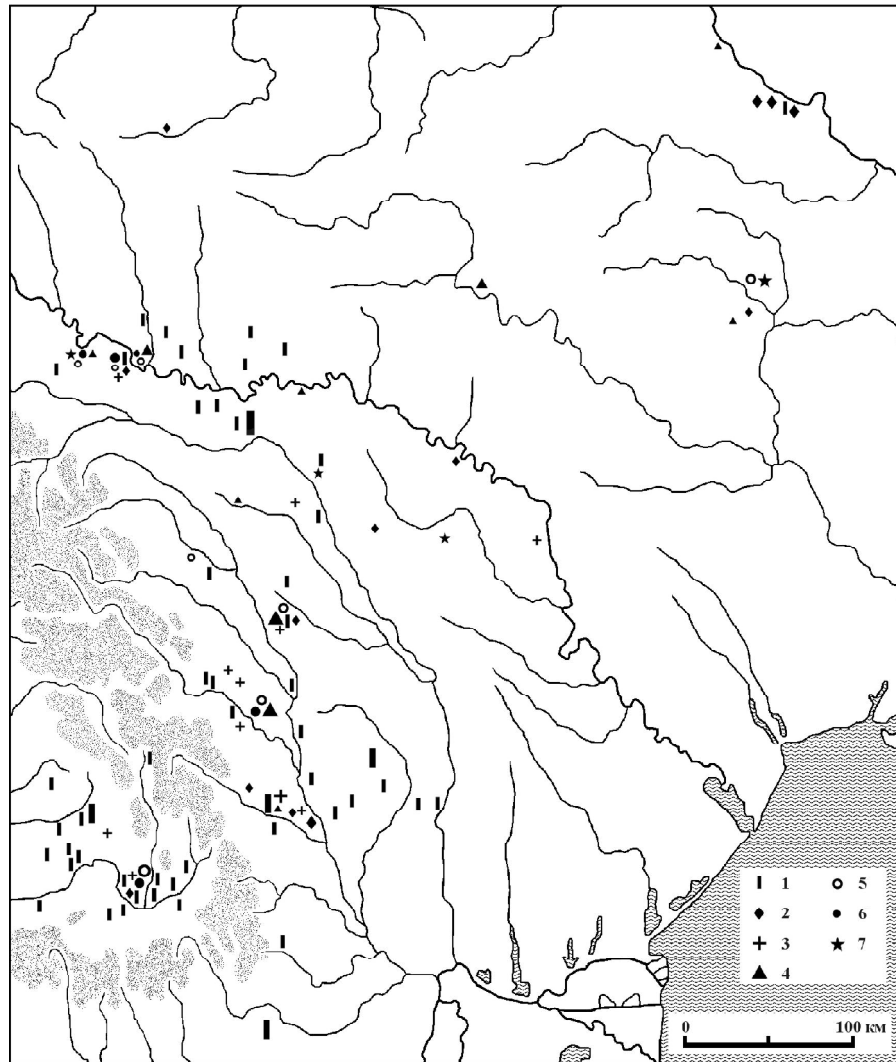

цию, сложившуюся в посткризисный период. Наиболее очевидные изменения, связанные с резким сокращением числа металлических изделий, проявляются в сфере похоронного ритуала. По наблюдению Н.В. Рындиной (1998: 49-50), при значительном возрастании количества захоронений в период культуры Бодрогкерестур, по сравнению с могильниками тисаполгарской культуры, число обнаруженных в них медных вещей изрядно уменьшается. Аналогичная тенденция прослеживается как на Балканах, так и в Северном Причерноморье. Одновременно в ареале трипольской культуры видоизменяется состав вотивных кладов: номенклатура депонируемых изделий становится более ограниченной, и, наряду с этим, падают количественные показатели, хотя сама практика укрытия кладов, как дань традиции, сохраняется до финальной стадии развития культуры. Однако это вовсе не означает, что процесс металлопроизводства пошел на убыль. По данным той же Н.В. Рындиной (1998: 66), объем металлопродукции в балкано-карпатской металлургической провинции в это время увеличивается в 1,5 раза. При сравнении особенностей распределения мед-

ных артефактов в ареале культуры Кукутень-Триполье на протяжении I и II фаз развития балкано-карпатской металлургической провинции, по Н.В. Рындиной, можно заметить, что на протяжении периодов Кукутень А-В и В количество находок практически не сокращается (рис.3 и 4). Более того, резко возрастает удельный вес тяжелых орудий в виде топоров-молотов, топоров-тесел и тесел-долот. Изменяется контекст обнаружения медных изделий. Если в периоды Прекукутень и Кукутень А основная масса находок происходит из крупных кладов, то на этапах Кукутень А-В и В большинство вещей представлено случайными находками, которые более равномерно рассеяны по всему ареалу. Такие изменения ясно говорят в пользу того, что культура преодолела кризисную фазу. Продукты металлообработки в большинстве своем остаются в обращении среди живущих, свидетельствуя о более прагматическом характере культуры и изживании в ней иррациональных, в нынешнем понимании, черт.

Весьма сходная ситуация прослеживается далее к востоку. Именно в данный период в Азово-Днепровском регионе, на Северном Кавказе

Рис.4. Распределение металлических изделий в ареале Кукутень А-В и В — Триполье В1-В2, В2, С1. Условные обозначения: 1 — топоры-молоты, 2 — тесла-долота, 3 — ножи и кинжалы 4 — шилья, 5 — украшения (браслеты, диски, подвески, амулеты), 6 — бусы, 7 — слитки (мелкие значки обозначают 1 обнаруженный предмет, крупные — 2 и более).

и в Поволжье металлические украшения изымаются из состава погребального инвентаря.⁶ Одновременно в этой зоне появляются тяжелые медные орудия типа Ариушд, Ясладань и Мезёкерештес, причем здесь они также известны по случайным находкам (Ильюков 1981; Корневский 1994). Отмеченные обстоятельства, скорее всего, говорят о том, что, во-первых, культурная трансформация в ареале степных и лесостепных объединений Восточной Европы всецело зависела от ритмов культурного развития в среде раннеземледельческих общностей Карпато-Подунавья и, во-вторых, активизация протяженных торговых операций с продуктами металлообработки приходится на периоды Кукутень А-В и В или, по крайней мере, эта торговля не была прервана с упадком балканских металлургических центров и исчезновением скелянской культуры.

К проблемам, связанным с трансформацией восточноевропейских энеолитических культур, мы вернемся позднее. Обращаясь же к порт-

⁶ Здесь не идет речь о майкопской культуре, чья металлообработка во многом основывалась на достижениях ранних цивилизаций Переднего Востока.

рету суворовской культурной группы, мы можем констатировать, что в ее облике содержится слишком мало черт, которые выдавали бы в ней иноземного варвара-разрушителя карпато-балканских цивилизаций. Ситуация, скорее, несколько напоминает какое-то полотно эпохи Ренессанса, на котором под фигурой застывшего в горделивой позе кондотьера в свете рентгеновских лучей проступают смутные очертания автопортрета художника, скрывшего под блестящими доспехами воина реальный образ. Так и в суворовской группе под внешностью чужеродного пришельца обнаруживается мощный пласт раннеземледельческих культурных традиций. Однако возникающая картина будет далеко не полной, пока мы не рассмотрим следующую разновидность источников, которая, согласно В.А. Дергачеву, представлена материалами, встречающимися в ареале как степных, так и карпато-балканских культур. Как и памятники суворовской группы, они постоянно привлекаются в качестве непреложного доказательства вторжения или проникновения носителей степных культурных традиций в ареал раннеземледельческих культур.

3. СВИДЕТЕЛЬСТВА «ВТОРЖЕНИЯ»

Изначальный перечень находок, призванных продемонстрировать начальный этап проникновения скотоводческих племен в среду земледельческих объединений, был предложен В.Н. Даниленко и Н.М. Шмаглием еще в начале 70-х годов (1972). В него вошли такие категории артефактов, как каменные скипетры, крестовидные навершия булав мариупольского типа, каменные браслеты, застежки-цирки, или так называемые «протопсалии», и керамика из глины с раковинной примесью. Позднее этот список разросся за счет привнесения новых признаков, представленных дисковидными раковинными бусами, пекторальями из кабаньих клыков, колесами от глиняных моделей повозок, двусторонне обработанными кремневыми наконечниками стрел или дротиков, массивными ножевидными пластинами и т.д. (Мовша 1993: 38-39; Rassamakin 1994: 35; Дергачев

1999: 195-196; Дергачев, Сорокин 1986: 63). В окончательном виде этот набор свидетельств как бы обрел должную основательность и, вероятно, по замыслу его составителей, был способен ликвидировать всякие сомнения касательно решающей роли степных культур в катастрофических событиях в Карпато-Балканском регионе. Но это на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении мы сталкиваемся с весьма любопытной археологической ситуацией, которую условно можно обозначить как «странное» распределение признаков. Однако таковым оно является лишь с точки зрения гипотезы о массовой миграции скотоводов из глубины восточноевропейских степей на запад. В чем же заключается «странность» ситуации? Для начала остановимся на особенно выразительной категории находок — каменных скипетрах.

3.1. Скипетры

За сравнительно долгий период изучения каменных энеолитических наверший, именуемых скипетрами, устоялся круг вопросов, постоянно дискутируемых в литературе уже на протяжении без малого восьмидесяти лет. Как прежде, так и сейчас исследователей волнуют их

хронология, происхождение, культурная принадлежность, функциональное назначение, иконографическая интерпретация. Но, пожалуй, ни по одному из этих параметров до сих пор так и не удалось достигнуть полного согласия. Единодушие проявляется лишь в трактовке этих пред-

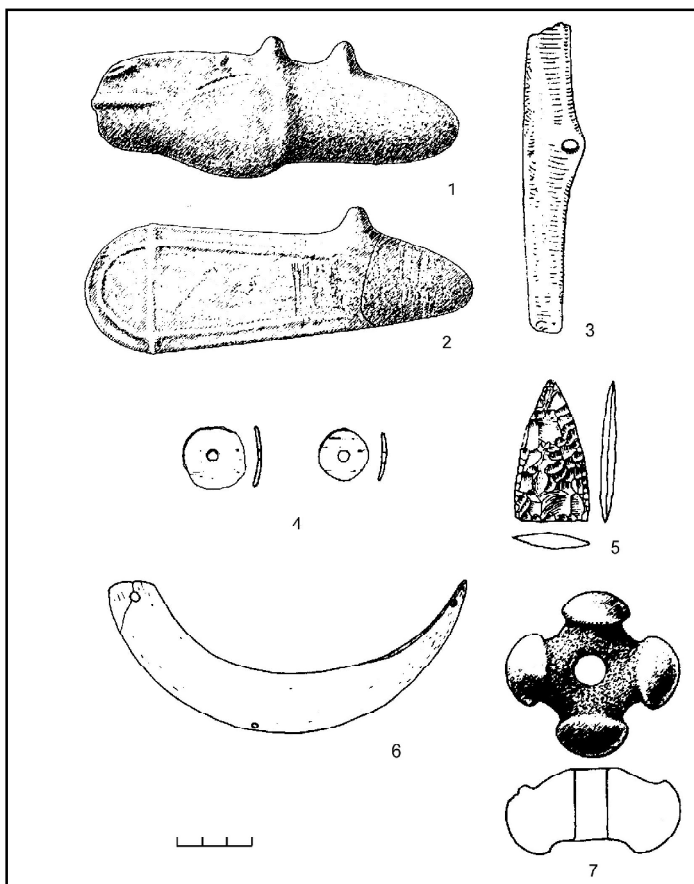

Рис.5. 1 — Суворово 2, 1/7, 2 — Могошесть; 3 — Хэбэшесть, 4 — Деча-Мурешулуй, погр.11 и 15, 5 — Касимча, 6 — Петро-Свистуново, погр.2, 7 — Деча-Мурешулуй, погр.12 (1,2 по Govedarica, Kaiser 1996; 3 по Dumitrescu et al. 1954; 4,7 по Kovacs 1932; 5 по Popescu 1941; 6 по Бодянский 1968).

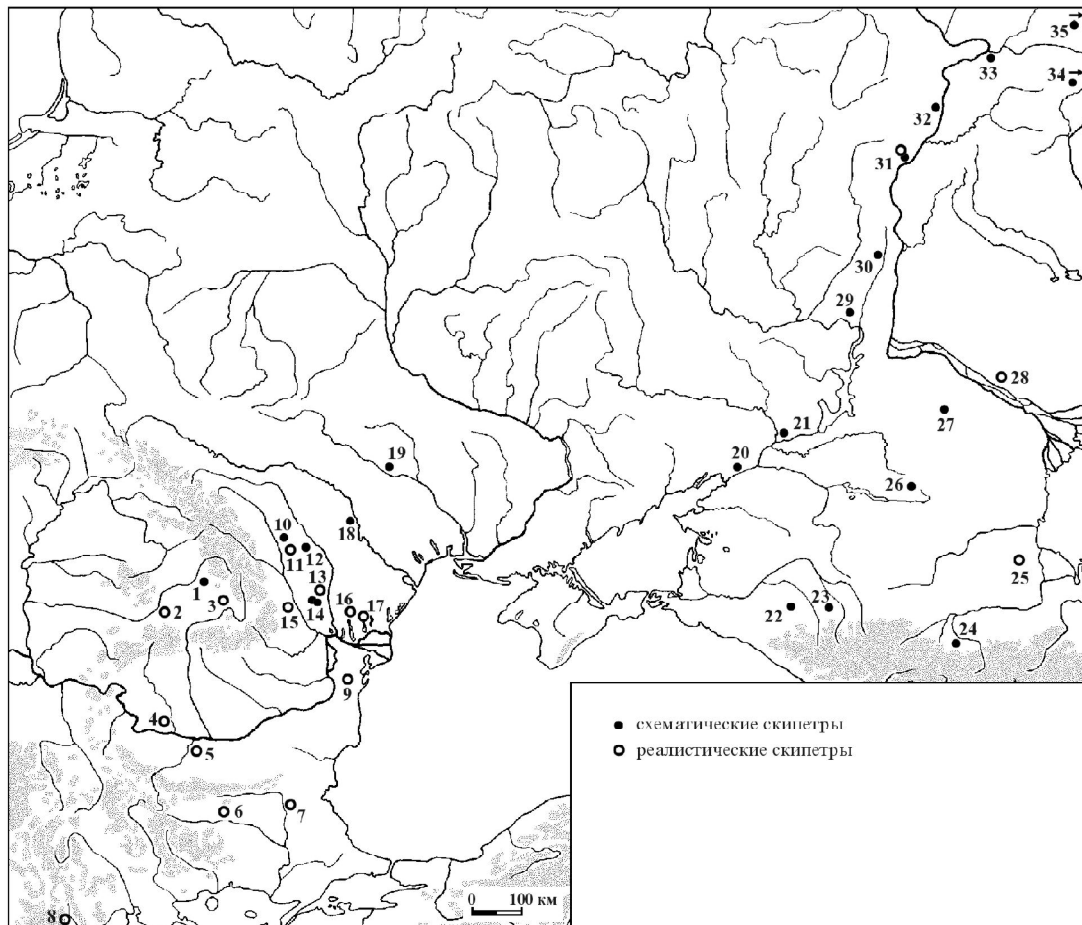

Рис.6. Пространственное распределение разнотипных каменных скипетров: 1 — Вэлень, 2 — Винцу де Жос, 3 — Ариушд (Кезберг), 4 — Сэлкуца, 5 — Телиш, 6 — Рыжево, 7 — Драма, 8 — Шуплевец (Суводол), 9 — Касимча, 10 — Руджиноаса, 11 — Могошешть, 12 — Феделешень, 13 — Бырлэпешть, 14 — Обыршешень, 15 — Фитионешть, 16 — Кайраклия, 17 — Суворово 2, 18 — Жора де Сус, 19 — Завалье (Березовская ГЭС), 20 — Ростов-на-Дону, 21 — Константиновск, 22 — Майкоп, 23 — Ясеновая Поляна, 24 — Владикавказ, 25 — Терекли-Мектеб, 26 — Архара, 27 — Джангар, 28 — Кокберек, 29 — Шляховский, 30 — Даниловка, 31 — Хлопково городище, 32 — Хвалынский, 33 — Самара (Куйбышев), 34 — Новоорск, 35 — Аркаим (по Govedarica, Kaiser 1996 с дополнениями автора).

метов как символов высокого социального ранга, хотя предлагались и более оригинальные идеи (Клейн 1990).

Согласно существующим ныне классификационным схемам, скипетры подразделяются, главным образом, на два основных типа: условно реалистический и схематический, по В.А. Дергачеву и В.Я. Сорокину (1986: рис.2 и 3), или зооморфный и абстрактный, по Б.Говедарице и Э.Кайзер (1996: 66, Abb.3). К первой группе относят изделия, которые в довольно реалистической манере передают голову животного, ко второй — уплощенные наверху подэллипсоидной формы с одним шипом, нередко украшенные рельефным орнаментом или каннелюрами (рис.5/1,2). В зависимости от морфологических или орнаментальных деталей в пределах этих типов выделяют несколько вариантов (Govedarica, Kaiser 1996: 68-74) либо проводят более дробное типологическое деление (Telegin 1987: 39-40). Большинство исследователей вслед за В.Н.Даниленко относят как схе-

матические, так и реалистические наверху к изображениям головы лошади, хотя такая интерпретация далеко не всегда безусловна.

В территориальном распределении скипетров наблюдается картина, выявленная еще в начале 80-х годов А.Додд-Оприцеску и И.Митрей (1983: 89). Несмотря на значительное пополнение коллекции, местонахождения изделий образуют два относительно изолированных ареала, первый из которых охватывает территорию Поволжья, Нижнего Дона и Предкавказья, а второй — Карпато-Балканский регион с прилегающими восточными районами вплоть до Южного Буга (рис.6). В восточном ареале отдельные находки тянутся до бассейна р.Урал и Южного Приуралья (Моргунова 1995: рис.76/2).⁷ В пределах земледельческого ареала самую за-

⁷ Пользуясь случаем, я хотел бы выразить искреннюю признательность Н.Я. Мерперту, ознакомившему меня с находкой скипетра из Аркаима, и Н.Д. Русеву, информировавшего меня о реалистическом наверху из Кайраклии.

падную точку маркирует скипетр с поселения Шуплевец в Пелагонии (Govedarica, Kaiser 1996: Abb.16/2). До настоящего времени скипетры не обнаружены в пространстве между Южным Бугом и Доном, хотя не исключена возможность, что в будущем они могут появиться и здесь.⁸ И в том, и в другом ареале известны оба типа наверхий, хотя и в различных пропорциях. Вместе с тем, западный ареал делится на две зоны: кукутенско-трипольскую и балканскую. В первой зоне имеются как схематические, так и реалистические скипетры, тогда как на Балканах встречаются изделия только реалистического типа.

С точки зрения хронологии бытование обоих типов наверхий в трипольском ареале ограничивается периодом Кукутень А—Триполье В1, тогда как на Балканском полуострове они, вероятно, могут дотягивать до раннего бронзового века. В степной полосе Восточной Европы наиболее ранние находки датируются хвалынской культурой, а наиболее поздние могли использоваться вплоть до позднего энеолита включительно (Дергачев, Сорокин 1986: 61-63; Govedarica, Kaiser 1996: 76-77).

Весьма ощутимые противоречия проявляются по вопросу происхождения и культурной принадлежности скипетров. Большинство исследователей связывают их возникновение с культурами степной зоны, хвалынской или среднестоговской (Даниленко, Шмаглей, 1972; Gimbutas 1977: 285; Дергачев, Сорокин 1986: 60-62; Anthony 1986: 297; Telegin 1987: 40; Mallory 1989: 234-235; Комша 1991). Наряду с этим высказано предположение, что каменные наверхия, или, по крайней мере, их реалистический тип, происходят из Карпато-Балканского региона (Збенович 1987: 112-113; Сафронов 1989: 196; Резепкин 1996: 51; Govedarica, Kaiser 1996: 76-77). Заключение о возможном появлении рассматриваемых изделий, в частности, в трипольской среде основывается не только на их повышенной концентрации в ареале этой культуры, но также на хронологических соображениях и наличии высоко развитых изобразительных тра-

диций в культуре Кукутень-Триполье. К слову сказать, эти аргументы являются далеко не бесспорными, на что в свое время справедливо обращали внимание В.А. Дергачев и В.Я. Сорокин (1986: 60-62). В противовес им авторы приводили целый ряд соображений, которые, по их мнению, однозначно свидетельствовали в пользу гипотезы о восточном происхождении скипетров. Построения В.А.Дергачева и В.Я. Сорокина опирались (1) на мнение В.Н. Даниленко о том, что наверхия в виде лошади отражают развитие коневодства и всадничества в среде степных культур, (2) на особенности локализации наверхий, (3) на условия их обнаружения и, наконец, (4) на якобы эволюционный характер перехода от обобщенно-схематических скипетров к детализированно-реалистическим. Но и эти положения, в сущности, не обладают силой бесспорных доказательств. На проблеме энеолитического коневодства и всадничества у нас еще будет возможность остановиться подробнее. Пока что рассмотрим три последних пункта, начиная с четвертого.

Прежде всего, вывод В.А.Дергачева и В.Я.Сорокина о развитии наверхий от схематических к реалистическим формам, если эти формы действительно связаны генетически, выглядит крайне маловероятным. Как резонно замечает А.Д. Резепкин (1996: 51), трансформация конкретного образа, и по отношению к скипетрам это особенно верно, может протекать от реалистического к схематическому его воплощению, но никак не наоборот. Изначальная схематизированная передача какого-либо образа принципиально не исключается, но лишь в том случае, если в его основе лежит какое-то абстрактное понятие, которое трудно выразить на уровне определенного конкретного изображения. Как удачно показал И.М. Дьяконов (1990), в ходе развития мифологического мышления (а в том, что зооморфные изображения так или иначе связаны с мифотворчеством, вряд ли приходится сомневаться) окружающая среда воспринимается человеком исключительно в конкретных понятиях и терминах и лишь в условиях классовых обществ, с появлением научного мышления, рождаются абстракции и схематизированные обобщения. В таком контексте предельная схематизация должна являться завершающим звеном эволюции в рамках образного постижения мира — это аксиома. Она возникает в том случае, когда конкретный образ полностью сформировался и устоялся. Тогда достаточно одного штриха, намек для того, чтобы вызвать необходимые ассоциации на уровне соответствующей сигнальной системы.

Одним из ключевых доводов в системе доказательств В.А. Дергачева и В.Я. Сорокина, подтверждающих связь каменных наверхий с культурами степного круга (1986: 61), являются условия их обнаружения. По мнению авторов, «преднамеренное использование скипетров в

⁸ На одной из карт В.А. Дергачева (1999: рис. 19) указан пункт на реке Молочной в Северо-Западном Приазовье, откуда якобы происходит какое-то наверхие схематического типа. При всей важности подобной находки в тексте статьи она никак не комментируется. Вероятней всего, автор имеет в виду фрагмент продолговатого каменного изделия из Аккермень, который, при достаточно развитой фантазии, можно счесть за тыльную часть схематического или реалистического скипетра. Однако на фрагменте хорошо заметны следы полировки, что абсолютно не характерно для всех известных скипетров: тыльная часть изделий всегда обработана более небрежно, чем передняя. Ю.Я. Рассамкин, любезно показавший мне эту находку, за что я ему безмерно признателен, воздержался отнести данный фрагмент к категории скипетров, вероятно, не найдя тому достаточных оснований (1999: 136-137). В.А. Дергачев, по-видимому, от такого искушения все-таки удержаться не смог.

погребальном обряде, т.е. сохранение ими первоначальной функции, ...наряду с упомянутым положением В.Н.Даниленко (о развитии коневодства и всадничества — И.М.), позволяет связывать возникновение и бытование этих памятников с существованием различных групп степного скотоводческого населения». В то же время, обращаясь к скипетрам, найденным на поселениях, авторы заключают, что они, то есть скипетры, «обнаружены в ординарных условиях», нередко повреждены, вторично использованы, а это, в свою очередь, «наводит на мысль, что найденные на поселениях наверхия то ли были утрачены, то ли преднамеренно выброшены как потерявшие свое первоначальное значение».

Необходимо отметить, что функция скипетров, обнаруженных на поселениях, впрочем, как и тех, что происходят из погребений, действительно остается неясной. Однако это и не удивительно, поскольку практически полностью отсутствует детальная информация о контекстуальных условиях депонирования находок, их соответствия другим объектам культурного слоя. Такая ситуация и впредь будет сохраняться, если культурный слой поселения будет исследоваться не по принципу замкнутого комплекса, а как информативно неполноценное скопление беспорядочно залегающих культурных остатков. Но даже если согласиться с тем, что наверхия на самом деле были выброшены, то это же можно сказать и о многих других находках, составляющих культурный слой. К примеру, трипольские поселения изобилуют материалами, в том числе и объектами социальной символики, которые можно считать «утраченными», «выброшенными» или оставленными, однако это не вызывает непрерывных сомнений по поводу культурной принадлежности этих предметов.

Далее. Если какая-либо вещь неоднократно утилизируется в пределах той или иной культуры, из этого не следует, что она заимствована из другой культуры. Напротив, это предполагает, что данная вещь не воспринимается как чужеродное тело. Это означает, что она органически вписана в соответствующую культурную среду и функционирует, подчиняясь тем правилам и регуляциям, согласно которым развивается сама среда. Если акцентировать внимание на том, что скипетры на поселениях повреждены и находятся вне определенного комплекса, тогда стоит напомнить, что наверхие из Хвалынского могильника тоже обломано (Агапов и др. 1990: 44, рис.21.5), а скипетры на Хлопковом городище, поселениях Константиновское и Ясеновая Поляна были обнаружены не в погребениях, то есть вне замкнутого комплекса, где они могли бы достойно сохранить свою «первоначальную функцию» (Малов 1987; Кияшко 1988: 141-142, рис.1/1,2; Нехаев 1992: 82, рис.4).

Между тем условия депонирования скипетров в сочетании с особенностями их пространственной локализации и хронологической пози-

ции действительно способны предоставить весьма ценную информацию (рис.7). Как уже указывалось, наиболее четко датируются наверхия, распространенные в ареале Кукутень-Триполья. Они надежно укладываются в этапы Кукутень А3 и 4 или во вторую половину периода Триполье В1. В период Кукутень А-В — Триполье В2 они уже не известны. Почти все находки происходят преимущественно с поселений, и лишь три из них выявлены случайно. В свою очередь, скипетры в Северо-Западном Причерноморье и на Восточных Балканах связаны только с погребениями или представлены случайными находками. Вопреки широко распространенному мнению, что эта разновидность мелких каменных изваяний как-то соотносится с культурой КГК VI, скипетры на восточнобалканских поселениях пока не найдены. Их обнаруживают в ареале КГК VI, но это не обязательно означает, что они одновременны карановским или гумельницким поселениям. Более того, судя по косвенным показателям, случайные находки из этих областей также могут скорее увязываться с разрушенными захоронениями, чем с культурными напластованиями балканских телей (Lichardus, Lichardus-Iltten 1993 69; Govedarica, Kaiser 1996: 97). Точная датировка погребений, а значит и скипетров, в силу отсутствия достоверных хронологических индикаторов вряд ли возможна. Они могут быть синхронны КГК VI, но могут и следовать ей во времени. На Западных и Центральных Балканах ситуация выглядит несколько иначе. Здесь скипетры сопряжены с поселениями культурного блока Криводол-Сэлкуца-Бубани-Хум (КСБХ), которые относятся к финальному энеолиту, по балканской хронологии, и, следовательно, датируются постгумельницким периодом. При этом погребения, которые содержали бы данные предметы социальной символики, пока не открыты.

Таким образом, при сопоставлении пространственных, хронологических и контекстуальных показателей мы получили один из примеров того «странного» распределения признаков, о котором было сказано немного выше. Действительно, в ареалах Кукутень-Триполья и КСБХ скипетры соотносятся только с поселениями, тогда как на территории, занятой КГК VI или группой Болград-Алдень, они происходят только из погребений. В лесостепной зоне между Карпатами и Южным Бугом скипетры датируются исключительно периодом Кукутень А—Триполье В1; в Северо-Западном Причерноморье и в ареале КГК VI они могут бытовать на протяжении периодов Кукутень А, А-В и В или Триполье В1, В2 и С1-γ1; на Центральных и Западных Балканах они однозначно синхронны периодам Кукутень А-В и В или Триполье В2 и С1. Подобная дивергенция признаков по всем возможным параметрам полностью противоречит гипотезе о едином миграционном процессе, направленном с востока на запад. Если бы таковой имел

место, мы вправе ожидать одинакового проявления признаков во всех культурных ареалах, подвергшихся предполагаемому нашествию. С другой стороны, следует отметить, что находки на поселениях соответствуют лишь тем областям, где сохраняются эволюционные тенденции культурного развития, в то время как погребения со скипетрами локализируются на территориях, охваченных резкой культурной трансформацией или характеризующихся откровенными культурными разрывами. Так выглядит ситуация в западной зоне распространения скипетров. Но как себя ведут признаки, концентрирующиеся в восточном ареале?

Условия депонирования скипетров на юге Восточной Европы несколько напоминают особенности их распределения в западном ареале, но с некоторыми индивидуальными нюансами (рис.7). В степном Поволжье, Приуралье, на Нижнем Дону и в степях Калмыкии они или представлены случайными находками, либо связаны с погребальными комплексами. Редки-

ми исключениями являются реалистическое навершие с территории хвалынского могильника Хлопково городище (Малов 1987) и фрагмент схематического скипетра с Константиновского поселения (Кияшко 1988: 141-142, рис.1/1,2). В предгорных районах Северного Кавказа также известны находки скипетров вне конкретного культурного контекста (Владикавказ, Майкоп). Погребения со скипетрами здесь отсутствуют, но на поселении Ясеновая Поляна, относящемся к домайкопскому периоду, был обнаружен один схематический экземпляр (Нехаев 1992: 82, рис.4). В рамках относительной хронологии наиболее ранние находки соответствуют памятникам хвалынской культуры в Поволжье и домайкопского энеолита на Северном Кавказе, которые, по крайней мере отчасти, должны быть синхронны периоду Кукутень А—Триполье В1. Вместе с тем некоторые изделия, скорее всего, могут соотноситься с более поздними погребениями бережновского типа, тем самым, достигая начала бронзового века. Столь поздняя да-

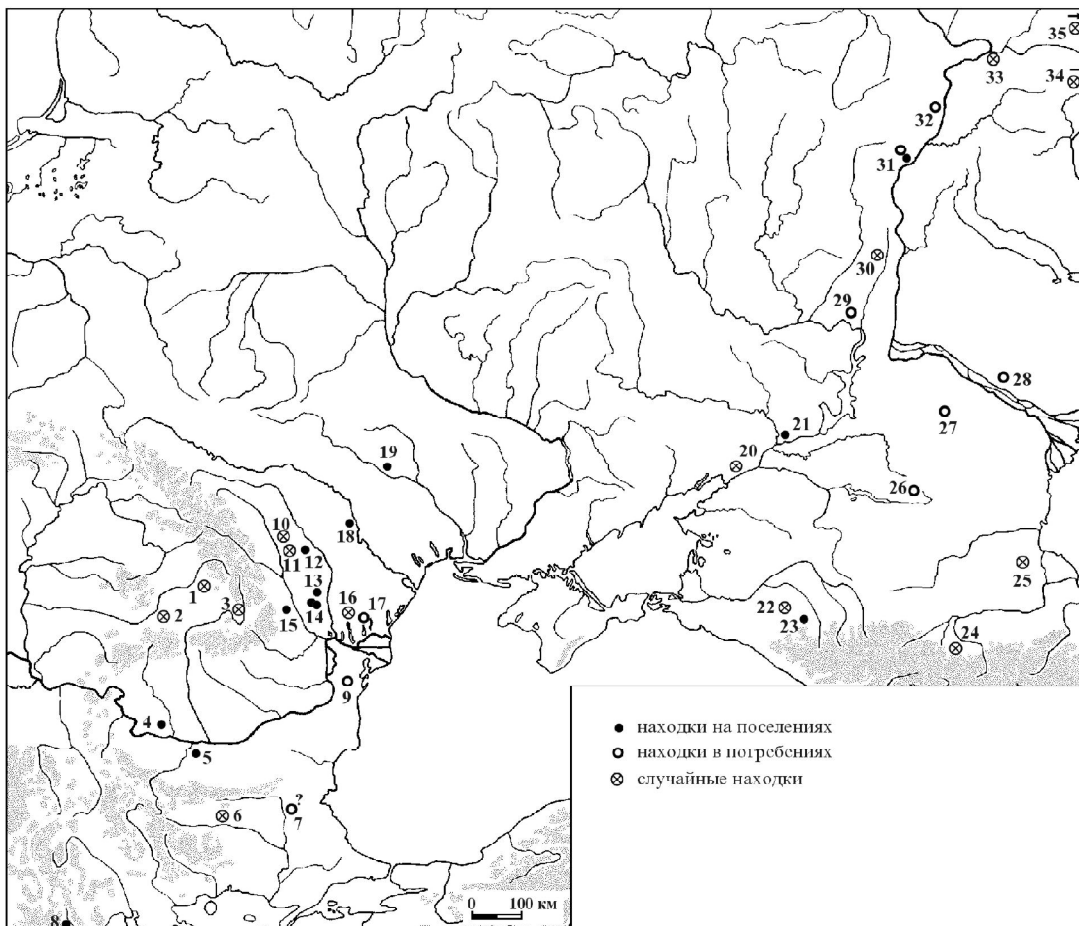

Рис.7. Контекстуальное распределение каменных скипетров: 1 — Взлень, 2 — Винцу де Жос, 3 — Ариушд (Кезберг), 4 — Сэлкуца, 5 — Телиш, 6 — Ръжево, 7 — Драма, 8 — Шуплеец (Суводол), 9 — Касимча, 10 — Руджиноаса, 11 — Могошешть, 12 — Феделешень, 13 — Бырлэпешть, 14 — Обьриень, 15 — Фитионешть, 16 — Кайраклия, 17 — Суворово 2, 18 — Жора де Сус, 19 — Завалье (Березовская ГЭС), 20 — Ростов-на-Дону, 21 — Константиновск, 22 — Майкоп, 23 — Ясеновая Поляна, 24 — Владикавказ, 25 — Терекли-Мектеб, 26 — Архара, 27 — Джангар, 28 — Кокберек, 29 — Шляховский, 30 — Даниловка, 31 — Хлопково городище, 32 — Хвалынский, 33 — Самара (Куйбышев), 34 — Новоорск, 35 — Аркаим (по Govedarica, Kaiser 1996 с дополнениями автора).

тировка на вершин восточного ареала кажется вполне допустимой, учитывая экземпляр, обнаруженный на Константиновском поселении — одном из позднейших памятников восточноевропейского энеолита.

Таким образом, в соотношении пространственного и контекстуального показателей залегания находок прослеживается фактически тот же принцип, что и в западном ареале. Все надежно документируемые скипетры степной зоны, за исключением Константиновска, происходят из погребальных памятников, тогда как в предгорьях Северного Кавказа скипетр был выявлен на поселении, правда, всего единственным. В то же время они отсутствуют в ранне- и среднеэнеолитических могильных комплексах предгорной зоны. Следовательно, так же, как и в Карпато-Балканском регионе, погребения со скипетрами восточного ареала приходится на области, где культурные изменения особенно разительны, т.е. локализируются в пределах хвалынской и, отчасти, скелянской культур. Кавказские же находки распространены в районах, где культурное развитие носило более последовательный характер, по крайней мере, до появления майкопской и новосвободненской культур. Хронологически скипетры в рассматриваемом ареале, если судить по экземпляру из Константиновска, вписываются в рамки всей энеолитической эпохи, по-видимому, достигая начала бронзового века.

Параллельное сравнение особенностей распределения скипетров в обоих основных ареалах обнаруживает следующую картину. Поселенческие находки сопряжены исключительно с земледельческими культурами Кукутень-Триполье, КСБХ и закубанской, развивающимися в стабильно эволюционном ритме, без видимых изломов и радикальных трансформаций. Это, по всей вероятности, означает, что указанные культурные объединения, несмотря на наличие скипетров, не подвергались какому-либо губительному внешнему воздействию. В противном случае ход их развития должен был круто измениться. В свою очередь, скипетры из погребений распространяются лишь на тех территориях, где эволюционные тенденции культурного

развития были в значительной степени прерваны. В Карпато-Балканских землях к ним относятся ареалы КГК VI и культуры Петрешть в Трансильвании, а в Волго-Днепровском регионе культуры хвалынской-среднеднепровской области, наследующие в крайне незначительном объеме элементы предшествующих культур Мариупольского круга. Скипетр с Константиновского поселения вряд ли способен исказить общий фон, так как константиновская культура в большей мере синхронна усатовским памятникам, т.е. она вписывается в тот период, когда в степной полосе действовали совершенно иные факторы.

С точки зрения хронологии, единственной зоной, где скипетры датируются предельно узко, является ареал кукутеньско-трипольской культуры. Здесь их бытование жестко ограничивается этапами Кукутень А3 и А4. На всех остальных территориях каменные наконечники или однозначно относятся к более позднему времени (Центральные и Западные Балканы), либо используются на протяжении очень долгого периода. При этом нижняя хронологическая граница их появления в том или ином культурном ареале, как правило, определяется достаточно приблизительно. Такая пространственно-хронологическая расстановка признаков заставляет нас разыскивать истоки данной категории социальной символики, прежде всего, в кукутеньско-трипольском ареале. Возникнув, по всей вероятности, как реакция на какое-то изменение привычных условий жизнедеятельности земледельческих общин, каменные скипетры находились в обращении относительно недолго и, очевидно, в результате очередного поворота событий были изъяты из употребления и перенесены своими владельцами в иную культурную и географическую среду. Правомочность этого предположения можно проверить, обратившись к семантике рассматриваемых изделий. Для этого нам придется сделать незначительное отступление от общей канвы сюжета для того, чтобы кратко обсудить довольно дискуссионную исследовательскую проблему и связанное с ней культурное явление, которое можно обозначить как

3.2. Феномен всадников

Так назывался небольшой фантастический рассказ, который повествовал о вторжении на нашу планету космических пришельцев, устроивших безжалостную охоту на обитателей Земли. Владеющие каким-то странным оружием, гарцующие на огромных вороных конях, воинственные всадники принялись усердно истреблять род людской, не делая никаких различий между прекрасными и далеко не безобразными представителями человечества. Тщетны были все попытки землян совладать с бандит-

ствующими наездниками: их не брали ни пули, ни снаряды, ни ядерный удар. Примерно такую же жизнестойкость демонстрирует идея о возникновении коневодства и всадничества еще в пору раннего энеолита. Чем больше доказательств свидетельствует против нее, тем упорнее она отстаивается своими адептами.

Между тем конец XX века ознаменовался в археологии степного Причерноморья одним весьма примечательным событием: неизвестному Деревскому жеребцу, этому своеобраз-

ному символу древнейшего верхового коня, было отказано в его энеолитическом прошлом. Понукаемый новыми радиоуглеродными датами, он стремительно вознесся по хронологической шкале из глубин медного века, где его пытались удержать сторонники идеи энеолитического всадничества, до высот века железного, где его давно поджидали терпеливые оппоненты. Нельзя сказать, что утрата этого ключевого аргумента полностью обескуражила приверженцев упомянутой точки зрения. Отнюдь. Сославшись на то, что с потерей коня не потеряна идея, они нашли в своем арсенале достаточно иных доводов, способных, по их мнению, подтвердить чрезвычайную древность возникновения специализированного коневодства как отдельной отрасли первобытной хозяйственной деятельности (Anthony, Brown 2000).

Но как бы ни складывались обстоятельства вокруг пресловутой Деревинской находки, невозможно не заметить очевидных изменений в характере и направленности дискуссии о роли эквидов в жизни энеолитических обществ. Если ранее основной круг вопросов вращался вокруг таких тем, как тактика ведения конного боя, приемы вольтижировки и размеры конных соединений, совершавших далекие рейды в среде оседлого населения, то теперь в качестве главных проблем обсуждаются сама возможность приручения коня уже в энеолите, районы и условия его доместикиции, хозяйственное значение как диких, так и домашних особей в жизни первобытных коллективов и т.д. (Levine 1990; 1998; 1999; Beneke 1994; 1998; Häusler 1994b; Rassamakin 1999; Anthony, Brown 2000; Ditz 2000).

По-прежнему наиболее популярной остается гипотеза, локализирующая первичный центр доместикиции коня в восточной части южнорусских степей или на территории Северного Казахстана. Помимо археозоологических исследований, результаты которых нередко диаметрально противоположны, в качестве одного из ведущих аргументов подчеркивается особая ритуальная значимость эквидов в культовой практике древних обитателей указанных регионов. Оставим специалистов-археозоологов самостоятельно разбираться в надежности тех или иных критериев, отличающих домашнюю лошадь от дикой, и сконцентрируем наше внимание на втором аспекте.

Действительно, полевые исследования, прежде всего в степном Поволжье, выявили вполне убедительные следы связанных с похоронным обрядом культовых церемоний, где останки лошадей представлены в довольно большом количестве. Среди них в первую очередь привлекают внимание остатки тризны на могильнике самарской культуры в Съезжем и жертвенники хвалынской культуры на первом эпонимном могильнике (Васильев, Матвеева 1979: 147-148; Агапов и др 1990: 8-10). Однако, по край-

ней мере, на Хвалынском могильнике, наряду с костями лошадей, жертвенники содержали многочисленные останки крупного и мелкого рогатого скота. В силу этого мы с равным успехом можем говорить о большом ритуальном значении не только лошадей, но и других жертвенных животных, причем трудно сказать какому именно виду отдавалось предпочтение. Если же брать за основу количественный показатель, то быки или коровы должны лидировать с большим отрывом в списке жертв, подлежащих закланию. Показательно, что останки животных встречаются только на жертвенных площадках, но отсутствуют в самих погребениях. Вероятно, такое местонахождение культурных остатков, фиксируемое при раскопках, диктовалось строго регламентированными обрядовыми правилами, не допускавшими помещения данной разновидности жертвоприношений в могилу.

Использование жертвенных эквидов в погребальной практике самарской и хвалынской культур традиционно противопоставляется обрядовым нормам раннеземледельческих культур Карпато-Подоунавья и Балкан. Почему-то сформировалось устойчивое мнение, что данная обрядовая черта последним была изначально чужда, а все находки останков лошади, в том или ином контексте открываемые в земледельческом ареале, будь то Кукутень-Триполье или КГК VI, трактовались лишь как результат влияния степных скотоводческих культур. Однако при более внимательном рассмотрении источников, мы в состоянии выявить совершенно иную картину. В первую очередь, в качестве наглядного примера необходимо привести свидетельства с неолитического могильника Дуранкулак, где большая часть погребений содержала кости различных травоядных животных. Помимо того, в четырех могилах залегали целые черепа быков/коров, овец, оленей и диких ослов (Димов и др. 1984: 79). К сожалению, точный подвид эквидов не указывается, т.е. они могут быть представлены либо куланом, либо плейстоценовым ослом. В большей (плейстоценовый осел) или меньшей (кулан) степени отличаясь по внешним признакам от настоящей лошади, оба подрода практически не уступали ей, в частности, тарпану, в размерах. Высота степного тарлана в холке равнялась 120-130 см, тогда как рост кулана в некоторых случаях достигал 146 см и плейстоценового осла 140 см (Кузьмина 1997: 107, 134, 168). Принимая во внимание незначительность различий между ними, по крайней мере, с точки зрения размеров, можно вполне предположить, что дикие ослы или полуослы вполне могли замещать и/или использоваться наряду с лошадей в погребальном ритуале земледельческого населения. Важно подчеркнуть два обстоятельства: во-первых, в указанном случае мы имеем дело с дикими особями, что предполагает возможность употребления в обряде не обязательно доместичированных эквидов;

во-вторых, кости жертвенных животных обнаруживаются именно в погребениях, что различается с ритуальными обычаями самарской и хвалынской культур. Но свидетельства из могильника Дуранкулак далеко не изолированы и дополняются другими данными.

Так, останки жертвенных животных и рыбы сопровождали погребения культуры Болград-Алдень на Болградском поселении (Субботин 1983: 105-106). Другие захоронения этой культуры, где содержались кости животных, были открыты на территории Румынии (Dragomir 1983: 107-108). В частности, в могиле на поселении Лишкотьянка I наряду с другими предметами было найдено копыто лошади. В погребении в Сучевень был обнаружен уже целый набор жертвенных животных, включавший быка, свинью и коня. Здесь же были выявлены кости рыбы. В свете этих данных совершенно в ином ракурсе предстают широко распространенные находки костей лошади на кукутенско-трипольских и болгарско-алденских поселениях, конские изображения в художественных традициях трипольской культуры, чему в последнее время придавалось особое значение, специфическая комбинация жертвенных животных на Джурджулештском могильнике (Gheorghiu 1994; Videiko 1994: 14-15; Rassamakin 1999: 133-137; Манзура 1999: 28). В совокупности эти свидетельства демонстрируют глубокие местные корни рассматриваемой обрядовой черты, ее самостоятельное возникновение и развитие в среде именно раннеземледельческих культур Карпато-Балканского региона. С другой стороны, они могут оказаться своеобразным ключом к пониманию символического значения скипетров, особенно тех, которые наиболее отчетливо передают образ коня.

К сожалению, погребальный обряд раннего, среднего и частично позднего периодов культуры Кукутень-Триполье, который фиксировался бы в каких-то репрезентативных материальных остатках, до сих пор не известен. Редкие и разнотипные захоронения, встречающиеся на трипольских поселениях, ни в коем случае не могут отражать этот обряд в его массовых проявлениях. Они скорее могут пониматься как какое-то отклонение от стандартных правил. Поэтому, с точки зрения похоронного ритуала, функция каменных наверший в пределах трипольского ареала, если абстрагироваться от их общей интерпретации, как символов высокого социального ранга, по-прежнему выглядит не совсем понятной. В свою очередь, в степной зоне, за исключением случайных находок, они сопряжены исключительно с могильными комплексами. В этом контексте конеголовые скипетры, вероятно, могут выступать в качестве своеобразной реплики реальных коней, останки которых иногда сопровождают погребенных. Дело в том, что во многих мифологических системах образ коня неизменно ассоциируется с идеей переноса, или перехода, из этого мира в мир

иной, поэтому наличие в погребении коня или его суррогата может указывать на роль этого животного именно как проводника душ — психопомпа (Петрухин 1987: 453).

Разумеется, скипетры относятся к разряду особо престижной символики, связанной с верхушкой социальной иерархии, и в этом своем качестве они способны входить во множественные семантические ряды или поля, образуемые в сфере представлений о личности и качествах социального лидера. В этом смысле мне кажется очень продуктивной идея Л.С.Клейна (1990: 17-18), соединяющая итифаллическую символику скипетра с образом Единорога, пусть мифического, но все же эквида. Если мы обратимся к так называемым схематическим навершиям (рис. 5/2), то обнаружим, что они напоминают не конскую морду с уздой, как считал В.Н. Даниленко, а скорее достаточно реалистически выполненное фаллическое изображение. С другой стороны, это принципиально не отменяет их связь, не генетическую, а смысловую, со скипетрами реалистическими, поскольку они как бы создают единый семантический ряд, вобравший в себя такие сопряженные с конем понятия, как мощь (в ее различных проявлениях) — агрессивность — плодовитость — верховенство и т.д., т.е. все те качества, которыми, часто неосознанно, и ныне наделяют желаемого политического лидера. Но в этом случае в тот же самый символический ряд мы можем поместить такие предметы как модель фаллоса из оленьего рога из Джурджулешть (Haheu, Kurciatov 1993: 103, pl.7/11.), неоднократно находимые в погребениях массивные нуклеусы, на что справедливо указывали Б.Говедарица и Э.Кайзер (1996:78-79), а также длинные медные, золотые или костяные трубочки из различных энеолитических погребениях степной зоны, чье назначение до сих пор не находило должного объяснения (Писларий и др. 1976: 22, рис.3/4; Рассамакін, Будников 1993: 131, рис.5/2). Интересно, что практически одновременно глиняные фаллические изображения распространяются в ареале Кукутень А—Триполья В1 и КГК VI, что, по-видимому, отображает какие-то общие моменты в развитии культур Карпато-Балканского региона.

Таким образом, в культурно-исторической ситуации, сложившейся в ареале земледельческих культур в период Кукутень А—Триполье В1, мы можем выделить два важных показателя, каждый из которых по-своему сигнализирует о кризисных явлениях в пределах этого ареала. С одной стороны, это богатые вотивные клады и могильные приношения, с другой — формирование какой-то новой, похоже, воинской, социальной элиты, очевидно, противопоставленной старым родовым лидерам, вероятно, из числа жреческой аристократии. Но как в этом случае быть со степными всадниками и конными ордами эпохи энеолита. В упомянутом в начале этого параграфа фантастическом расска-

зе проблема всадников разрешилась довольно курьезно и, в то же время, предельно просто. Пришельцы случайно увидели изображение какого-то бородатого сказочного персонажа, нарисованного на песке маленькой девочкой. Этот лик их почему-то сильно встревожил, и они буквально в панике покинули Землю. Вряд ли проблема энеолитического всадничества может быть решена с такой же простотой. Тем не менее, следует подчеркнуть, что та символическая посылка, которая заключена в конеголовых и прочих скипетрах, не обязательно предпола-

гает первостепенное значение лошади именно как верхового животного. Появление социальных регалий подобного типа, скорее, было обусловлено какими-то иными особенностями эквидов, максимально отвечавшим представлениям древних о природе верховной власти.

Однако тема всадничества в миграционной концепции не исчерпывается только скипетрами. Существует еще одна категория находок, которая постоянно используется в качестве веского аргумента сторонниками данной концепции.

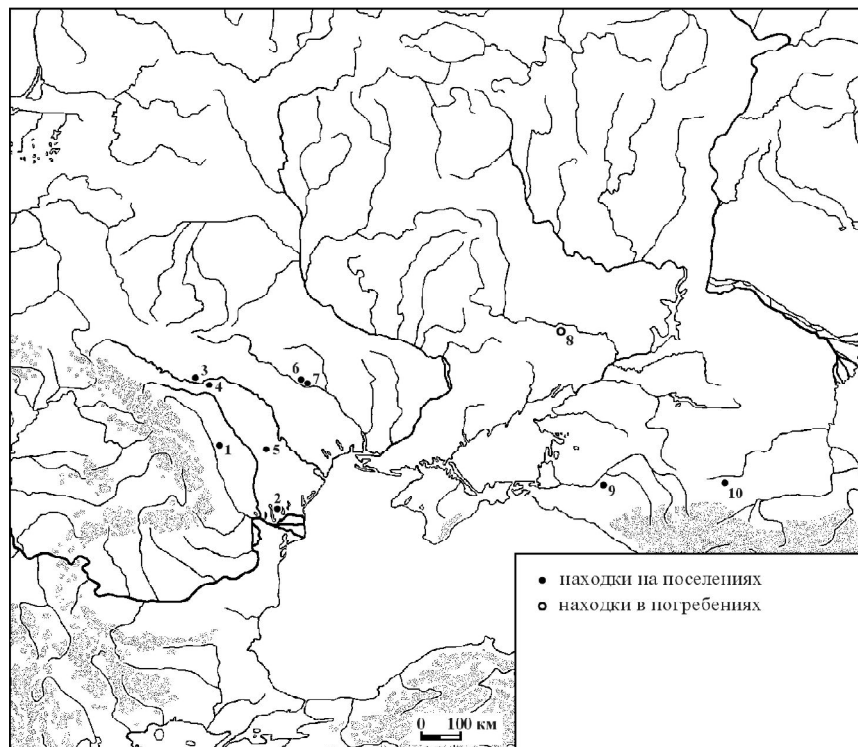
3.3. Роговые застёжки-цирки

Первым на эту категорию находок (рис.5/3) обратил внимание В.Н. Даниленко в связи с разрабатываемой им гипотезой о возникновении кочевого скотоводства и всадничества в энеолитическую эпоху (1974: 96-97). Исследователь предпочитал именовать их застёжками, но, наряду с этим названием, он использовал и другой термин — протопсалии, вероятно, стремясь подчеркнуть внешнее сходство этих изделий с настоящими псалиями последующих эпох. Последнее обозначение утвердилось в археологической литературе особенно прочно, поскольку оно акцентировало возможную связь роговых застёжек с определенной деталью конской узда и, следовательно, в большей степени соответствовало основным положениям концепции о кочевническом нашествии на культурные объединения Карпато-Балканских земель. Открытие же «протопсалиев» в самых различных частях преимущественно трипольского ареала позволяло наглядно представить всю широту и размах ино-

культурных вторжений. Однако в последнее время возобладала другая точка зрения касательно функциональной принадлежности рассматриваемых предметов, согласно которой они могли или являться какими-то бытовыми приспособлениями, либо входить в кремнеобработанный орудийный набор (Dietz 1992: 34-36; Rassamakin 1999: 139). Несмотря на изменившуюся интерпретацию изделий, их происхождение, как и прежде, соотносится с ареалом степных энеолитических культур. Как же этот признак проявляет себя в пространственно-хронологической проекции?

Картографирование роговых застёжек (рис.8) показывает, что в основном они концентрируются на территории, занятой культурой Кукутень-Триполье. При этом они встречаются не только на памятниках, граничащих со степью, таких как Сабатиновка, Березовская ГЭС и Новые Русешты (Даниленко 1974: 96, рис.65.4-11), но и в глубине трипольского культурного масси-

Рис.8. Пространственное и контекстуальное распределение роговых застёжек-цирок: 1 — Хэбэшеть, 2 — Озерное, 3 — Жванец-Лысая Гора, 4 — Ленковцы, 5 — Русештий Ной, 6 — Завалье (Березовская ГЭС), 7 — Сабатиновка I, 8 — Александровск, 9 — Свободное, 10 — Кисловодск-Замок.

ва, в Хэбэшешть (Dumitrescu et al. 1954: 261), Ленковцах и Жванце-Лысая гора (Мовша 1993: 38). Из других находок следует упомянуть застежку с поселения культурной группы Болград-Алденъ в Озерном (Субботин 1983: 51, рис.20/7).

Далее к востоку количество изделий данного типа резко убывает. Одна обломанная застежка обнаружена в Александровском грунтовом могильнике скелянской группы (Братченко, Константиnescу 1987: 23, рис.6.4), несколько экземпляров выявлено на поселении Замок близ Кисловодска (Рунич 1967: 231, рис.3.7,8,14) и один найден на поселении Свободное в Прикубанье (Нехаев 1990: 19, рис.5.8). Абсолютно не известен этот тип застежек на памятниках Поднепроя, в Северном Прикаспии и на Волге.

Хронологически самые древние находки связаны с раннетрипольскими поселениями Ленковцы и Жванец-Лысая гора, несколько экземпляров обнаружено на поселении Новые Русешты 1 времени Кукутень А1-2 и часть изделий найдена на поселениях периода Кукутень А3 в Хэбэшешть, Сабатиновке и Березовской ГЭС. По-видимому, к числу наиболее ранних

можно отнести и застежку с поселения Озерное. Согласно этим данным, застежки-цирки вписываются в хронологический промежуток от Прекукутень III-Триполье А2 до Кукутень А3-Триполье В1. Более поздние находки в трипольском ареале пока не известны. Аналогичные изделия к востоку от Днепра выявлены на памятниках, синхронных в целом лишь второй стадии периода Кукутень А-Триполье В1, хотя экземпляр из Свободного, возможно, датируется чуть раньше.

Таким образом, с позиций сугубо археологического исследования, особенности пространственной локализации признака в сочетании с его хронологическим проявлением объективно не дают никаких оснований подозревать в нем какой-то привнесенный элемент в рамках культуры Кукутень-Триполье. На чем же тогда строится вывод о восточном происхождении роговых застежек? Боюсь, что вразумительный ответ на этот вопрос невозможно найти ни в одной из работ, связанных с данной проблематикой. И это справедливо не только по отношению к так называемым «протопсалиям».

3.4. Дисковидные бусы из раковин

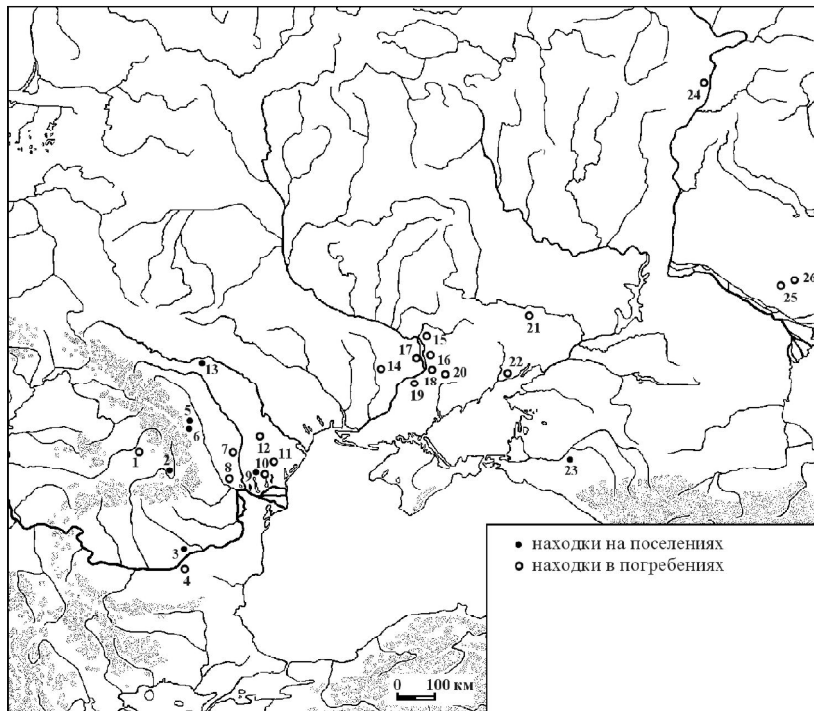
Крупные дисковидные бусы округлой или овальной формы, выточенные из створок раковин речных моллюсков (рис. 5/4; 9), считаются наиболее характерным атрибутом, прежде всего, скелянской культуры (Rassamakin 1994: 35). В энеолитических захоронениях их иногда обнаруживают в качестве поясных наборов на останках погребенных. В этом виде они были прослежены на могильниках скелянского типа в Чаплях (Добровольский 1954: 111-112) и Кривом Роге (Рассамакин, Будников 1993: 128-129, рис.2; 3.3). Подобные украшения известны и в погребальных комплексах Юго-Восточной Европы, таких, как Суворово 2, кург.1, погр.7 (Алексеева 1992: 29, рис.3.1,4), Лунгочь-Фундъ (Dragomir 1976: 54, fig.1/4-6), Фэлчиу (Porușoi 1987-1989: 17, fig.3/1-8), Кэйнаръ (Мовша, Чеботаренко 1969: 47, рис.18), Деча-Мурешулуй (Kovacs 1932: 90, 93, 95-97, fig.1/2,3; 5/2-4; 10/3; 12/2; 15/3). Предполагают, что эта манера оформления раковинных поясов, как и некоторые другие элементы, была унаследована от культур мариупольского круга, хотя, по сути, аналогичные украшения выявлены только в собственно Мариупольском могильнике (Макаренко 1933: 56, 63, 81, рис.5/6; 14/49; 44/165) и близком ему по времени Лысегорском некрополе (Телегин 1991: 76). Однако бусы из Мариуполя, как правило, обрубленные с одного края, несколько отличаются от стандартной формы, а бусы из Лысегорского могильника были изготовлены из камня. Перламутровые бусы известны и в других могильниках мариупольского типа, например, в Никольском и Вовниги 2, но здесь они имеют кольцевидную форму, отличаясь от более массивных бусин из

Мариуполя (Телегин 1991: рис.7.11,12; Котова 1994: рис.21.23).

Между тем, уже сейчас можно утверждать, что дисковидные бусы из раковин являются принадлежностью не только мариупольской или скелянской культур. Аналогичные изделия были также присущи культурам балкано-дунайского круга. Они обнаружены, например, на поселении Пьетреле времени Гумельница А1 (Berciu 1956: 542, fig.71.2), на могильнике культуры Караново VI в Руссе (Тодорова 1975: табл.13.3) и на поселении группы Болград-Алденъ в Болграде (Субботин 1983: 101, рис.23.5-10). Дисковидные перламутровые бусины известны и в культуре Кукутень-Триполье, где они выявлены на таких памятниках, как Извоаре (Vulpe 1957: 263, fig.274.1), Бодешть-Фрумушика (Mătasă 1946: pl.51), Ариушд (László F. 1911: 258, fig.95) и Поливанов Яр (Пассек 1961: 113).

К востоку от бассейна Днепра, если не считать Мариупольский могильник, подобные бусы попадаются крайне редко. Отдельные экземпляры обнаружены в некоторых погребениях Хвалынского могильника (Агапов и др. 1990: 67, рис.29.33-36), в разрушенном могильнике хвалынской культуры в ур.Нарым Бай в Северном Прикаспии (Васильев 1981: табл.24.10-15), на поселении Свободное в Прикубанье (Нехаев, 1990: 10, рис.3.30). В то же время, этот тип украшений пока не открыт на Северном Кавказе и на Нижнем Дону, если не считать нескольких округлых бусин из Александровского могильника на Северском Донце, относимого к скелянской культуре (Братченко, Константиnescу 1987: 24, рис.7.4).

Рис.9. Пространственное и контекстуальное распределение дисковидных бус из раковины *Ulio*: 1 — Деча-Мурешулуй, 2 — Ариушд, 3 — Пьетреле, 4 — Руссе, 5 — Бодешть (Фрумушика), 6 — Извоаре, 7 — Фэлчу, 8 — Лунгочь-Фундень, 9 — Болград, 10 — Суворово 2, 11 — Арциз, 12 — Кэйнарь, 13 — Комарово (Поливанов Яр III), 14 — Кривой Рог, 15 — Чапли, 16 — Петро-Свистуново, 17 — Федоровка, 18 — Малокатериновка, 19 — Благовещенка, 20 — Новоданиловка, 21 — Александровск, 22 — Мариуполь, 23 — Свободное, 24 — Хвалынский, 25 — Тау-Тюбе, 26 — Нарым-Бай.

Наблюдая за картиной пространственного распределения перламутровых дисковидных бусин, можно заметить, что их наибольшая концентрация приходится на различные районы Юго-Восточной Европы, в меньшей степени они засвидетельствованы в Поднепровье, а в более восточных районах они встречаются лишь на единичных, территориально отдаленных, памятниках. Иными словами, в пространственной проекции мы можем наблюдать постепенное убывание признака с запада на восток. В хронологическом отношении эти украшения достаточно четко вписываются в определенный горизонт памятников завершающей стадии раннего и начальных этапов среднего энеолита, по трипольской шкале, хотя изредка попадаются в позднеэнеолитических погребениях или даже в комплексах ямно-катакомбного времени (Плешивенко 1996: 81, табл.42/3; Синицын, Эрдниев 1987: 35, 79, рис.16.3; 39.4).

Особенно интересно соотношение рассматриваемых украшений с другими контекстуальными признаками энеолитических погребений степного Причерноморья, в первую очередь, с металлическими изделиями. Так, бусы из *Ulio*

были обнаружены всего в 13 погребениях Северо-Западного Причерноморья, Поднепровья и Донецкого бассейна. В 8 случаях они сочетались в инвентарных наборах с медными и/или золотыми предметами, причем иногда (Лунгочь, Кэйнарь, Кривой Рог) изделия из металла были представлены в немалом количестве. Металлические вещи отсутствовали лишь в погребениях 1/17 у г.Арциза, 2/2 у Малокатериновки II и погребении 2 в Петро-Свистуново, хотя в целом данный могильник содержал довольно много медных изделий (Алексеева 1976: 181-182, рис.3/6; Плешивенко 1996: 81, табл.42/4; Бодянский 1968: 118, рис.6/1). Такая высокая степень взаимовстречаемости специфического типа украшений с балканским металлом, при незначительном числе погребальных комплексов, кажется весьма неслучайной. Этот показатель, во-первых, хорошо согласуется с пространственным поведением данного признака и, во-вторых, — удачно дополняет территориальные параметры других, уже рассмотренных, категорий материалов. Но воздержимся от каких-то окончательных выводов до завершения обзора всех свидетельств вторжения.

3.5. Керамика типа Кукутень С

Керамика из глиняной массы с примесью толченой ракушки, выделенная в свое время Г.Шмидтом в особый тип Кукутень С, считается наиболее очевидным среди различных приобретений культуры Кукутень-Триполье, появившихся в результате разрушительного вторжения степных скотоводов. Сравнительно долго происхождение этого керамического типа в трипольской культуре определялось в довольно общих

чертах. Его истоки возводили в целом к среднестоговской культуре, но некоторая противоречивость выстраиваемых хронологических параллелей давала повод для весьма жестких критических оценок гипотезы о восточных корнях рассматриваемой керамики (Dodd-Oprîtescu 1983). Недавно самые ранние проявления керамики типа Кукутень С были однозначно связаны со скелянской культурой, фактически древ-

нейшим энеолитическим подразделением Восточной Европы (Rassamakin 1994; 1999). Более того, сама эта керамика, обнаруживаемая на трипольских поселениях, стала выступать в качестве хронологического индикатора, маркирующего временную позицию памятников скелянского типа в рамках периодизационной шкалы Кукутень-Триполья.

На основе керамических импортов, происходящих из трипольского ареала, ранняя фаза скелянской культуры синхронизируется с этапом Прекукутень III, тогда как ее позднейшие памятники иногда размещаются в начале этапа Кукутень А-В1 или Триполье В1-В2 (Videiko 1994: 8, fig.4; Бурдо, Видейко 1998: рис.2; Rassamakin 1999: 128). При этом первоначально влияние скелянской культуры выражается в наличии на трипольских поселениях так называемых «чистых» керамических импортов, наиболее ранние из которых были выявлены, в частности, на поселении Лука-Врублевская (Бурдо 1993: 28, рис.4/7) и, возможно, в Новых Русештах (Даниленко, Шмаглій 1972: 17), т.е. на памятниках начала периода Кукутень А (Бурдо 1998: 85). Но уже на этапе Кукутень А3 посуда из массы с раковинной примесью превращается в неотъемлемую часть трипольского керамического комплекса и продолжает развиваться в пределах этой культуры вплоть до завершающей стадии ее дальнейшей тысячелетней эволюции. Так видится проблема возникновения и распространения керамики типа Кукутень С большинством исследователей.

Согласно иной точке зрения, появление в трипольском ареале керамики с примесью ракушки рассматривается как результат имманентного развития раннетрипольских гончарных традиций, что особенно хорошо прослеживается в морфологии сосудов и стилистике орнамента (Dodd-Oprițescu 1980: 555-557; Roman 1981: 23). Показательно, что на трипольских поселениях буго-днепровского варианта периода Триполье В1 эта новая технология изготовления посуды, действительно, первоначально сочетается, прежде всего, с раннетрипольскими формами и орнаментацией (Цвек 1989: 111-112). В силу этого не исключено, что новая керамическая категория в трипольской культуре, как более функциональная разновидность посуды, могла зародиться на какой-то местной основе. Недаром впоследствии она практически полностью заместила остальные технологические группы кухонной керамики.

Расхождение во мнениях об истоках керамики типа Кукутень С, возможно, в какой-то мере обусловлено не совсем ясной хронологической позицией памятников скелянского типа в периодизационной системе Кукутень-Триполья. Если так называемые «степные» керамические импорты на трипольских памятниках как будто позволяют синхронизировать раннескелянскую культуру, по крайней мере, с началом периода Кукутень А—Триполье В1, или даже с этапом

Прекукутень III — финалом Триполья А, то обратные импорты трипольской культуры на неолитических и раннеэнеолитических памятниках Днепровского бассейна демонстрируют несколько иную картину. Здесь трипольская керамика борисовского типа (этапы Кукутень А3 и А4) обнаружена на целом ряде неолитических памятников позднего периода киево-черкасской и азово-днепровской культур (Телегин 1968: 192-194; Палагута 1994). Особенно интересно распределение трипольских импортов на многослойном поселении Стрильча Скеля, где выявлены последовательные напластования сурской, азово-днепровской, скелянской и ямной культур (Телегин, Константиnescу 1992). Два фрагмента трипольских сосудов, один, расписанный тонкими черными линиями, другой — украшенный широкими каннелюрами в сочетании с оттисками зубчатого штампа, были обнаружены в неолитическом слое, тогда как на уровне энеолитического слоя залежали два черепка, орнаментированные узкими каннелюрами, и еще один — с бирюзовой росписью. Фрагмент каннелированного сосуда из слоя азово-днепровской культуры полностью соответствует другим находкам борисовской керамики на неолитических памятниках Поднепровья. К этому же типу, возможно, относятся два черепка с узкими каннелюрами, или, вернее, с прореченными линиями, хотя их точное хронологическое положение определяется не так однозначно. В свою очередь, обломки расписных сосудов как из неолитического, так и из энеолитического слоев, были атрибутированы Н.М. Виноградовой (1983: 80) завершающим этапом периода Триполье В1-В2, или Кукутень А-В. Наряду с очевидными трипольскими импортами в энеолитическом слое были обнаружены фрагменты сосудов, украшенные гусеничным орнаментом, или «фальшивым» шнуром, который появляется в ареале Кукутень-Триполье также во второй половине периода Кукутень А-В (Dodd-Oprițescu 1981: 513-515).

К сожалению, находки из энеолитического слоя Стрильчей Скеля являются единственными трипольскими импортами на памятниках скелянской культуры. Но в сочетании с другими свидетельствами, происходящими как с территории Нижнего Поднепровья, так и из трипольского ареала, они приоткрывают весьма любопытную картину. В то время как в трипольском ареале наиболее ранние материалы скелянского типа обнаруживаются уже на этапах Кукутень А1 и А2, в Поднепровье они на основе трипольских импортов отвечают лишь периоду Кукутень А-В. В то же время, керамика второй половины периода Кукутень А—Триполье В1 устойчиво вписывается в контекст позднеэнеолитических днепро-донецкой и азово-днепровской культур. Иными словами, в зависимости от взаимного распределения импортов выходит, что скелянская керамика в областях, занятых трипольской культурой, датируется раньше, чем в

собственном ареале. Эти хронологические несоответствия в известной степени дополняются значительными различиями в пространственной локализации и количественном проявлении рассматриваемого признака.

При картографировании пунктов местонахождения керамики скелянского облика (рис.10) окажется, что их основная часть (около 30) концентрируется в ареале Кукутень А—Триполья В1, причем находки довольно равномерно распространены по всем районам этого ареала. В низовьях Дуная фрагменты сосудов с ракушкой обнаружены в слоях культуры Гумельница А2, но здесь они встречаются не самостоятельно, а сопровождают типичную расписную трипольскую керамику (Lăzurgă 1991; Hașotti 1997). На территории скелянской культуры, по опубликованным данным, известно всего 10 памятников с аналогичным типом керамики (Rassamakin 1999: 75-83). Сюда входят как поселения или

стоянки, большая часть которых представлена слабо выраженными культурными слоями, так и погребения, где содержались или целые сосуды, либо отдельные фрагменты. Изолированные находки скелянской керамики были также выявлены в Поволжье и в Предкавказье, на памятниках хвалынской и заубанской культур (Rassamakin 1999: 108). Легко заметить, что в пространственном распределении керамических изделий проявляются те же закономерности, которые присущи некоторым другим категориям источников: повышенная концентрация находок наблюдается в трипольском ареале, в меньшей степени они фиксируются в Днепро-Донском междуречье и изредка попадают в Предкавказье и на Волге. Пока трудно однозначно определить, что именно скрывается за такой необычной дистрибуцией данного признака. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что эта ситуация никак не может отражать какое-либо одно-

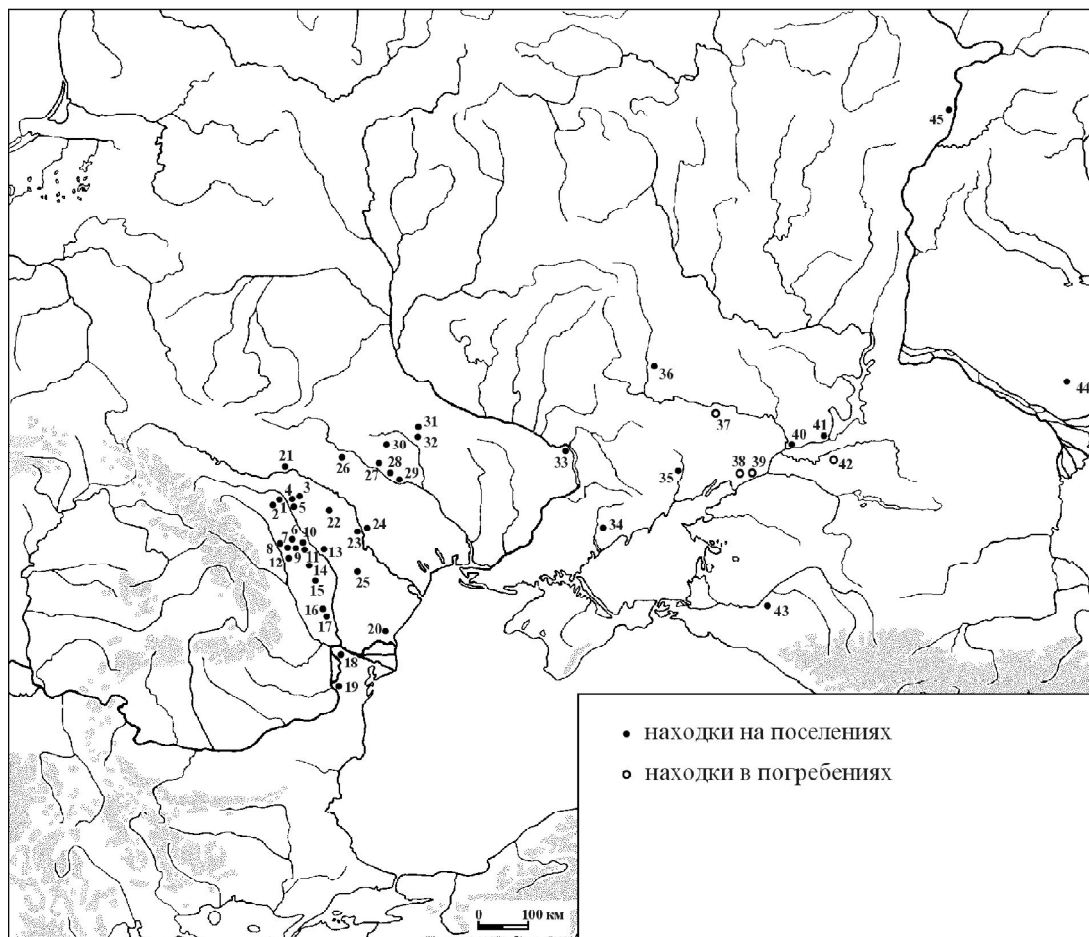
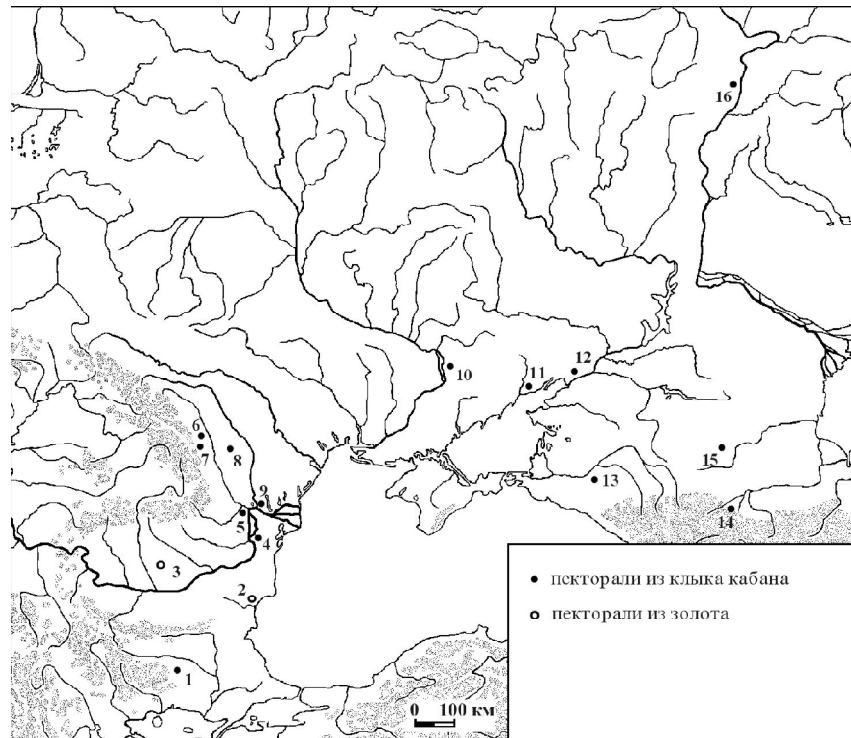

Рис. 10. Пространственное и контекстуальное распределение керамики типа Кукутень С (период Кукутень А—Триполье В1) и скелянской культуры: 1 — Гирень, 2 — Дрэгушень, 3 — Друца 1, 4 — Варатик 12, 5 — Дуруитоаря Ноуз, 6 — Коарнеле Капрей, 7 — Тодирешть, 8 — Кривешть, 9 — Косицень, 10 — Тэутешть, 11 — Богонос, 12 — Феделешень, 13 — Резина, 14 — Скынтя, 15 — Кетрешть, 16 — Тыргу Берешть (Дялул Булгарулуй), 17 — Тыргу Берешть (Дялул Бызанулуй), 18 — Каркалиу, 19 — Хыршова, 20 — Мирное, 21 — Васильевка, 22 — Путинешть, 23 — Жора де Сус, 24 — Жура, 25 — Русештий Ной, 26 — Печора, 27 — Черняека, 28 — Завалье (Березовская ГЭС), 29 — Сабатиновка I, 30 — Красноставка, 31 — Чижовка, 32 — Оноприевка, 33 — Стрильча Скеля, 34 — Семеновка, 35 — Раздольное, 36 — Александря, 37 — Александровск, 38 — Мокрый Чалтырь, 39 — Мухин 2, 40 — Раздорское, 41 — Цимлянск, 42 — хут.Попова, 43 — Свободное, 44 — Кара-Худук, 45 — Хвалынк 1.

Рис.11. Пространственное распределение костяных и металлических пекторалей: 1 — Долнослав, 2 — Варна, 3 — Балач, 4 — Хыршова, 5 — Брэзилица, 6 — Бодешть (Фрумушика), 7 — Извоаре, 8 — Кукутень, 9 — Джурджулешть, 10 — Петро-Свистуново, 11 — Мариуполь, 12 — Ливенцовка, 13 — Свободное, 14 — Нальчик, 15 — Веселая Роща 2, 16 — Хвалынский 1.

временное проникновение или вторжение носителей степных культур. Явно неравномерная и контекстуально неравнозначная локализация керамики с ракушкой в пределах трипольской и

гумельницкой культур со всей очевидностью говорит о том, что мы имеем дело с совершенно различными факторами, вызвавшими появление и распространение этого типа керамики.

3.6. Пекторали из клыков кабана и других материалов

Серповидные подвески, или пекторали, изготовленные из клыков дикого кабана (рис.5/6), засвидетельствованы во многих европейских культурах неолита. География этих изделий чрезвычайно широка. Она охватывает практически все пространство от Атлантики до Поволжья, включая различные районы Юго-Восточной и Восточной Европы.

Среди восточноевропейских памятников особенно выделяются Мариупольский и Нальчикский могильники, где эти украшения, или, точнее, предметы социальной символики, представлены довольно значительным числом (Макаренко 1933: 71, 75, 89, 99, 108, рис.29/98; 35/134; 61/225; 73/298; 87/375; Круглов и др. 1941: 76, рис.27). Единичные находки пекторалей также отмечены в Хвалынском и Ливенцовском могильниках (Агапов и др. 1990: 36, рис.19.6; Кияшко 1994: рис.37.6), в одном из древнейших подкурганых погребений Предкавказья в могильнике Веселая Роща II и на поселении Свободное на Кубани (Романовская 1982: 174, рис.2.1; Нехаев 1990: 10, рис.37.6). В Поднепровье подобные изделия обнаружены только в могильнике скелянской культуры Петро-Свистуново (Бодянский 1968: 118, 122, рис.6.3,4). В целом, разнообразные украшения, вырезанные из клыков кабана, весьма характерны для памятников мариупольского круга, хотя

серповидные подвески, как специфический тип украшений, пока обнаружены только в Мариупольском могильнике. В ранний период развития культур хвалынского-среднеднепровской общности ареал находок этого типа становится шире, охватывая Поволжье и Северный Кавказ, однако общее количество поделок из клыка кабана заметно сокращается.

В свою очередь, кабаньих клыков очень широко использовался в качестве материала для различных украшений во многих неолитических культурах Юго-Восточной Европы. Они присутствуют на многих неолитических поселениях Балкан и трипольской культуры. Вместе с тем собственно пекторали из клыков здесь встречаются не столь часто. Они выявлены на таких трипольских поселениях как Извоаре (Vulpe R. 1957: 262-263, fig.85/1-4), Кукутень-Бэичень (Schmidt 1932: 68, Taf.35/15) и Фрумушика (Mătasă 1946: pl.111/383). Отдельные экземпляры происходят с гумельницких поселений Долнослав в Южной Болгарии (Das erste Gold...1986: 144, Abb.242), Хыршова в Добрудже (Haşotti 1997: fig.91/2) и Брэзилица в Северо-Восточной Мунтении (Haţuşche 1953: 224, fig.4/5). Несколько пекторалей были обнаружены на неолитическом могильнике Джурджулешть недалеко от устья Дуная (Haheu, Curciatov 1993: 102, pl.8.1). По типологическим признакам,

серповидные подвески из кабаньих клыков, открытые в раннеземледельческом ареале, за редким исключением, практически не отличаются от аналогичных образцов степной зоны. Вместе с тем данная разновидность украшений в Юго-Восточной Европе имеет одну характерную черту, параллели которой отсутствуют в южно-русских степях.

Главная особенность серповидных пекторалей, распространенных в среде раннеземледельческих культур, заключается в том, что изделия из кабаньего клыка здесь дополняются, или замещаются, типологически сходными украшениями, выполненными из других материалов. В этом отношении весьма показательны пекторали, изготовленные из золота и обнаруженные в Варненском некрополе (Иванов 1975: табл.VIII.52-55) а также в составе гумельницкого клада из Балач в Румынии (Dolinescu-Ferche 1963: 183, fig.1.1a,b).⁹ То разнообразие, которым отличаются серповидные пекторали в Юго-Восточной Европе, как будто ясно указывает на

особое положение этих предметов в социальной и культовой символике раннеземледельческих объединений эпохи энеолита. Действительно, их находят в необычайно богатых даже для той поры захоронениях, в составе votивных кладов, каковым, безусловно, является Балач. Все это, несомненно, свидетельствует о том, что речь в данном случае может идти об атрибутах самого высокого статуса в соответствующей социальной иерархии.

В отличие от других признаков, рассмотренных выше, пекторали в пространственном отношении не образуют каких-либо отчетливых группировок (рис.11). Они довольно равномерно рассеяны по степным территориям, а также в пределах трипольского и гумельницкого ареалов. В то же время, ни локальные, ни хронологические проявления этого признака, в целом, резко не контрастируют с однопорядковыми показателями других категорий материалов. Это в равной мере касается и таких символов социального статуса, как каменные наконечники булавы.

3.7. Булавы мариупольского типа

Среди многих разновидностей каменных булавы, известных в различных культурах европейского неолита, в качестве свидетельств проникновения носителей степных культур в среду раннеземледельческих культур привлекаются, главным образом, крестовидные наконечники типа Мариуполь или Деча-Мурешулуй (рис.5/7). В целом изделия этого типа представлены незначительным числом экземпляров. По всей территории распространения они встречаются в ареалах разных культурных групп, не образуя каких-либо отчетливых локальных скоплений (рис.12). В степях Восточной Европы их хронологический диапазон, по-видимому, был довольно продолжителен, учитывая находки из неолитического Мариупольского могильника и позднеэнеолитического/раннебронзового Константиновского поселения. В трипольском ареале, за исключением случайных находок, крестовидные булавы соотносятся с памятниками периода Кукутень А—Триполье В1 и, возможно, Кукутень А-В—Триполье В2. В Трансильвании они были обнаружены на могильнике Деча-Мурешулуй и вне определенного культурного кон-

текста.

Принято считать, что появление булавы мариупольского типа на юге Восточной Европы связано с неолитической азово-днепровской культурой, откуда они в результате то ли контактов, то ли вторжения привносятся в земледельческий ареал. Вместе с тем, традиция изготовления каменных сверленных изделий абсолютно не характерна для неолитических культур степной зоны. В этом плане наконечники из Мариупольского и Никольского могильников являются крайне редким исключением. С другой стороны, техника сверления камня была чрезвычайно развита практически в каждой из нео- или энеолитических культур раннеземледельческого круга, включая трипольскую. В связи с этим, нельзя не упомянуть незаконченную заготовку крестовидной каменной булавы с поселения Березовская ГЭС периода Кукутень А—Триполье В1, которая вполне наглядно иллюстрирует ту культурную среду, где изделия данного типа могли производиться (Цыбесков 1971: 192, рис.5). В какой-то мере это заключение относится и к другой категории артефактов — кремневым наконечникам стрел.

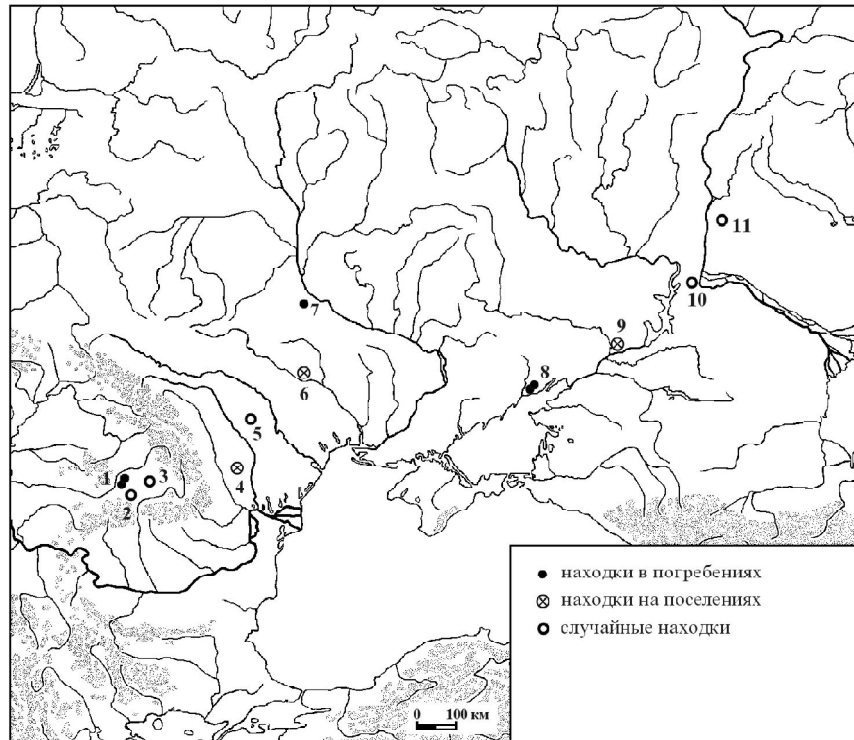
3.8. Кремневые наконечники стрел

В доказательствах миграционной концепции двусторонне обработанные наконечники стрел или дротиков с прямым основанием (рис.5/5)

⁹ Серия золотых изделий, случайно обнаруженная на окраине гумельницкого теля в Балач, и, по-видимому, составлявшая единый клад, первоначально была отнесена С.Долинеску-Ферке к раннему средневековью. Не так давно эти находки совершенно справедливо были датированы эпохой энеолита. См.: Leahu 1992: 114-117.

рассматриваются в двух основных аспектах: во-первых, предполагается, что этот тип оружия был заимствован носителями трипольской культуры и КГК VI из среды племен степного энеолита; во-вторых, массовое распространение наконечников в период Кукутень А—Триполье В1, по убеждению сторонников упомянутой концепции, свидетельствует о наличии в это время конфликтной ситуации в земледельческом ареале, причем ситуации, порожденной внешней угро-

Рис. 12. Пространственное и контекстуальное распределение каменных крестовидных булав: 1 — Деча-Мурешулуй, 2 — Окна-Сибиулуй, 3 — Шард, 4 — Бырлэлешть, 5 — Рэдоая, 6 — Завалье (Березовская ГЭС), 7 — Веремье, 8 — Мариуполь, 9 — Константиновск, 10 — Волгоград, 11 — Степан Разин.

зой со стороны степи (Lichardus, Lichardus-Itten 1993: 51-52, 85; Дергачев 1999: 195-196). Последнее утверждение, похоже, трудно оспаривать, по крайней мере, по отношению к трипольской культуре. Даже поверхностный обзор литературы показывает, что на поселениях периода Кукутень А—Триполье В1 встречается и количество стрел и дротиков резко возрастает по сравнению с предшествующими этапами развития культуры, что сопровождается и некоторыми другими показателями явно неспокойной обстановки. В свою очередь, первое положение вряд ли можно принять безоговорочно. Согласно сводке Я.Лихардуса и М.Лихардус-Иттен (1993: 36), наиболее ранние двусторонне обработанные наконечники с прямым основанием (типы В и G), появляются на Балканах еще в период Гумельница А1, т.е. в том хронологическом промежутке, когда, даже по самым смелым оценкам, до предполагаемого вторжения воинственных кочевников было еще достаточно далеко. Аналогичные изделия известны и в ареале Прекукутень-Триполье А, где они вполне могли распространиться не в результате каких-то заимствований с востока, а самостоятельно или же под влиянием тех же балканских культур (Збенович 1989: 60). Находка наконечника стрелы, изготовленного из коричневого добруджанского кремня, на раннетрипольском поселении Исаково II вполне красноречиво указывает именно на это направление связей (Бейлекчи 1975: 436).

Возвращаясь к теме вооруженного противостояния степных и карпато-балканских культур, постараемся отчасти разобраться в этой ситуа-

ции на основе пространственного распределения рассматриваемой категории изделий. Как видно из карты (рис.13), на которую нанесены находки как из ареала раннеземледельческих культур, так и культурных объединений юга Восточной Европы в период Кукутень А—Триполье В1, наиболее сильное проявление признака соотносится с областями, занятыми Кукутень-Трипольем и КГК VI. Далее к востоку число находок заметно сокращается, вплоть до крайне редких пунктов в хвалынском ареале. Разумеется, представленная на карте выборка, составленная по наиболее представительным публикациям памятников и работам сводного характера, очень ограничена и, по-своему, не совсем корректна. Дело в том, что стрелы и дротики, безусловно, могли использоваться как во вооруженных стычках, так и для охоты. В силу этого вряд ли можно сомневаться, что буквально все поселения, независимо от их хронологической и культурной принадлежности, потенциально должны содержать орудия охоты. То, что их обнаруживают гораздо реже, чем, допустим, скребки или пластины, объясняется функциональным свойством наконечников: по своему предназначению они как бы изначально ориентированы на утерю. Тем не менее, представленной выборки достаточно для того, чтобы оценить общую тенденцию в развитии ситуации в сопоставляемых регионах.

Прежде всего, можно сразу отметить, что в пределах гумельницкого и трипольского ареалов наконечники стрел и копий распределяются сравнительно равномерно, не образуя отчетливых скоплений на границах со степью. Отно-

сительное количественное проявление признака на различных памятниках, в целом, не противоречит общей картине его пространственного поведения. Выражается это в том, что значительное количество стрел или дротиков в равной мере присуще как поселениям, расположенным вблизи степной зоны (Завалье-Березовская ГЭС), так и в северной части трипольского ареала (Поливанов Яр, Друцы I).

Гораздо интересней выглядят особенности депонирования наконечников в погребальных комплексах степной и лесостепной полосы к востоку от трипольских территорий (рис.13). В этом случае наибольшее число находок приходится на Азово-Днепровский регион, т.е. на территорию, непосредственно прилегающую к трипольскому ареалу. В то же время, наконечники стрел или дротиков крайне редки в энеолитических домайкопских погребениях Северного Кавказа и хвалынской культуры в Поволжье. Например, на I Хвалынском могильнике все орудия этой категории были обнаружены вне могил. Практически полностью отсутствуют наконечники в захоронениях бережновского типа в Заволжье (Дремов, Юдин 1992). Чтобы наглядно представить в какой пропорции находки стрел соотносятся с известными ныне погребальными

памятниками Карпато-Балканского региона и южнорусских степей, можно сопоставить карту их распространения (рис.13) с картой, на которую нанесены все известные могильники или отдельные захоронения, связываемые с кругом восточноевропейских энеолитических культур (рис.1). Мы обнаружим, что, при относительно равномерном распределении энеолитических погребений по различным районам степи-лесостепи, наибольшее число комплексов со стрелами пространственно тяготеет к границам земледельческого ареала.

Если признать, что стрелы в погребениях, равно как и на поселениях, отражают какую-то военную опасность, тогда, исходя из территориального проявления признака, можно вывести, что уровень этой угрозы постепенно снижается с запада на восток. Иными словами, чем больше мы удаляемся от трипольского ареала, тем миролюбивей выглядит облик степных культур, тем меньше орудий войны встречается в различных культурных контекстах. Конечно же, на это можно возразить, что в такой же степени уровень опасности нарастает с востока на запад. Но, включая в список «разрушителей» раннеземледельческих цивилизаций культурные группы, локализованные в Поволжье и на Се-

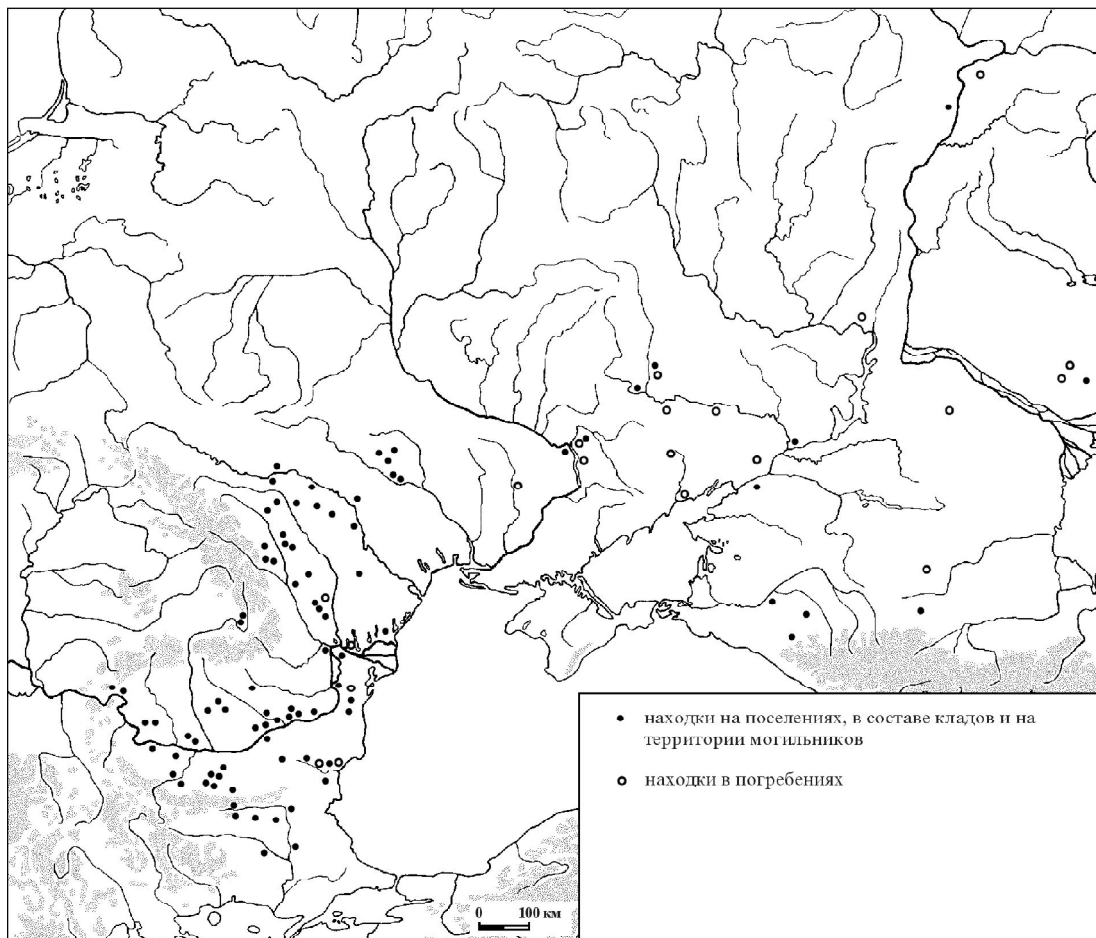

Рис.13. Пространственное и контекстуальное распределение кремневых наконечников стрел, копий и дротиков в период Кукутень А—Триполье В1 (по Lichardus, Lichardus-Ippen 1993 с дополнениями автора).

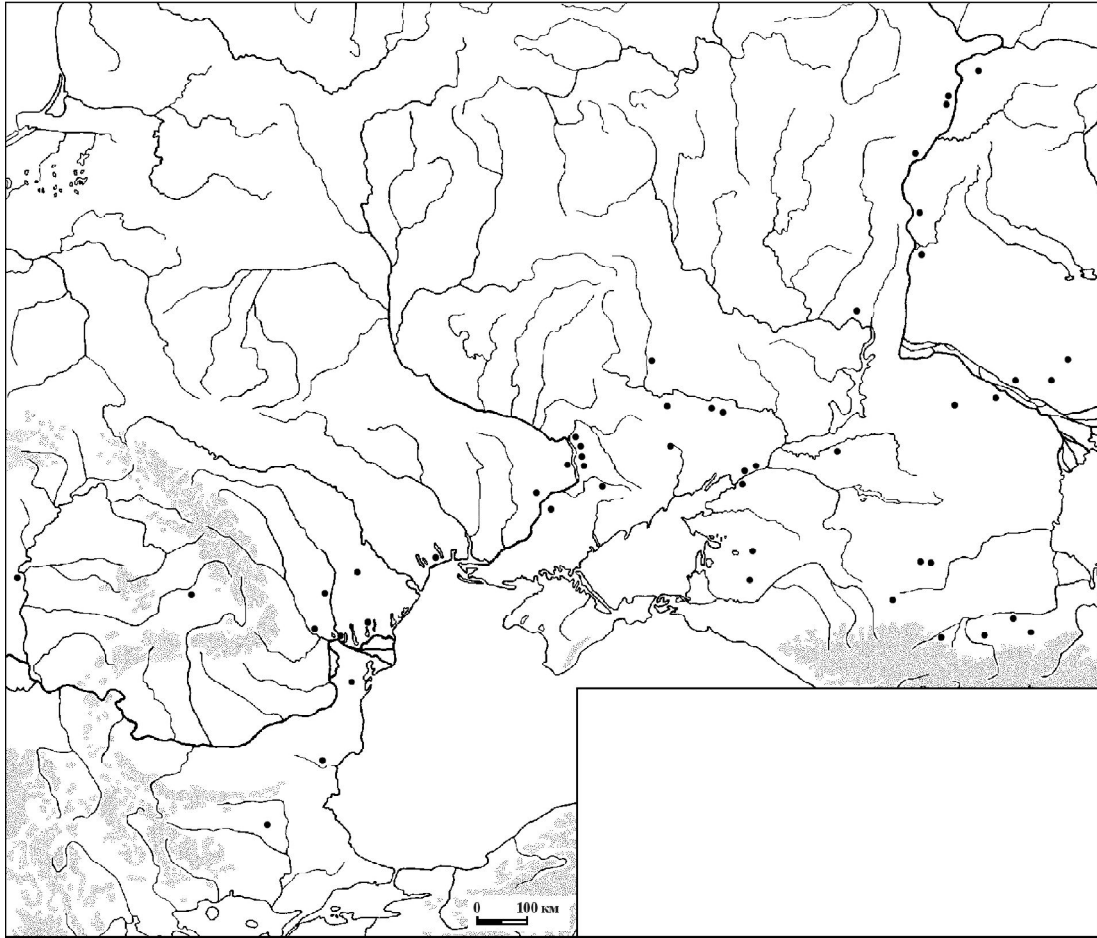

Рис.14. Пространственное распределение погребений степного энеолита с кремневыми ножами в период Кукутень А—Триполье В1.

верном Кавказе, мы вправе ожидать, что они должны демонстрировать некий милитаристский характер, выраженный той совокупностью культурных черт, которые Г.Тёрни-Хай удачно обозначил как «горизонт войны» (Turney-High 1949 [по: Шнирельман 1992]). Однако наиболее яркие проявления подобного горизонта мы находим далеко на западе, в насыщенных оружием погребениях Варненского некрополя, в фортификациях и орудиях войны трипольских поселений, в широком распространении предметов вооружения на ближайших к трипольскому ареалу памятниках суворовской группы и скелянской культуры.

Картина несколько изменится, если к ней добавить данные по пространственному распределению длинных кремневых ножей — одной из ведущих категорий инвентаря в энеолитических погребениях (рис.14). Различия между Азово-Днепровским регионом, с одной стороны, и Предкавказьем и Поволжьем — с другой, будут несколько сглажены, но, в целом, они не противоречат общей тенденции пространственного развития разнообразных признаков, рассмотренных выше. В чем же выражаются главные особенности этой тенденции?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, по-

пробуем сопоставить между собой все задействованные до сих пор признаки в плане их пространственной дистрибуции (рис. 2; 6; 8; 9; 10; 11; 12; 13). При этом на время мы постараемся забыть, что имеем дело с проявлениями культур земледельцев или скотоводов, охотников или рыболовов, торговцев или воинов, поскольку в таком подходе заложена историческая или социо-культурная интерпретация. Наша же задача заключается в том, чтобы посмотреть на ситуацию с точки зрения сугубо археологического анализа.

В результате сравнения разнопорядковых категорий источников обнаруживается, что все они в большей или меньшей степени подчиняются, в общем-то, единым правилам. Основная их часть концентрируется преимущественно в границах трипольского ареала и на прилегающих территориях, далее к востоку и югу дисперсия признаков постепенно нарастает, достигая в максимально отдаленных от Кукутень-Триполья областях уровня редких, пространственно изолированных, находок. Разумеется, эта тенденция далеко не всегда выдерживается предельно строго, но она ни разу не наталкивается на обратный процесс: признаки неизменно убывают с запада на восток и никогда с востока на

запад. Устойчивость этого вектора во всем его качественном многообразии, скорее всего, передает одно из самых ярких исторических явлений — миграцию.

Итак — миграция. Причем миграция не каких-то мифических конных номадов эпохи энеолита, а перемещение, или переселение, раннеземледельческих коллективов, вынужденных, вероятно, в силу весьма серьезных причин покинуть привычную среду обитания. Но, делая вывод о возможности подобной миграции, мы вправе ожидать, что в земледельческом ареале отыщутся какие-то существенные признаки, отражающие определенное состояние культуры и ее окружения, то стрессовое состояние, в котором зреет побуждение к будущей миграции и которое сменяется известной стабилизацией развития после прохождения культурой кризисной точки. Впрочем, только до следующего кризисного порога. Иными словами, в многовековой эволюции культуры, в данном случае мы имеем в виду Кукутень-Триполье, должны хорошо проследиваться элементы цикличности, повторяемости, постоянного воспроизведения череды каких-то особых ситуаций, явлений, событий. Не меньшее значение при этом имеет реакция дальнего и ближнего окружения на всевозможные катаклизмы в трипольском ареале, поскольку таковые, если они действительно имели место, неизбежно должны были выплес-

нуться за границы кризисной зоны.

Динамика развития культуры Кукутень-Триполье будет рассматриваться во взаимосвязи трех основных параметров: времени, пространства и количественных показателей, отражающих изменения численности поселений на том или ином хронологическом отрезке. Отчасти указанные аспекты были мною проанализированы при решении проблемы генезиса культуры Чернавода I на Нижнем Дунае (Manzura 1999: 145-151). Однако на том этапе они были охарактеризованы лишь в самых общих чертах, что было обусловлено темой исследования. Вместе с тем, уже тогда казалось вполне очевидным, что кризисные явления в культуре Кукутень А—Триполье В1, во-первых, были во многом спровоцированы факторами внутренней эволюции и, во-вторых, развивались в общем русле радикальных культурных трансформаций, протекавшихся параллельно по многим европейским регионам. Для того чтобы придать этим, прямо скажем, поверхностным наблюдениям силу убедительности, попробуем более детально разобраться в перипетиях истории трипольской культуры. Как и любая другая культура в широком смысле, она должна обладать некоей системой мер, или программой, которая позволяла бы ей постоянно преодолевать критические моменты, вновь и вновь возвращаться к состоянию стабильности после полосы кризисов и крутых переломов.

4. «АНТИСТРЕССОВАЯ ПРОГРАММА» ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

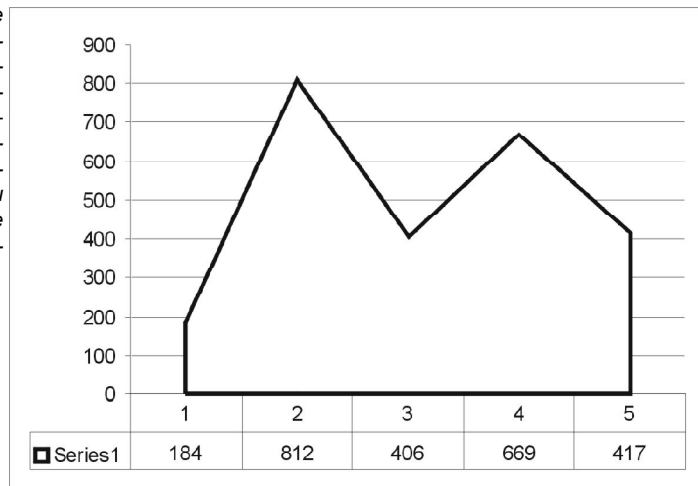
Среди многих европейских культурных объединений эпохи энеолита культура Кукутень-Триполье, пожалуй, может считаться наиболее хорошо изученной. Тысячи открытых памятников, сотни раскопанных поселений и могильников позволили накопить огромный фонд источников, размеры которого вряд ли поддаются точному исчислению. Даже по самым приблизительным оценкам количество зарегистрированных поселений на данный момент превышает 3500 единиц, к которым можно добавить приблизительно 100 погребальных памятников.¹⁰ Всего же в настоящей работе задействовано 2488 поселений с достоверно установленным хронологическим положением, что составляет более 2/3 от общего числа известных местонахождений без учета могильников. Данная выборка вполне репрезентативна как в статистическом, так и в качественном отношении, поскольку она пропорционально вбирает в себя памятники всех периодов развития культуры и охватывает все территориальные подразделения ее ареала. В силу этого результаты, полученные на основе ее анализа, могут уверенно экстраполировать-

ся на весь массив памятников, отражая главные тенденции развития культуры в целом.

Каждый из намеченных выше аспектов, несмотря на их довольно жесткую сопряженность, в состоянии более или менее самостоятельно выявить наиболее существенные изменения в направлении эволюции культуры. Один из таких аспектов передает флуктуацию количественного проявления признака по отношению к некоей единице измерения, каковой выступает каждый отдельно взятый период относительной хронологической шкалы Кукутень-Триполья. И здесь мы сталкиваемся с первой серьезной проблемой, связанной с различными подходами к совмещению кукутенской и трипольской периодизационных структур. В общих чертах признается, что период Прекукутень соответствует периоду Триполье А, период Кукутень А — Триполью В1, период Кукутень А-В — Триполью В1-В2. На этом рубеже начинаются разногласия, касающиеся синхронизации памятников этапа Триполье В2 с поселениями кукутенского ареала. Согласно одним хронологическим построениям, поселения Триполья В2 уравниваются с комплексами типа Кукутень А-В2 (Черныш 1982: 175, табл.10; Телегін 1985: 15), по другим разработкам, эти же поселения рассматриваются эквивалентными памятникам Кукутень В1 (Videiko 1994: 7; Бурдо, Відейко 1998: рис.2). Не

¹⁰ Основные работы, на которых была построена настоящая выборка, указаны в подрисуночных текстах к картам, демонстрирующим пространственные характеристики трипольской культуры в различные периоды ее развития.

Рис. 15. Абсолютное количественное распределение поселений культуры Прекукутень/Кукутень—Триполье по шкале относительной хронологии (первый вариант): 1 — Прекукутень—Триполье А, 2 — Кукутень А—Триполье В1, 3 — Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2 и В2-С1, 4 — Кукутень В—Триполье С1-γ1, 5 — Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть.

так давно в трипольскую шкалу был внесен еще один дополнительный этап, обозначенный Триполье В2-С1, который обычно трактуется как переходный горизонт к этапу С1-γ1, но используется не во всех схемах (Телегин 1985: 15; Патокова и др. 1989: 48-49; Рижов 1993).

Разумеется, отмеченные различия в принципах сопоставления обеих хронологических шкал могут весьма значительно повлиять на количественное соотношение памятников в пределах отдельных периодов общей периодизационной схемы Кукутень-Триполья. Если мы остановимся на традиционном варианте, при котором памятникам периода Кукутень В соответствуют только поселения этапа С1-γ1, то обнаружим следующее распределение:

- Прекукутень—Триполье А — 184 поселения (7,4%);
- Кукутень А—Триполье В1 — 812 поселений (32,6%);
- Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1 — 406 поселений (16,3%);
- Кукутень В—Триполье С1-γ1 — 669 поселений (26,9%);
- Хородиштя-Фолтешть—Триполье С2-γ2 — 417 поселений (16,8%).

При графической передаче этих данных

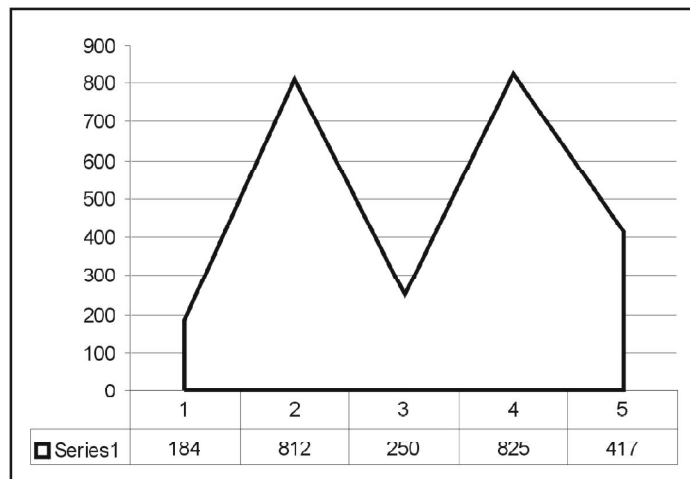
(рис. 15) мы увидим, что особенно резкий рост числа поселений наблюдается при переходе от периода Прекукутень—Триполье А к периоду Кукутень А—Триполье В1. Затем следует также достаточно существенное сокращение (ровно вдвое) количества памятников в период Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1 с последующим, сравнительно плавным, увеличением их численности в период Кукутень В—Триполье С1-γ1. В период Триполье С2-γ2 происходит очередное уменьшение числа памятников, при котором почти достигается уровень периода Кукутень А-В.

Во втором варианте, при повторении в общих чертах предыдущей ситуации, картина все же будет выглядеть несколько иначе:

- Прекукутень—Триполье А — 184 поселения (7,4%);
- Кукутень А—Триполье В1 — 812 поселений (32,6%);
- Кукутень А-В—Триполье В1-В2, — 250 поселений (10%);
- Кукутень В—Триполье В2, В2-С1, С1-γ1 — 825 поселений (33,2%);
- Хородиштя-Фолтешть—Триполье С2-γ2 — 417 поселений (16,8%).

Контраст будет еще более разительным при

Рис. 16. Абсолютное количественное распределение поселений культуры Прекукутень/Кукутень—Триполье по шкале относительной хронологии (второй вариант): 1 — Прекукутень—Триполье А, 2 — Кукутень А—Триполье В1, 3 — Кукутень А-В—Триполье В1-В2, 4 — Кукутень В—Триполье В2, В2-С1 и С1-γ1, 5 — Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть.

графическом воплощении цифровых данных (рис.16). Так же, как и в первом случае, четко выделяются два пика, которые показывают значительный рост числа памятников в периоды Кукутень А—Триполье В1 и Кукутень В—Триполье В2, В2-С1 и С1-γ1. Правда, в новой расстановке оба пика почти совпадают. При этом особенно бросается в глаза глубокий провал, иначе не назовешь, между ними, своего рода возврат к исходному положению в эволюции культуры в период Прекукутень—Триполье А. Такие крутые перепады как бы сигнализируют о том, что культура развивалась в условиях почти непрерывного стресса; причем в этой ситуации, в сущности, трудно определить, что же отвечает наивысшему моменту кризиса: пики или резкие спады в количественных проявлениях признака.

Впрочем, пока стараемся воздержаться от каких-либо комментариев. С точки зрения календарного времени, приведенные свидетельства — лишь статическое выражение признака. Для перевода анализа в динамическую плоскость в расчеты необходимо ввести отношение длительности применительно к количественным показателям. Действительно, отдельные периоды в развитии культуры могли быть крайне неравнозначны, и при известных обстоятельствах мы рискуем получить горизонтальную линию, ровную, как среднеазиатский такыр. Многое зависит от того, как датируются различные фазы культуры в системе абсолютной хронологии. И здесь перед нами возникает вторая серьезная проблема.

Абсолютная хронология Кукутень-Триполья базируется как на радиоуглеродных определениях, так и на археомагнитных измерениях, второй способ датирования будучи распространен, главным образом, в украинской археологии. Результаты обоих методов далеко не всегда совмещаются достаточно надежно, что иногда приводит к выработке двух самостоятельных хронологических шкал (Бурдо, Видейко 1998: 21-25). Значительные расхождения наблюдаются и при использовании радиоуглеродных дат, выполненных по разным образцам, полученных в разных лабораториях и откорректированных по разным калибровочным кривым. За последние десять с небольшим лет было создано несколько схем абсолютной хронологии культуры Кукутень-Триполье с учетом календарных дат (Патоква и др. 1989: 4; Videiko 1994: 7; Wechler 1994; Mantu 1998: 93-133).¹¹ Однако, исходя из

¹¹ Статья Н.Б. Бурдо и Н.Ю. Видейко (1998), в которой рассматриваются проблемы трипольской хронологии, в основном посвящена обоснованию большей достоверности шкалы калиброванных дат при определении реального возраста культуры. Помещенная в статье хронологическая таблица (1998: рис.2) в тексте почти не комментируется, что затрудняет ее использование в настоящей работе. В любом случае, двести лет, отведенные авторами для периода Кукутень А—Триполье В1, никак не могут соответствовать

поставленной исследовательской задаче, не все они могут использоваться в полной мере. Некоторые из них отчасти утратили актуальность в связи с появлением новой серии радиоуглеродных дат (Патоква и др. 1989), в других абсолютные даты недостаточно детально соотношены с делениями периодизационной шкалы Кукутень-Триполья (Wechler 1994).

Наибольшей полнотой отличается система абсолютной хронологии в работах К.-М. Манту (Mantu 1998: 93-133). В нее вошли все известные до середины 90-х годов радиоуглеродные определения, откалиброванные по единой шкале и относительно четко маркирующие границы каждого из подразделений относительной хронологии. Именно на этой системе мы построим наш дальнейший анализ, но с некоторыми оговорками. В целом автором достаточно верно определены хронологические рамки различных периодов культуры. Возражение вызывает лишь размещение верхней границы периода Кукутень А на уровне 4050 гг. до н.э. По всей видимости, в этом случае К.-М. Манту принимала в расчет наиболее поздние даты с таких поселений, как Дрэгушень (5205±100 В.Р.), Путинешть 3 (5060±120 В.Р.) и Красноставка (4700±90 В.Р.) (Mantu 1998: tab.7). Однако эти даты выбиваются из общей серии радиоуглеродных определений для данного периода и, кроме того, достаточно резко противоречат другим датам, полученным для этих же памятников (Дрэгушень: 5430±100 В.Р., 5355 В.Р.; Путинешть 3: 5520±70 В.Р., 5595±80 В.Р.; Красноставка: 5310±160 В.Р.). Если исходить из последних дат, то верхний предел периода Кукутень А должен приблизительно соответствовать 4150 гг. до н.э., что согласуется с выводами других исследователей, с одной стороны, и подтверждается хронологическими параллелями с соседними культурными объединениями — с другой.

С учетом этих поправок абсолютная хронология культуры Кукутень-Триполье, по К.-М. Манту, будет выглядеть следующим образом:

Прекукутень—Триполье А — 5050-460 гг. до н.э. (450 лет);

Кукутень А—Триполье В1 — 4600-4150 гг. до н.э. (450 лет);

Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1 — 4150-3800 гг. до н.э. (350 лет);

Кукутень В—Триполье С1- γ1 — 3850-3500 гг. до н.э. (350 лет);

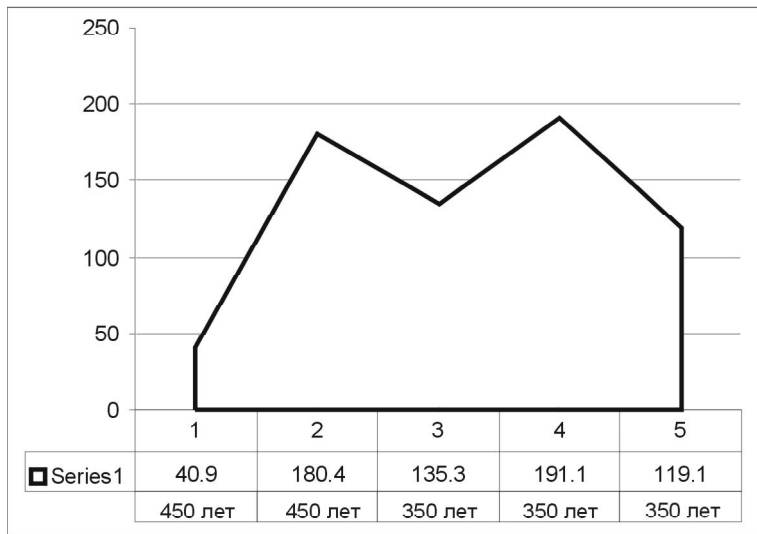
Хородиштя-Фолтешть—Триполье С2- γ2 — 3500-3150 гг. до н.э. (350 лет).

или, по второму варианту:

Прекукутень—Триполье А — 5050-4600 гг. до н.э. (450 лет);

действительности. Этому, в том числе, противоречит опубликованный авторами список радиоуглеродных дат (1998: табл.3). Скорее всего, здесь имеет место какое-то досадное недоразумение.

Рис.17. Относительное количественное распределение поселений культуры Прекукутень/Кукутень—Триполье по шкале абсолютной хронологии (первый вариант): 1 — Прекукутень—Триполье А, 2 — Кукутень А—Триполье В1, 3 — Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, и В2-С1, 4 — Кукутень В—Триполье С1-γ1, 5 — Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть.

Кукутень А—Триполье В1 — 4600-4150 гг. до н.э. (450 лет);

Кукутень А-В—Триполье В1-В2 — 4150-3850 гг. до н.э. (350 лет);

Кукутень В—Триполье В2, В2-С1, С1- γ1 — 3850-3500 гг. до н.э. (350 лет);

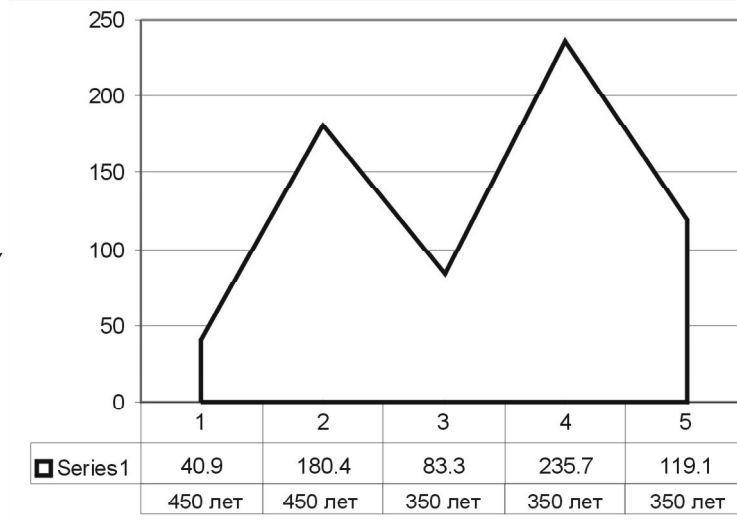
Хородиштя-Фолтешть—Триполье С2- γ2 — 3500-3150 гг. до н.э. (350 лет).

Итак, согласно откорректированной схеме К.-М. Манту, культура Прекукутень/Кукутень—Триполье развивается примерно на протяжении 1650 лет, причем наибольшей, практически равной, протяженностью отличаются первые два периода, тогда как три последующие, при равной длительности, охватывают немного более короткий отрезок времени, по 350 лет каждый. Можно заметить, что начало периода Кукутень В немного накладывается на окончание фазы Кукутень А-В. Это, во-первых, находится в соответствии с радиоуглеродными датами, во-вторых, в какой-то мере объясняет пересечение во времени памятников этапа Триполье В2 и В2-С1 с памятниками периода Кукутень В. Вместе

с тем, в зависимости от того, какой вариант используется в наших построениях, общая картина культурной эволюции может выглядеть не совсем одинаково.

Определив среднее количество поселений в расчете на сто лет в пределах каждого хронологического периода, мы получим графики с отчасти одинаковой конфигурацией (рис.17 и 18), которые, с одной стороны, в какой-то мере повторяют ранее рассмотренное соотношение количественных показателей без учета поправки на календарное время (рис. 15 и 16), с другой — обнаруживают между собой несомненные различия, за которыми должны скрываться очевидные качественные сдвиги: ведь в расчеты уже введен параметр абсолютной хронологии. На обоих графиках отчетливо фиксируются два пика. Первый пик показывает стремительный рост числа поселений в период Кукутень А—Триполье В1, второй — еще большее увеличение количества памятников в период Кукутень В. На первом графике депрессия между двумя пиками, отмечающая сокращение количествен-

Рис.18. Относительное количественное распределение поселений культуры Прекукутень/Кукутень—Триполье по шкале абсолютной хронологии (второй вариант): 1 — Прекукутень—Триполье А, 2 — Кукутень А—Триполье В1, 3 — Кукутень А-В—Триполье В1-В2, 4 — Кукутень В—Триполье В2, В2-С1 и С1-γ1, 5 — Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть.

ного показателя в период Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1, выражена относительно слабо. Но слабо лишь по сравнению с аналогичной депрессией на втором графике. Здесь, в свою очередь, заметно буквально катастрофическое падение числа поселений в период Кукутень А-В, по сути, означающее возвращение культуры к исходному состоянию на этапе Прекукутень, за которым следует колоссальное возрастание численности памятников в период Кукутень В и затем не менее резкое снижение количественных показателей на стадии Триполья С2-γ2 или Хородиштя-Фолтешть. Такая ломаная траектория как будто свидетельствует об отсутствии какой-либо стабильности на всем протяжении развития культуры, что вряд ли соответствует действительности. Если даже допустить, что радикальный количественный спад в период Кукутень А-В является следствием какой-то экологической катастрофы, эпидемии или тотального истребления земледельческого населения инородными племенами, то трудно объяснить за счет каких демографических ресурсов обеспечивался почти что мгновенный и многократный численный рост на следующей стадии. Кроме того, при подобных количественных колебаниях в культуре от этапа к этапу должны постоянно обнаруживаться существенные качественные изменения, ее развитие, безусловно, должно носить прерывистый, предельно аритмичный, характер. Тем не менее, вплоть до финальной фазы в эволюции культуры Кукутень-Триполье явно доминируют тенденции последовательной трансформации без каких-либо очевидных разрывов или сломов. Все базовые черты, будь то керамическое производство, кремневая индустрия, металлургия, приемы домостроительства и т.д., видоизменяются относительно постепенно; новые элементы, возникая, не замещают прежние, а нередко сосуществуют с ними. В силу этого можно предположить, что первый график более реально передает основную направленность развития трипольской культуры. Вместе с тем, как следует из данного графика, какие-то кризисные явления все же имели место в процессе этого развития, какие-то события, обусловившие понижение количественного уровня, произошли на границе периодов Кукутень А и А-В, а затем Кукутень В и Хородиштя-Фолтешть. Постараемся разобраться в этой ситуации, задействовав третий составляющий параметр — пространство.

Динамика пространственного развития культуры Кукутень-Триполье в соответствии с количественным и временным аспектами может быть представлена посредством картографирования всех определяемых памятников по каждому из периодов. В результате этой операции мы получаем пять карт (рис.19-23), отражающих количественное распределение и, что крайне важно, принципы локализации поселений, а на поздней стадии и могильников, на отдельно взя-

тых хронологических отрезках, а также последовательное изменение границ культурного ареала. Иными словами, в этом случае трансформация культуры может быть отслежена в единстве всех трех показателей: количества, времени и пространства. Сопоставив карты и графики между собой, мы обнаружим следующую картину.

В период Прекукутень—Триполье А (рис.19) ареал культуры охватывает уже весьма значительные территории, простираясь на северо-востоке до бассейна Синюхи, левого притока Южного Буга. Основная часть поселений (почти 90%) сосредоточена в лесостепной зоне Пруто-Днестровского междуречья и в области между Карпатами и Прутом, а также в верхнем течении Днестра и Прута. На юге территория распространения культуры Прекукутень—Триполье А доходит до степной полосы, ограничиваясь на этом участке памятниками типа Болград-Алденъ. На юго-востоке Трансильвании на этом этапе известны лишь единичные поселения, расположенные в верховьях Олта.

Ситуация кардинально преобразуется на протяжении следующего периода Кукутень А—Триполье В1 (рис.20). На данной стадии, на фоне общего многократного увеличения численности памятников (рис.17), особенно резко повышается плотность поселений в пространстве между Карпатами и Прутом. Параллельно заметно возрастает количество памятников в Юго-Восточной Трансильвании и в Днестровско-Прутском междуречье. Число поселений в восточной части ареала остается незначительным, хотя границы последнего расширяются на север до верховьев Южного Буга и бассейна Роси. В то же время, весьма примечательные изменения наблюдаются на южном участке, в бассейне Сирета и на правом берегу Прута. Здесь граница трипольского ареала смещается к югу, заходя в степную зону и захватывая северную часть бывших территорий культуры Болград-Алденъ. Одновременно отдельные памятники с трипольской керамикой (Мирное, Новосельское) появляются даже в низовьях Дуная.

В период Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1 происходит значительное сокращение численности памятников (рис.17), при этом сопровождающееся их очередным территориальным перераспределением в пределах культурного ареала (рис.21). Концентрация поселений в ранее плотно заселенных районах бассейна Сирета и Правобережного Прута существенно уменьшается, а южная граница ареала опять отодвигается до кромки лесостепной зоны. Почти неизменной сохраняется ситуация на севере Румынской Молдовы и, отчасти, в Днестровско-Прутском междуречье, тогда как в верховьях Олта фактически исчезают памятники группы Ариушд: здесь для этого этапа выявлены всего лишь два поселения. Наиболее очевидные изменения фиксируются в северной и вос-

Рис. 19. Пространственное распределение памятников периода Прекукутень—Триполье А. Условные обозначения: 1 — памятники типа Прекукутень—Триполье А, 2 — памятники типа Гумельница А1—Болград-Алдень (по Chirica, Tanasachi 1984-1985; Субботин 1983; Dragomir 1983; Збенович 1989; Cuscoş 1992; Lichardus, Lichardus-Iltten 1998 с дополнениями автора).

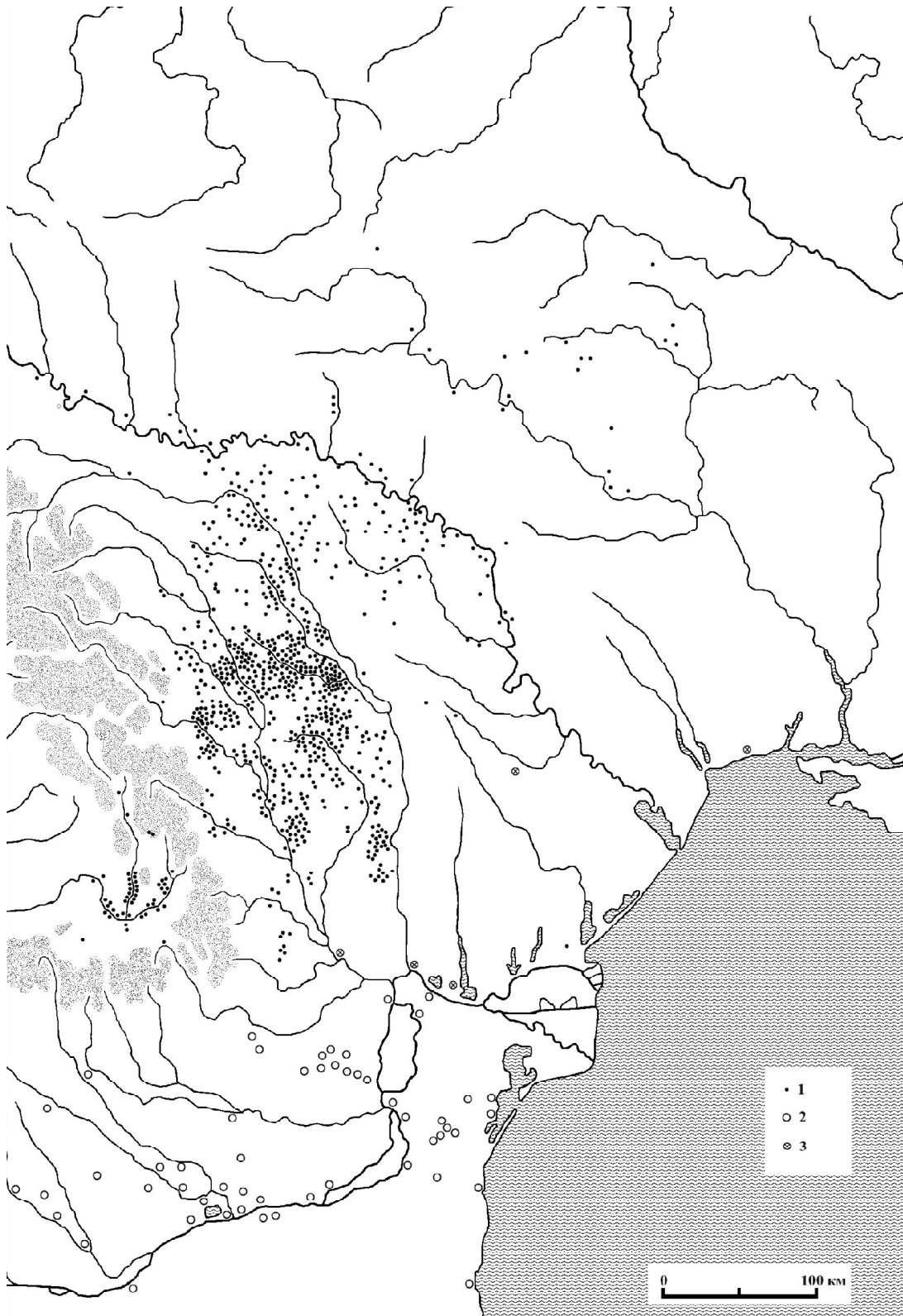

Рис.20. Пространственное распределение памятников периода Кукутень А—Триполье В1. Условные обозначения: 1 — памятники типа Кукутень А—Триполье В1, 2 — памятники типа Гумельница А2, 3 — памятники раннего этапа суворовской группы (по Chirica, Tanasachi 1984-1985; Monah, Cicoş 1985; Cicoş 1992; Haşotti 1997; Sorokin 1997; Lichardus, Lichardus-Iltten 1998 с дополнениями автора).

Рис. 21. Пространственное распределение памятников периода Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1. Условные обозначения: 1 — памятники типа Кукутень А-В—Триполье В1-В2, В2, В2-С1, 2 — памятники раннего этапа культуры Чернавода I, 3 - памятники позднего этапа суворовской группы (по Morintz, Roman 1968; Маркевич 1973; Виноградова 1983; Chirica, Tanasachi 1984-1985; Monah, Sisoş 1985; Круц 1989; Патокова и др. 1989; Sisoş 1992; Колесников 1993; Рижов 1993; Гусев 1995; Naşotti 1997 с дополнениями автора).

Рис.22. Пространственное распределение памятников периода Кукутень В—Триполье С1-γ1. Условные обозначения: 1 — памятники типа Кукутень В—Триполье С1-γ1, 2 — памятники позднего этапа культуры Чернавода I, 3 — памятники группы Хаджидер-Чернавода I, 4 — памятники нижнемихайловской культуры (по Morintz, Roman 1968; Маркевич 1973; Маркевич 1981; Chirica, Tanasachi 1984-1985; Monah, Sisoş 1985; Круц 1989; Патокова и др.1989; Sisoş 1992; Колесников 1993; Мовша 1993; Гусев 1995; Leviţki et al. 1996; Haşotti 1997 с дополнениями автора).

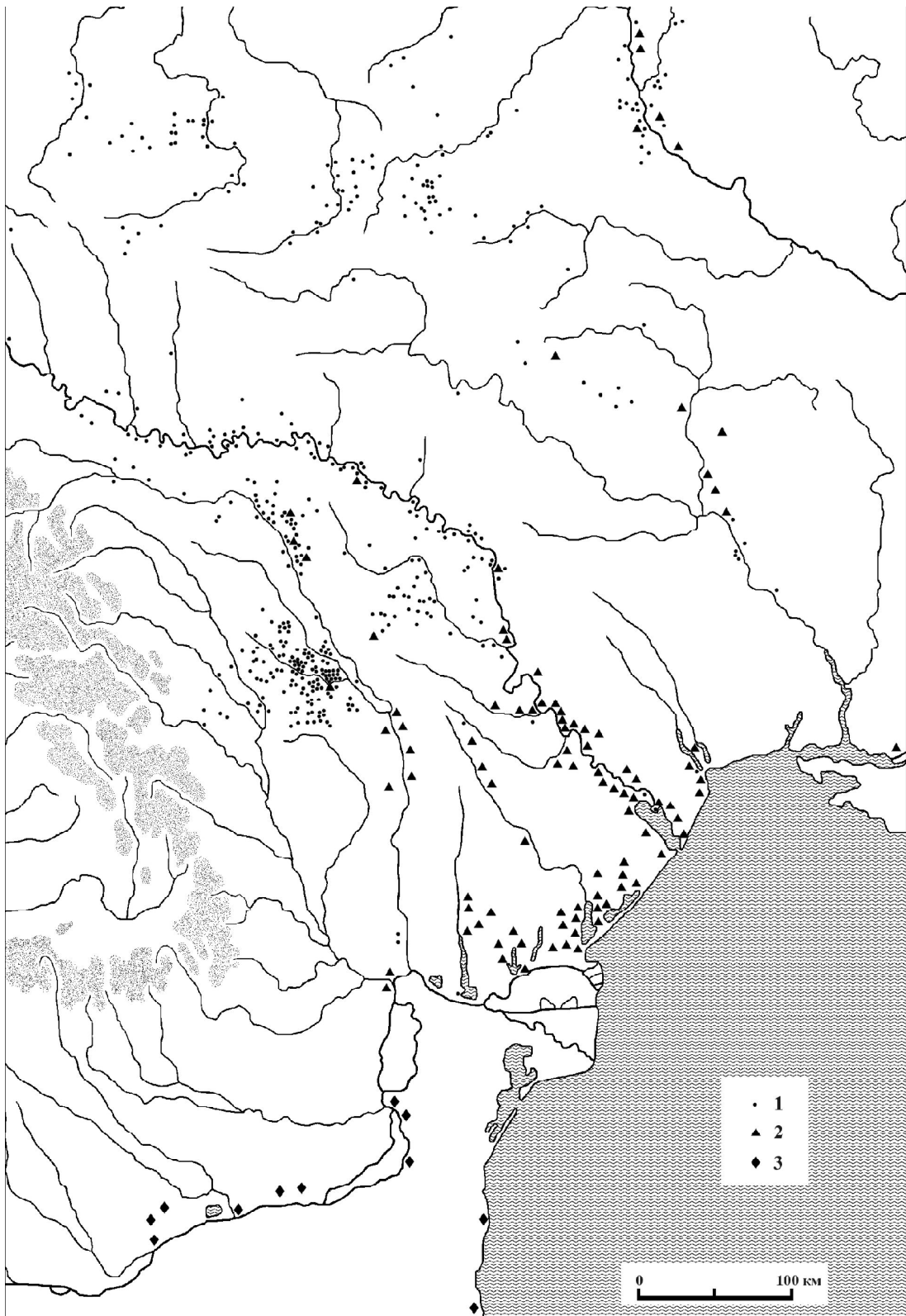

Рис.23. Пространственное распределение памятников периода Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть. Условные обозначения: 1 — поселения типа Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть, 2 — могильники типа Триполье С2-γ2—Хородиштя-Фолтешть, 3 — поселения культуры Чернавода III (по Morintz, Roman 1968; Дергачев 1980; Chirica, Tanasachi 1984-1985; Крutz 1989; Сисош 1992; Колесников 1993; Мовша 1993 с дополнениями автора).

точной частях трипольского ареала. Поселения переносятся вверх по течению Днестра, осваивается территория вдоль его левых притоков. Особенно возрастает численность памятников в Верхнем Побужье и в бассейне Синюхи; некоторые поселения достигают левого берега Днестра. Вместе с тем, нельзя не заметить, что, в отличие от предшествующего периода, памятники довольно равномерно распространены по всему ареалу культуры Кукутень-Триполье, почти не образуя, как прежде, каких-либо зон чрезмерно повышенной концентрации.

В период Кукутень В—Триполье С1-γ1 при общем количественном росте памятников (рис.17) опять наблюдается повышенная плотность заселения Карпато-Прутского региона, а южная граница ареала здесь вновь заходит в степную зону (рис.22). На остальных территориях изменения проявляются не так явно. Можно лишь отметить увеличение количества памятников в бассейне Кодымы, а также в Поднепровье, где поселения начинают основываться на левом берегу реки. В то же время, весьма интенсивно начинают эксплуатироваться степные участки в нижнем течении Южного Буга, где возникает целый ряд поселений томашевской локальной группы.

На финальном этапе Триполье С2-γ2—Хородишта-Фолтешть численность поселений опять уменьшается (рис.17), но одновременно по всему ареалу культуры широко распространяются грунтовые и курганные могильники (рис.23). Наиболее значительные изменения в данной фазе связаны с ярко выраженной территориальной экспансией трипольской культуры, которая на севере продвигается в лесные районы Волины (трояновская и городская группы), а на юге занимает степи Северо-Западного Причерноморья (усатовская группа). В целом памятники довольно неравномерно рассеяны по различным областям ареала, образуя отдельные локальные группировки. При этом наивысшей плотностью поселений, как и прежде, отличаются земли на правобережье Среднего Прута.

Таким образом, анализ соотношения количественных, хронологических и пространственных характеристик развития культуры Кукутень-Триполье отчетливо демонстрирует их жесткую сопряженность, которая, в свою очередь, наглядно отражает чрезвычайно высокий динамизм процессов культурной трансформации. Выражается это в том, что любые колебания количественных показателей во времени, как правило, сопровождаются изменениями в пространственном распределении памятников, смещениями, иногда весьма значительными, ареальных границ, а, следовательно, и формированием новых структур синхронных связей с инोकультурным окружением. Последний аспект представляется особенно важным с точки зрения интерпретации последовательных ситуативных перемен в трипольском ареале, поскольку

таковые вполне могли быть спровоцированы какими-то угрожающими внешними факторами.

Итак, основываясь на корреляции трех рассмотренных параметров, можно предположить, что эволюция трипольской культуры носила, по крайней мере, чисто внешне, относительно неустойчивый характер. Действительно, достаточно резкие перепады в численности памятников при сравнительно одинаковой продолжительности хронологических периодов, непрекращающиеся внутриареальные перемещения при постоянной изменчивости территориальных границ выводят на передний план признаки культурной неустойчивости, почти непрерывного кризисного состояния. Однако, возможно, именно за этим внешним непостоянством скрываются элементы порядка, организованности, жизнестойкости культуры, способной эффективно нейтрализовать обостряющиеся время от времени кризисные тенденции, проявления грядущего хаоса и деструкции. Иными словами, в таком поведении культуры может быть заложена весьма действенная программа, неизменно корректирующая траекторию ее развития. Именно видимая нестабильность, в реальности, может служить доказательством существования каких-то предельно стабильных регуляций, позволяющих культуре успешно преодолевать критические рубежи. В чем же должны были выражаться подобные регуляции?

Обратившись к карте распространения памятников периода Прекукутень-Триполье А (рис.19), мы увидим, что они довольно равномерно распределены по лесостепной зоне, в общем-то, не заходя в лесную полосу или на степные территории. Количество поселений (184) не очень велико. Принимая во внимание изрядную продолжительность периода (не менее 450 лет), можно допустить, что культура на данной стадии вполне соответствовала условиям вмещающей ее экологической ниши. В ней явно отсутствуют какие-либо признаки кризисного состояния или военной ситуации: поселения лишены искусственных оборонительных сооружений, в основном занимая низко расположенные террасы, склоны речных долин (Збенович 1989: 14-18). Структура внешних связей или отличается, главным образом, односторонним воздействием на соседние восточные культуры, либо характеризуется двусторонними контактами с культурами Карпатского бассейна и Балканского полуострова (Сорокин 1992; 1997). В целом, можно заключить, что в рассматриваемый период культура Прекукутень—Триполье А развивалась в достаточно оптимальном режиме, последовательно расширяя свой ареал в северном и восточном направлениях и постепенно трансформируя изначальное генетическое наследие. Но появление такого признака, как богатейший Карбунский клад, на финальной стадии этого периода как будто означало неминуемый переход к стрессовому состоянию.

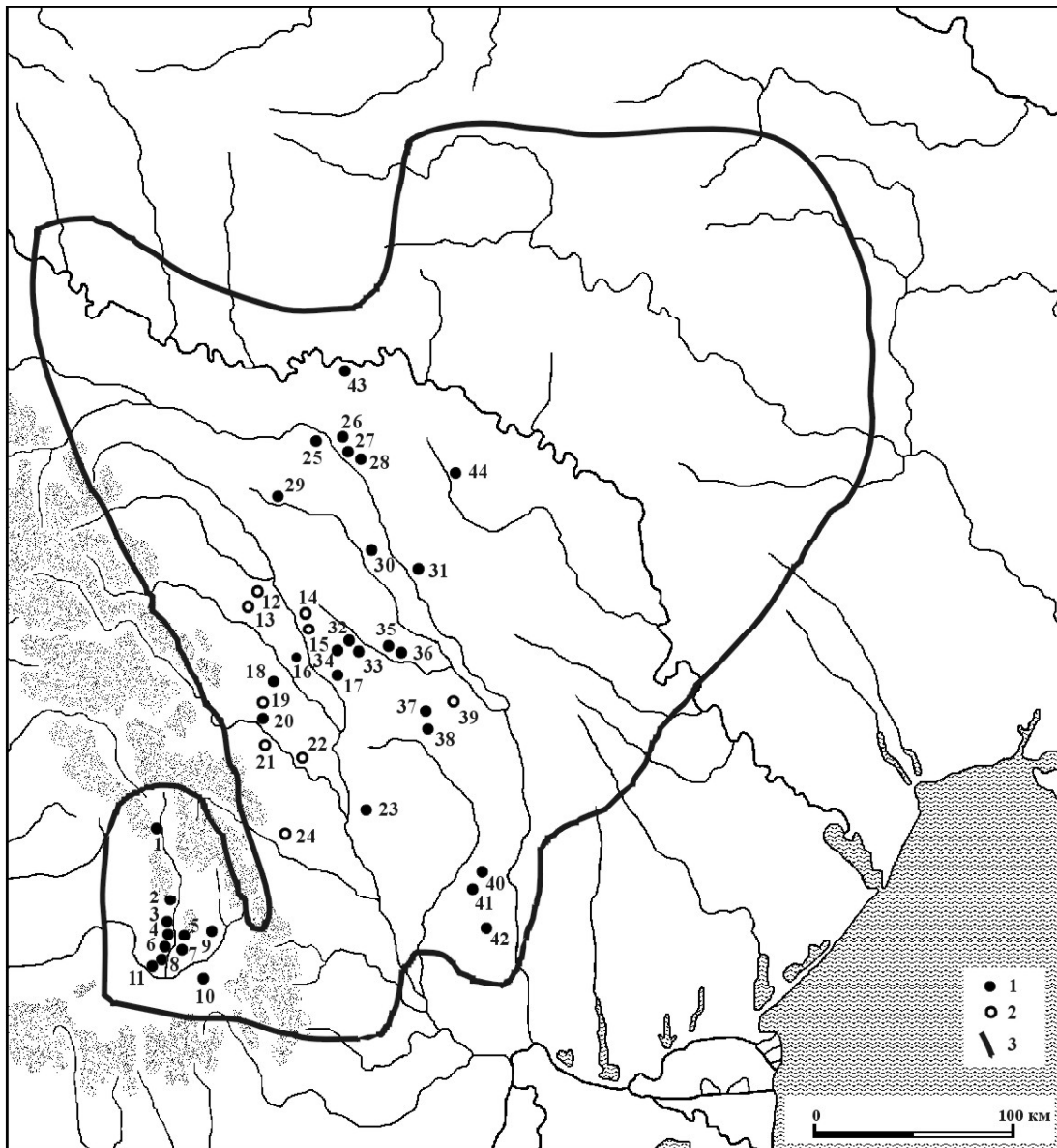

Рис.24. Пространственное распределение искусственно укрепленных поселений культуры Кукутень А—Триполье В1. Условные обозначения: 1 — поселения периода Кукутень А—Триполье В1 с достоверно определенными укреплениями, 2 — многослойные поселения с укреплениями, возможно, связанными с периодом Кукутень А—Триполье В1, 3 — граница ареала культуры Кукутень А—Триполье В1.

1 — поселения периода Кукутень А—Триполье В1 с достоверно определенными укреплениями, 2 — многослойные поселения с укреплениями, возможно, связанными с периодом Кукутень А—Триполье В1, 3 — граница ареала культуры Кукутень А—Триполье В1. 1 — Пэулень-Чук, 2 — Биксад, 3 — Малнаш Бэй, 4 — Олтеня (Ын досул четэций), 5 — Олтеня (Четатя Фетий), 6 — Олтеня (Ла Ги.Санта), 7 — Золтан, 8 — Сфынту Георге, 9 — Чернат, 10 — Борошнеул Мик, 11 — Ариушд, 12 — Преутешть, 13 — Рэдэшень, 14 — Вынэторь, 15 — Гура Быдилций, 16 — Топиле, 17 — Хэбэшешть, 18 — Тырпешть, 19 — Бодешть, 20 — Доамна, 21 — Пятра Шоймулуй, 22 — Костиша, 23 — Паринча, 24 — Подурь, 25 — Садовень, 26 — Бадражий Векь IX, 27 — Бадражий Ной II, 28 — Куконештий Векь I, 29 — Бажура, 30 — Трушешть, 31 — Бутешть I, 32 — Кукутень-Бэичень (Четэцэя), 33 — Кукутень-Бэичень (Дымбул Морий), 34 — Сэкэрешть, 35 — Ербичень (Дялул ла Бучь), 36 — Ербичень (Язул Урсулуй), 37 — Пояна ку Сетате, 38 — Скынтея, 39 — Покряка, 40 — Бырлэ-лешть, 41 — Обыршень, 42 — Алдешть, 43 — Поливанов Яр, 44 — София III (по Chirica, Tanasachi 1984-1985; Monah, Cisoş 1985; Sorokin 1997 с дополнениями автора).

В период Кукутень А—Триполье В1 культура, похоже, исчерпывает свой эволюционный потенциал, круто изменяя общий ход своего развития. Радикальные преобразования охватывают все ее базовые аспекты. Драматически возрастает численность поселений (812), которые теперь переносятся преимущественно на возвышенные, естественно защищенные, участки местности и нередко укрепляются искусственными фортификациями в виде валов и рвов. В орудийном ассортименте значительно повышается доля предметов вооружения, представленных наконечниками стрел, копий и дротиков. Бытовавшая ранее керамика с углубленным и каннелированным орнаментом весьма интенсивно замещается расписной посудой и, помимо того, внедряется новая категория керамики с примесью ракушки. Широко распространяются новые атрибуты социальной и культовой символики, включая скипетры различных типов и разнообразные фаллические изображения. На поселениях значительно увеличивается количество мужских статуэток. Более активно начинает практиковаться обычай депонирования богатых кладов. Как указывалось выше, причины столь резкой трансформации культуры в период Кукутень А—Триполье В1 нередко принято искать в катастрофическом вторжении носителей степных культур. Но это далеко не единственное объяснение.

Достаточно взглянуть на карту, иллюстрирующую трипольский ареал в период описываемых событий (рис.20), чтобы обнаружить, что поселения в его пределах распределены крайне неравномерно. Их наивысшая концентрация наблюдается в Карпато-Прутском регионе, в Юго-Восточной Трансильвании и, в меньшей степени, в Пруто-Днестровском междуречье. На обширных территориях между Днестром и Росью засвидетельствованы лишь единичные памятники. Исходя из такой пространственной расстановки памятников, допустимо предположить, что кризисная ситуация, если таковая имела место, должна особенно отчетливо проявиться, прежде всего, в западной, кукутенской, части ареала, которая буквально перенасыщена поселениями. И действительно, большинство из упомянутых инноваций приходится именно на эту территорию. К тому же, если мы нанесем на карту фортифицированные городища, достоверно или предположительно связанные с периодом Кукутень А (рис.24), то обнаружим, что все они сосредоточены в зоне максимальной плотности памятников, т.е. в Трансильвании и Прикарпатье, но практически полностью отсутствуют к востоку от Днестра. В данном контексте вывод о каком-либо нашествии с востока выглядит просто несостоятельным, поскольку в таком случае должна выявиться совершенно противоположная картина, при которой укрепленные поселения тяготели бы к восточной или юго-восточной периферии кукутенско-триполь-

ского ареала, располагаясь на наиболее вероятных, с точки зрения военной угрозы, направлениях.

Предположение о том, что скотоводческие племена первоначально вышли по степной полосе к устью Дуная и оттуда осуществили пресловутое вторжение, также кажется крайне маловероятным по двум обстоятельствам. Дело в том, что период Кукутень А—Триполье В1 совпадает с позднекаламитской ингрессией Черного моря, когда Днестровский лиман достигал широты нынешнего г.Тирасполя (Кирикэ 1995: 136). Поэтому любые передвижения в широтном направлении были возможны лишь по лесостепной зоне, т.е. по трипольскому ареалу. Но тогда и нарастание кризисных черт в пределах этого ареала следовало бы ожидать с востока на запад, а не наоборот. Во-вторых, на заключительных этапах рассматриваемого периода граница кукутенской части ареала смещается к югу, в степь, что выглядит откровенным нонсенсом в случае исходящей оттуда угрозы со стороны каких-либо враждебных скотоводческих группировок. Совершенно очевидно, что причины напряженной обстановки следует искать не далеко на востоке, а в самом ареале культуры Кукутень-Триполье, а также в ближайшем культурном окружении.

Истоки существенных изменений культуры и связанного с ними кризиса, по всей видимости, коренятся в серьезном дисбалансе между обществом и природной средой, дисбалансе, возникшем за счет неимоверно быстрого, буквально взрывного, увеличения численности населения в Прикарпатских землях. Реальные факторы, спровоцировавшие этот демографический взрыв, пока остаются не совсем понятными. Считают, что виной тому служат чрезвычайно благоприятные природно-климатические условия атлантического оптимума, обеспечившие устойчивый рост раннеземледельческих коллективов (Monań, Cicoş 1985: 191). Возможно, это и так. Однако эти же условия должны были в одинаковой степени стимулировать демографический скачок по всему пространству, занятому культурой, чего, в общем-то, не произошло: территории к востоку от Днестра просто поражают своей пустотой. Следовательно, могли существовать какие-то дополнительные причины, вызвавшие демографические проблемы исключительно в кукутенском варианте культуры. И здесь наше внимание привлекает ситуация в Южной Трансильвании, где в это время, скорее всего, под внешним давлением, практически бесследно исчезает культура Петрешть. На ее месте появляются редкие памятники тисаполгарской и, позднее, бодрокерестурской культур (Roman 1981: 21-22, 25-26; Lazarovici 1983: 10, fig.10). Одновременно в кукутенском ареале широко распространяется близкая петрештской полихромная расписная керамика с геометрическими и меандровыми мотивами, с одной сто-

роны, и наблюдается стремительное возрастание плотности поселений — с другой.

Насколько приемлема такая версия — вопрос дальнейших исследований. Пока что мы лишь можем констатировать вступление культуры в критическую, стрессовую фазу. Она уже застыла в некоей точке бифуркации, после которой ее последующая трансформация начинает носить непредсказуемый характер, когда все варианты возможны, вплоть до полного распада. И здесь в действие вступают защитные механизмы культуры.

Вряд ли приходится сомневаться, что в условиях экстенсивного земледельческого хозяйства, практиковавшегося носителями трипольской культуры, любые отклонения в демографических показателях в сторону их увеличения неминуемо должны сказаться в обострении отношений между отдельными социальными объединениями. Земельные угодья становятся объектом особенно ожесточенной конкуренции, поскольку на карту поставлено само выживание социума. Однако в культурных регуляциях генетически не заложен соответствующий код, направляющий действия культуры в подобной ситуации. В силу этого культура должна оперативно выработать органичную систему мер, которая позволит ей, с одной стороны, устоять в разворачивающихся конфликтах, с другой — сохранить наиболее глубинные традиции, дабы избежать полного перерождения, а, фактически, — смерти. Такая система, очевидно, предполагает частичную или полную десакрализацию прежних культурных устоев и вывод на авансцену социальной и религиозной жизни новых, более адекватных состоянию общества, культурных канонов.

Одна из конкретных форм данного процесса проявилась в повсеместном распространении новых, прежде неизвестных, символов социального престижа, по-видимому, отражающих повышение роли мужского божества агрессивных побуждений. Это, по всей вероятности, означало определенные перестановки в сфере потестарных структур, которые вынесли на вершину социальной иерархии военных лидеров, способных за счет нестандартных решений более эффективно мобилизовать силы общества на преодоление возникшего кризиса. В свою очередь, укрепление власти нового вождества требовало известного переосмысления основных идеологических установок, своего рода сакральной реформы или революции, освящающей авторитет формирующихся властных институтов. Но чем радикальней происходило такое переосмысление, чем интенсивней накапливался объем новационных черт, тем слабее становилось натяжение вертикальных коммуникационных связей, отвечающих за целостность культуры, тем необратимей нарастал ком потерь, выводящий культуру, согласно закону культурной пирамиды (Ткачук 1996: 128-130), из-под диктата прежних традиций.

Разумеется, подобная закономерность реализовалась по-разному в рамках отдельных локальных объединений. Где-то репрессивные функции традиции оказались более устойчивыми, обеспечивая надлежащий уровень хранения извечных стереотипов и допуская лишь дозированное восприятие инноваций: ровно настолько, насколько это необходимо для выживания в меняющихся условиях внешней среды. Но там, где стена традиции дала глубокую трещину, нарождающаяся культура должна была испытать всю тяжесть эффекта двойной перегрузки. С одной стороны, она была вынуждена противостоять враждебному внешнему окружению, с другой — активно подавлять внутреннюю оппозицию, ориентированную на старые культурные ценности. Один из возможных выходов из этой ситуации — резкая смена обстановки. Конечно же, новое окружение может оказаться не менее агрессивным, чем прежнее, но теперь шансы на успешное противодействие внешней среде заметно повышаются за счет внутренней культурной консолидации. Былая оппозиция, лишенная привычной почвы под ногами, поневоле должна либо экстренно переориентироваться в своих пристрастиях, или погибнуть.

Таким образом, реализуя свою антистрессовую программу, культура создает определенные предпосылки для удаления избыточного населения из конфликтной зоны. Она как бы выращивает в своих недрах новый культурный феномен, или субкультуру, потенциальных мигрантов, воинственных, предприимчивых, готовых отказаться от девальвированных традиций и способных в любой момент ринуться в дальний и опасный путь. Творческие возможности этого нового феномена, еще окончательно не оторвавшегося от породившей его культуры, еще сохраняющего ее основные формы, поистине безграничны. Он еще очень флексивен, но в этом и заключается его главное преимущество, позволяющее ему посредством стремительных трансформаций и неожиданных инверсий мгновенно адаптироваться к условиям инородной среды.

В зависимости от глубины изменений в пределах тех или иных локальных объединений задавался вектор будущей миграции. Одно из главных направлений переселения, северо-восточное, вело по лесостепной полосе в слабо заселенные области Побужья, где обитало родственное по культуре население, обосновавшееся там еще в период раннего Триполья. Этот путь достаточно хорошо маркируется, в частности, цепочкой поселений Берешть (Попрутье) — Журы (Поднестровье) — Клищев (Побужье), в которой Берешть является начальным звеном, а Клищев — конечным (Палагута 1998б; Tsvetkova 1996: 107). Но существовало и другое, не менее важное, направление, которое до недавних пор в общем-то мало учитывалось — путь на Балканы.

Отношения между культурой Прекукутень/

Таблица 1. Распределение керамических импортов культуры Кукутень А—Триполье В1 на поселениях культуры Гумельница

Поселение к-ры Гумельница	Слой	Период к-ры Гумельница	Количество импортов к-ры Кукутень	Период к-ры Кукутень	Источники
Алдень (Бузэу)	слой А	поздняя Стойкань-Алдень	несколько расписных фрагментов	А2 (?)	Comşa 1987: 82-83.
Стойкань «Четэцуя» (Галац)	горизонт 1 верхнего слоя	Стойкань-Алдень III	2 фрагмента	А2 или А3	Petrescu-Dâmbovița 1953: 148-149.
Скэрлэтешь «Попинэ» (Брэила)	культурный слой	поздний А1 – ранний А2	1 фрагмент	А2 или А3	Hațuche 1980b: 12; Sirbu 1980: 25.
Ынсурэцей «Попина» (Брэила)	верхняя часть гумельницкого слоя	А2	1 фрагмент	А2 или А3	Pandrea et al. 1997: 33.
Брэилица (Брэила)	слой II	А2b	около 100 фрагментов и несколько целых сосудов	А3	Hațuchi, Dragomir 1957; Hațuchi 1959: 1980, 9-10.
Каркалиу (Тулча)	верхний слой	А2-В1	около 40 фрагментов	А3	Lăzurcă 1991.
Рымничелу (Брэила)	жилища нижнего слоя	А2b	многочисленные фрагменты	А3	Hațuche 1980b: 11.
Лишкотянка «Мовила оларулуй» (Брэила)	жилище слоя II	А2b	несколько фрагментов	А3	Hațuche 1980b: 12; 1987: 33.
Лишкотянка «Мош Филон» (Брэила)	верхний горизонт слоя II	А2b	несколько фрагментов	А3	Hațuche 1980b: 12; 1987: 33, 40.
Лишкотянка «Мовила дин Балтэ» (Брэила)	слой II	А2	несколько фрагментов	А3	Hațuche 1980b: 11-12; 1987: 33.
Хыршова (Констанца)	верхний горизонт гумельницкого слоя	А2	неизвестно	А3	Hașotti 1988/89: 20.
Гумельница (Кэлэраш)	верхний слой	В1	целые сосуды и несколько фрагментов	А3	Dumitrescu VI. 1964: 59-60.
Кэсчиоареле «Островел» (Кэлэраш)	верхний слой	В1	один целый сосуд	А3	Dumitrescu VI. 1964: 61-62.

Кукутень-Триполье и культурами балканского круга, прежде всего Гумельницей, традиционно рассматриваются в контексте взаимных связей, документируемых обоюдными импортами керамических изделий, каменных орудий и предметами металлообработки (Сорокин 1997; Mantu 1998). Между тем в развитии этих отношений отчетливо обнаруживаются два различных этапа. На первом этапе, соответствующем периоду Прекукутень и началу периода Кукутень А, культурные связи, действительно, носят двухсторонний характер. Однако их направленность существенно изменяется на поздней стадии периода Кукутень А. С одной стороны, на кукутенских памятниках перестают появляться гумельницкие керамические импорты, с другой стороны, количество кукутенской керамики на

памятниках культуры Гумельница А2 значительно возрастает. Как видно из таблицы 1, лишь отдельные керамические фрагменты времени Кукутень А1-2 присутствуют на поселениях поздней культуры Болград-Алдень и Гумельницы А1, расположенных в основном недалеко от границ кукутенского ареала. В свою очередь, керамика этапа Кукутень А3 распространяется по всему ареалу гумельницкой культуры времени А2 и В1, включая южные районы Мунтении и Добруджу, причем теперь привнесенная кукутенская керамика нередко исчисляется как многочисленными фрагментами, так и целыми сосудами. По сведениям Н.Харцуке и О.Боунегру, практически все поселения Гумельницы А2 в области Брэила содержат расписную кукутенскую керамику фазы А3 (Hațuche, Bounegru 1997: 93).

Кукутенская посуда, происходящая с позднегумельницких поселений, наиболее близка керамике берештской группы памятников фазы АЗ,¹² локализованной на правобережье Нижнего Прута. Данная группа представляет собой последние проявления культуры Кукутень А на этой территории; после нее развитие кукутенской традиции здесь окончательно прекращается. Вряд ли приходится сомневаться, что эти два события: обрыв южнокукутенской генетической линии и массовый выброс кукутенской керамики в гумельницкий ареал, представляют собой звенья единого процесса — миграцию носителей культуры Кукутень А на северо-восточные Балканы. По-видимому, данная миграция значительно усугубила и без того кризисную обстановку в гумельницком ареале. Вскоре эта нижнедунайская культура полностью распадается, а вслед за ней исчезают и другие локальные подразделения блока КГК VI. Позднее на Нижнем Дунае возникает новое культурное образование, именуемое Чернавода I, в облике которого явственно ощутимы признаки местной гумельницкой и пришлой кукутенской культур (Manzura 1999: 145-151).

Однако этим не исчерпываются пути переселений носителей культуры Кукутень-Триполье. Какая-то их часть, по-видимому, начала осваивать степную зону Днестровско-Дунайского междуречья, что сказалось в появлении таких поселенческих и погребальных комплексов с трипольской керамикой, как Мирное, Кэйнарь, Новосельское. В сущности, выделяемая на этой территории суворовская культурная группа, вероятней всего, формируется именно на основе гумельницких и кукутенских традиций, и при такой трактовке ее генезиса она, действительно, может рассматриваться своеобразной предтечей культуры Чернавода I. Похоронный обряд суворовской группы в какой-то мере отличается от погребального ритуала гумельницкой культуры и неизвестных нам обычаев захоронения культуры Кукутень, но мы не должны забывать, что имеем дело с качественно новым культурным явлением, молодым, агрессивным, резко противопоставляющим себя прежним канонам. Тем не менее, последние все же дают о себе знать, проявляясь на первых порах особенно ощутимо в своеобразном подборе могильного инвентаря.

Как указывалось выше, в ритуальной практике культуры Кукутень-Триполье укрытие структурно выдержанных вотивных кладов имело первостепенное значение. Однако такая прак-

тика, видимо, могла осуществляться лишь на исконных землях, поскольку за пределами трипольского ареала подобные клады не известны. В новых условиях, на чуждой территории, необходимо было выработать иные формы этой жизненно важной для общества процедуры приношения даров божественным силам. Одной из таких форм вполне могло выступать погребение, послужившее новым вместилищем традиционного клада. И совсем не случайно инвентарь наиболее ранних захоронений суворовской группы по своему составу так напоминает тщательно скомпонованные вотивные приношения на трипольских поселениях. Эта инверсия погребального обряда, переход от его латентной для археологии к материализуемой разновидности, вполне позволяла соблюсти дань крайне значимой для общества традиции.

В аналогичном ракурсе, по-видимому, должна рассматриваться, по крайней мере, какая-то часть погребальных комплексов скелянской культуры. Здесь мы обнаруживаем могилы со структурно близкими наборами вещей, причем их повышенная концентрация наблюдается в Днепровском бассейне, т.е. в районах, непосредственно примыкающих к трипольскому ареалу. Далее на восток прослеживается прогрессирующее отклонение от установленных стандартов, при котором ассортимент погребальных даров приобретает все более редуцированный характер как по количественным, так и по качественным показателям. Это постепенное пространственное затухание с запада на восток, безусловно, значимых признаков похоронной обрядности как бы выдает, раскрывает феномен миграции, указывая ее вероятное направление. Действительно, чем дальше мигрирующая культура отрывается от исконной территории, тем стремительней нарастает объем потерь в ее багаже традиций, тем шире становится поток приобретений, трансформирующий исходный облик культуры почти что до полной неузнаваемости. Однако весьма неожиданно эти традиции опять частично регенерируются на довольно большом удалении от трипольского ареала, в захоронениях хвалынской культуры в Поволжье, что, на первый взгляд, противоречит общей тенденции. Но это мнимое противоречие. Наборы погребального инвентаря хвалынских некрополей, в чем-то напоминающие подборку могильных приношений скелянской и суворовской культурных групп, лишь отмечают конечную точку переселения, когда в условиях возросшей стабильности происходит активное напоминание, воссоздание, закрепление утраченных в ходе продолжительной миграции наиболее существенных культурных канон.

Безусловно, предполагаемая миграция совершалась не в безвоздушном пространстве. Перемещаясь по чужим территориям, культура мигрантов не только изменялась сама, но также трансформировала и, трансформируя, раз-

¹² И.В. Палагута (1998б) относит памятники типа Берешть к этапу Кукутень А4, сопоставляя их с такими позднейшими поселениями как Журы, Дрэгушень, Друцы. Первоначально аналогичной точки зрения придерживался и автор раскопок в Тыргу Берешть, И. Драгомир, впоследствии передатировавший эти памятники фазой АЗ (Dragomir 1967: 43; 1982: 422-423, 426).

рушала аборигенные культурные объединения, расположенные на ее пути. Эта неблагодарная миссия незваного культуртрегера, похоже, выполнялась в условиях нередких военных стычек, и повсеместное распространение в южнорусских степях мужских погребений с массивными кремневыми пластинами и наконечниками стрел, по-видимому, свидетельствует о сравнительно напряженной обстановке в данный период. Что-то уж очень сомнительно, чтобы эти парни с характерным жестом руки, лежащей на кремневом ноже или его сжимающей, были мирными торговцами или мастерами по обработке кремня, как их трактует Д.Я. Телегин или Ю.Я. Рассемакин. Воинская природа этих погребений кажется куда более очевидной.

Показательно, что чем дальше на восток, тем меньше признаков военной ситуации. По всей видимости, мигрирующая культура, задействовав хорошо развитые на данном этапе механизмы адаптации, все более входила в соответствие с окружающей культурной средой и все менее воспринималась последней как инородное тело. Интенсивное взаимодействие пришлых и местных культурных групп неизбежно должно было завершиться формированием новых культурных подразделений степного энеолита. С этой точки зрения, и скелянская, и хвалынская, и закубанская культура должны рассматриваться как бесспорно самостоятельные и самобытные культурные единицы, возникшие преимущественно на местной основе, но с той лишь оговоркой, что в их генезисе заметную роль сыграли традиции отдаленных общностей Карпато-Балканского региона.

То, что миграции носителей культуры Кукутень-Триполье были направлены в том числе и за пределы собственного ареала, документируется абсолютным и относительным сокращением численности поселений в следующий период Кукутень А-В (рис.17). В противном случае их относительное количество должно было остаться неизменным или уменьшиться не в такой значительной степени. Еще примечательной выглядят перестановки в пространственном распределении памятников (рис.21). Они весьма равномерно рассеяны по всей территории распространения культуры, фактически не образуя каких-либо кризисных зон. Границы ареала постепенно расширяются на север и северо-восток, отражая поэтапную колонизацию новых земель, но на юге они опять отодвигаются к рубежам лесостепной полосы. Здесь культура возвращается к своим естественным пределам, обусловленным спецификой ее хозяйственной ориентации.

Данные изменения как будто ясно указывают на то, что развитие культуры опять переходит в нормальное русло, что критическая точка пройдена и необходимый уровень стабильности обеспечен. Интересно, что как раз в этот период связи кукутеньско-трипольской культуры в

южном и восточном направлениях внешне атрофируются. находки трипольской керамики на ранних памятниках культуры Чернавода I и в близлежащих степных районах практически отсутствуют. Крайне незначительно их число в Днепровском бассейне. В то же время на трипольских поселениях не обнаруживаются обратные керамические импорты. Культура как бы замыкается в своих границах, отдавая предпочтение контактам в западном направлении, где локализуются мощные металлургические центры. Но уже к концу рассматриваемого периода ситуация вновь резко преобразуется.

В период Кукутень В—Триполье С1-γ1 в очередной раз значительно увеличивается численность поселений (рис.17), и опять, как и в период Кукутень А, их наибольшая концентрация наблюдается в Прикарпатье и Прутском Правобережье (рис.22). Это, вероятно, означает, что кризисные тенденции снова начали набирать обороты. Однако первые уроки «шоковой терапии», похоже, не пропали даром. На этот раз защитная реакция культуры сработала как хорошо отлаженный часовой механизм. Следуя своей «антистрессовой программе», культура опять удаляет из своего ареала избыточное население, опять миграция становится наиболее эффективным средством решения демографических проблем. Как и прежде, балканское направление переселений является одним из наиболее приоритетных. В Нижнем Подунавье керамика типа Кукутень В в массовых количествах распространяется на поселения поздней Чернаводы I. В ареале последней формируются синкретические комплексы наподобие Сэрата Монтеору, Рымничелу, Пьетроаселе, в керамических ансамблях которых отчетливо сочетаются местные и кукутеньские черты.

Аналогичная картина наблюдается на восточной периферии трипольской культуры. Здесь трипольские поселения томашевской группы выносятся в степные районы Южного Буга, а далее к востоку фиксируются смешанные памятники, как, например, Новая Розановка, в которых отмечено совместное залегание трипольской и среднестоговской керамики. Одновременно усиливается приток трипольских элементов на степном левобережье Днепра, где они обнаруживаются на поселениях и могильниках стоговской культуры или образуют самостоятельные местонахождения (Великая Лепетиха).

В целом, освоение территории Северного и Северо-Западного Причерноморья в этот период начинает приобретать довольно интенсивный характер, что проявляется в распространении по всей степной полосе от Сирета до бассейна Днепра значительной серии почти что идентичных курганных комплексов с ярко выраженными мегалитическими чертами. Нередко в них содержится керамика типа Кукутень В—Триполье С1-γ1 (Прибужаны, Ковалевка, Хаджидер, Кошары), а в Подунавье, кроме того, сосуды

культуры Чернавода I (Холмское¹³, Каменка). Появление данной группы памятников, безусловно, должно рассматриваться в контексте общей тенденции, отражающей все более активное проникновение носителей культуры Кукутень-Триполье в степную зону. Вскоре эта тенденция обрела масштабы устойчивого и массового процесса.

Как и следовало ожидать, на этапе Триполье С2-γ2 численность памятников опять заметно сокращается (рис. 17), что сопровождается не менее существенными изменениями в их пространственном распределении и значительными перемещениями ареальных границ (рис. 23). Основные скопления поселений в это время отмечаются на Волини, в Среднем Поднепровье, в Пруто-Днестровском междуречье и особенно на правобережье Среднего Прута. На их фоне крайне слабо заселенными выглядят земли в бассейне Южного Буга, где выявлены лишь единичные поселения и подкурганые погребения. С другой стороны, чрезвычайно интенсивно осваиваются степи Северо-Западного Причерноморья. Последовательные волны миграций из лесостепной зоны, разделенные сравнительно небольшими хронологическими интервалами, привели к формированию в этом регионе усатовской, а затем и фолтештской культурной группы. Заключительным аккордом в миграционной истории трипольской культуры послужили массовые переселения носителей гордишештских культурных традиций. Они прокатились буквально по всему ареалу и вышли далеко за его пределы, достигая на востоке районов Северного Приазовья, но, возможно, и более отдаленных территорий, вплоть до Северного Кавказа. На севере признаки гордишештской группы обнаруживаются в бассейне Вислы, а на юге — в низовьях Дуная.

Итак, финальный этап развития трипольской культуры — это пора ее максимального терри-

ториального охвата, но, помимо того, это и время ее, наверное, наиболее жестокого кризиса. Пытаясь справиться с постоянно прогрессирующими стрессовыми ситуациями, культура предлагает одну и ту же защитную программу, не замечая, что эта программа давно превратилась в орудие самоубийства, что эта программа ориентирована на наследуемые условия и вряд ли применима к условиям создаваемым, по терминологии М.Е. Ткачука (1996). Периодически выталкивая за границы своего ареала все новые и новые группы переселенцев, культура неизбежно формирует качественно иную окружающую среду. Последняя, в свою очередь, сама начинает активно влиять на породившие ее традиции, адаптивный потенциал которых со временем все более деградирует. Культура, в силу своего преопределенного консерватизма, просто не в состоянии адекватно реагировать на происходящие вовне изменения. К тому же, стремясь к беспредельному расширению пространственных рубежей, она создает своего рода внутреннюю оппозицию в виде удаленных от центра периферийных образований, которые, безусловно, вносят свою лепту в незримую работу по деформации исходных канонов. На этом фоне резко ослабевает натяжение горизонтальных связей; прежде относительно монолитная культура превращается в конгломерат изолированных локальных подразделений, участь которых, в сущности, уже предрешена. И можно долго спорить, кто же более повинен в гибели трипольской культуры: носители ямной культуры или культуры шаровидных амфор. Совершенно очевидно, что в этом, в первую очередь, повинна сама трипольская культура, фактически прекратившая свое существование как единое целое задолго до пришествия и тех, и других.

Так в общих чертах представляется динамика развития культуры Кукутень-Триполье. В ней отчетливо прослеживается цикличность, повторяемость ситуаций, некий жестко заданный ритм прохождения качественно различных фаз, постоянно поддерживаемый и корректируемый соответствующей системой внутренних регуляций. Но в какой мере это развитие определялось внешними факторами, активность которых признается особенно высокой в период Кукутень А? Для того чтобы ответить на этот вопрос нам необходимо обратиться к аналогичным показателям культурной эволюции возможных оппонентов из числа степных образований Восточной Европы в рамках этого же периода. Если придерживаться последних исследовательских разработок, наиболее вероятным возмутителем спокойствия в ареале культуры Кукутень А—Триполье В1 следует считать скелянскую культуру, локализованную в пространстве между Днестром и Доном. Рассмотрим ее с позиций все тех же трех параметров: количества, пространства и времени.

¹³ Сосуд из погребения 12 кургана 1 у с.Холмское был отнесен авторами статьи к усатовской культуре (Черняков и др. 1986: 59; рис.3/5). Вместе с тем, по морфологическим и стилистическим признакам он более соответствует керамике культуры Чернавода I, тогда как прямые аналогии ему в усатовском керамическом ансамбле, в общем-то, отсутствуют. В связи с этим, по-видимому, требует корректировки определение культурной принадлежности и датировки самого захоронения. В публикации указывается, что оно было совершено в каменном ящике на глубине 3,67 м, т.е. приблизительно на уровне древней дневной поверхности. Вместе с сосудом в ящике были обнаружены, как считают авторы, разрозненные человеческие кости. Однако очень вероятно, что в данном случае каменный ящик является не могилой, а жертвенником, сопровождавшим основное погребение 23, и в нем находились кости человека, а животного. По реконструкции В.Г. Петренко, практически идентичный комплекс, состоявший из погребения и каменного ящика-жертвенника с расписным горшком времени Кукутень В и костями животного, был открыт у с.Сарата (1998).

5. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ «РАЗРУШИТЕЛЬ»

Впервые памятники скелянского типа были выделены в самостоятельное культурное подразделение Д.Я. Телегиным (1985), хотя на их своеобразие ранее обращали внимание и другие исследователи (Збеневич, Даниленко, Мовша). Первоначально они были обозначены Д.Я. Телегиным как особая новоданиловская группа, характеризующаяся исключительно могильниками. При этом долгое время оставалось неясным, какие именно поселения и керамические традиции степного энеолита должны соответствовать упомянутым могильным комплексам. Сравнительно недавно Ю.Я. Рассамкиным была, наконец, установлена взаимосвязь между керамикой поселения Стрильча Скеля на Днепре и погребениями новоданиловского типа, вследствие чего культура получила новое название, скелянская, по наиболее выразительным материалам эпонимного памятника (Rassamakin 1994: 33-36).

Памятники скелянской культуры в основном сосредоточены в степном Поднепровье и на Нижнем Дону. В меньшей степени они известны в центральной части ареала, в Северном Приазовье и в бассейне Северского Донца. Судя по имеющимся публикациям, на сегодняшний день насчитывается 33 местонахождения, представленных, главным образом, одиночными погребениями и небольшими грунтовыми и, изредка, курганными могильниками. Поселения скелянской культуры крайне малочисленны. Они, как правило, характеризуются слабо выраженными культурными слоями (Раздорское) или образованы незначительными скоплениями культурных остатков (Семеновка, Раздольное). Редким исключением являются поселения Александрия и Стрильча Скеля, где культурные напластования сравнительно велики и достигают более двух десятков сантиметров.

Относительная хронология скелянской культуры основывается преимущественно на параллелях с периодизационной шкалой культуры Кукутень-Триполье, в рамках которой она синхронизируется с периодами Прекукутень III, Кукутень А началом Кукутень А-В (Videiko 1994; Бурдо, Видейко 1998). С учетом системы абсолютной хронологии Кукутень-Триполья, принятой в настоящей работе, продолжительность развития скелянской культуры в этом случае должна соответствовать интервалу не менее 600 лет. При перерасчете общей численности памятников на их среднее количество, приходящееся на 100 лет, мы получим цифру 5,5, что кажется просто невероятным, даже принимая во внимание чрезвычайно высокую подвижность носителей этой культуры, о которой пишут ее исследователи (Котова 1994: 83; Rassamakin 1999: 112). Гораздо предпочтительней выглядела бы точка зрения о весьма кратковременном, почти что эфемерном, характере данного куль-

турного явления, что и нашло отражение в столь небольшом числе сохранившихся памятников, если к последним подходить, как к сугубо специфическому, строго изолированному во времени соединению определенных типов артефактов. Но этот кратковременный характер, кроме всего прочего, документируется и слабо насыщенными, тонкими слоями поселений, и незначительными размерами могильников или изолированными погребениями, рассеянными по территории Азово-Днепровского региона.

Совокупность этих признаков, по-видимому, указывает на то, что мы, действительно, имеем дело с культурой очень мобильной, очень динамичной в пространственном отношении, но мобильность эта обусловлена не торговой деятельностью ее носителей, развивавшейся, как полагают, на протяжении нескольких сотен лет, а, скорее, миграционным процессом, довольно быстрым перемещением каких-то групп населения с чертами высокоразвитых раннеземледельческих культур. Только так, вероятно, можно объяснить качественную и количественную ограниченность памятников, оставленных этим населением, глубокую, стимулированную извне, трансформацию степных культур при переходе к энеолиту, наконец, эффект того «странного» распределения археологических признаков, о котором говорилось в начале этой работы, тех самых, которые и должны в данном случае являться признаками миграции.

С другой стороны, малочисленность этих памятников не дает веских оснований для вывода о каких-либо демографических проблемах, якобы, спровоцировавших направленную на запад пространственную экспансию степных объединений (Дергачев 1990: 20). Однако, если мы продвинемся дальше на восток и юго-восток, в Поволжье и Предкавказье, мы также не обнаружим никаких очевидных свидетельств перенаселенности этих территорий, которая могла бы послужить одним из толчков к дальним переселениям. В свою очередь, наличие каких-то подвижных форм скотоводства у носителей степных культурных традиций, если таковые действительно существовали уже в раннем энеолите, еще не является определяющим фактором миграции. Для любой популяции, в том числе и для кочевников, как справедливо отмечает Е.Н. Черных (1989: 22-23), долговременная миграция — это своего рода тест на выживаемость, и должны возникнуть очень серьезные причины, для того чтобы решиться на подобный тест. Даже признавая важность такого побуждающего к миграции стимула, как «pull» фактор,¹⁴ следует подчеркнуть, что он активи-

¹⁴ Понятие, используемое в англо-американской литературе, т.е. фактор притягивающий, влекущий, в отличие от «push» фактора, вынуждающего, выталкивающего (Anthony 1997: 22-25).

зируется только тогда, когда в обществе вызываются необходимые предпосылки для тотальной миграции или когда формируются какая-то социальная категория потенциальных изгоев, которые могут оказаться во власти этого фактора. Иными словами, для того, чтобы появился внешний аттрактор, культура должна быть внутренне готова к его восприятию. По сути, она сама создает такой аттрактор, как своеобразный символ меняющихся ценностных ориентиров. В этом контексте характер радикальных преобразований, происходивших на юге Восточной Европы при переходе к медному веку, говорит о том, что культурные стандарты древне-

земледельческих общностей послужили той аксиологической доминантой, которая предопределила ход дальнейшего развития в этом регионе. Речь идет именно о проблеме образования раннеэнеолитических культур. Сами по себе культурные подразделения позднего неолита, локализованные на этих территориях, не демонстрируют каких-либо ярко выраженных тенденций к резкой спонтанной трансформации. Они явно не вытягивают на роль грядущего «разрушителя» земледельческих цивилизаций Карпато-Балканского круга. Они, скорее, напоминают скромного провинциала, начинающего усердно подражать своему блистательному западному соседу.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы настоящего исследования, безусловно, не согласуются с большинством существующих концепций, рассматривающих проблему отношений между раннеземледельческими культурами Карпато-Балканского региона и культурными объединениями степилесостепи Восточной Европы. Вероятно, сама мысль о какой-либо миграции на восток выглядит как откровенная крамола. Но эти выводы во многом исходят из тех очевидных противоречий, которыми страдают различные гипотезы об ограниченном или массовом проникновении носителей восточноевропейских энеолитических культур в земледельческий ареал, а тем более о разрушительном военном нашествии степных народов, погубивших процветающие балканские цивилизации. Как показывает анализ основных категорий археологических источников, весомых, достоверных аргументов, которые доказывали бы подобный катастрофический сценарий, в общем-то, крайне мало. Разумеется, далеко не все из рассмотренных категорий однозначно свидетельствуют в пользу изложенной здесь парадигмы. К примеру, остаются не до конца ясными истоки керамики с раковинной примесью, распространившейся в ареале культуры Кукутень А—Триполье В1, хотя ее местное появление, в сущности, также не исключается: все-таки это был не какой-то «top secret» эпохи энеолита. Если допустить, что она, действительно, была привнесена носителями скелянской культуры, то обозначение этого процесса, по-видимому, лучше всего передает термин «инкорпорация», предложенный И.В. Палагутой (1998а) и означающий включение этих носителей, скорее всего, женщин, в трипольскую среду в результате экзогамных брачных контактов. Однако это ни в коем случае не подразумевает какие-то постоянные конфликты между двумя культурными объединениями, тянущиеся на протяжении сотен лет.

Следует отметить, что значительные культурные изменения, происшедшие на Восточных Балканах, в ареале Кукутень-Триполья или на юге Восточной Европы в последней четверти V тыс. до н.э., являются лишь частью широкомаштабных трансформационных процессов, прокатившихся по многим другим европейским регионам. Практически синхронно в Потисье исчезает культура Тисаполгар, характеризующаяся многочисленными поселениями и могильниками, и формируется культура Бодроккерестур, представленная преимущественно некрополями. В Задунавье угасает лендельская культура с ее обширными могильниками и появляется культура Балатон-Ласинья I, погребальный обряд которой до сих пор остается неизвестным. В Моравии прекращает свое существование культура моравской расписной керамики, отличающаяся многочисленными поселениями и крайне неустойчивой похоронной обрядностью, и на ее месте фиксируются редкие погребения культуры Йорданов-Йорданс-мюль. В бассейне Рейна и Средней Германии культура Рёссен с ее хорошо развитыми погребальными традициями замещается культурой Михельсберг и другими, более локально ограниченными, культурными группами, чей похоронный ритуал лишен каких-либо строгих стандартов. Этот список можно было бы продолжить, но приведенных данных, вероятно, достаточно для того, чтобы продемонстрировать поистине глобальную природу культурных преобразований, охвативших большую часть европейского субконтинента. На их фоне кризисные явления в Карпато-Балканских землях того времени выглядят как вполне естественное отображение общих закономерностей европейской преистории, и причины этих явлений совсем не обязательно искать в каком-то катастрофическом вторжении степных кочевников. В противном случае, масштабы этого вторжения необходимо довести до побережья Атлантики.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов и др. 1990: Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. 1990. Хвалынский неолитический могильник. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского университета.
- Алексеева И.Л. 1992. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Бейлекчи В.С. 1975. Исследования раннетрипольского поселения Исаково II // АО 1974 г., 436.
- Бодянский О.В. 1968. Енеолітичний могильник біля с.Петро-Свистуново // Археологія XXI, 117-125.
- Братченко С.Н., Константинову Л.Ф. 1987. Александровский неолитический могильник // Шапошникова О.Г. (отв. ред.). Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 17-31.
- Бурдо Н.Б. 1993. Ранний этап формирования Трипольской культуры // Археологія (3), 19-30.
- Бурдо Н.Б. 1998. Хронологія і періодизація Трипілья А // Археологія (4), 78-88.
- Бурдо Н.Б., Відейко Ю.М. 1998. Основи хронології Трипілья-Кукутені // Археологія (2), 17-29.
- Ванчугов и др. 1998: Ванчугов В.П., Бруяко И.В., Сырбу В., Никулице И.Т. 1998. Исследования на левобережье Нижнего Дуная // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. Кипв: Інститут археології НАН України, 62-63.
- Васильев И.Б. 1981. Энеолит Поволжья. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И. 1979. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА (4), 147-166.
- Виноградова Н.М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. Кишинев: Штиинца.
- Гусев С.О. 1995. Трипольська культура Середнього Побужжя рубежу IV–III тис. до н.э. Вінниця: Антекс–УЛТД.
- Даниленко В.Н. 1974. Энеолит Украины. Киев: Наукова думка.
- Даниленко В.М., Шмаглії М.М. 1972. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи // Археологія 6, 3-20.
- Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца.
- Дергачев В.А. 1990. Культурные общности неолита-бронзы степной зоны СССР // Демченко Н.А. (отв. ред.). Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Материалы Республиканской конференции 8-9 августа 1989 г. Кишинев: Штиинца, 16-30.
- Дергачев В.А. 1999. Особенности культурно-исторического развития Карпато-Поднестровья // Stratum plus (2), 169-221.
- Дергачев В.А., Сорокин В.Я. 1986. О зооморфном скипетре из Молдавии и проникновении степных энеолитических племен в Карпато-Дунайские земли // Известия АН МССР (серия общественных наук) (3), 54-65.
- Димов и др. 1984: Димов Т., Бояджиив Я., Тодорова Х. 1984. Праисторический некрополь край село Дуранкулак, Толбухинский окръг // Добруджа 1, 74-88.
- Добровольский А.В. 1954. Могильник в с.Чапли // Археологія IX, 106-118.
- Дремов И.И., Юдин А.И. 1992. Древнейшие подкурганые захоронения Степного Заволжья // РА (4), 18-31.
- Дьяконов И.М. 1990. Архаические мифы Востока и Запада. Москва: Наука.
- Збенович В.Г. 1987. Место трипольской культуры в энеолите Причерноморья // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпозиума — «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла», Телави-Сигнахи 1983. Тбилиси: Мецниереба, 109-119.
- Збенович В.Г. 1989. Ранний этап трипольской культуры на Украине. Киев: Наукова думка.
- Иванов И.С. 1975. Разкопки на Варненския енеолитен некропол през 1972 г. // Известия на Народния Музей — Варна XI (XXVI), 1-17.
- Ильюков Л.С. 1981. Бронзовый топор из Прикубанья // СА (2), 264-265.
- Кирик Л.Ф. 1995. Лиманы Причерноморья за последние 20 тысяч лет. Кишинэу.
- Кияшко В.Я. 1988. Энеолитические скипетры из Ростовского областного музея краеведения // Известия Ростовского областного музея краеведения 5, 141-146.
- Кияшко В.Я. 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.). Азов: Азовский краеведческий музей.
- Клейн Л.С. 1990. О так называемых зооморфных скипетрах энеолита // Кершнер-Горбунова Н.Г., Качалова Н.К. (отв. ред.). Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Краткие тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.А. Латынина. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 17-18.
- Клейн Л.С. 1999. Миграции: археологические признаки // Stratum plus (1), 52-71.
- Колесников А.Г. 1993. Трипольское общество Среднего Поднестровья. Опыт социальных реконструкций в археологии. Киев: Наукова думка.
- Комша Е. 1991. Коренные общности северопонтийских степей на востоке и юге Румынии // Яровой Е.В. (отв. ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Материалы Международной археологической конференции, Кишинев 10-14 декабря 1990 г. Киев: АН ССРМ и т.д., 94-95.
- Корневский С.Н. 1994. Общие черты предмайкопского периода на Кавказе // Чеченов И.М. (отв. ред.). XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Кисловодск: Кисловодский филиал Ставропольского государственного объединенного краеведческого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, 18-20.
- Котова Н.С. 1994. Мариупольская культурно-историческая область (Днепро-Донское междуречье). Ковель: Вежа.
- Круглов и др. 1941: Круглов А.П., Пиотровский Б.Б., Подгаецкий Г.В. 1941. Могильник в г.Нальчике // МИА 3, 67-146.
- Круц В.А. 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днепра // Березанская С.С. (отв. ред.). Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 117-132.
- Кузьмина И.Е. 1997. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. Санкт-Петербург: РАН.
- Макаренко М. 1933. Мариупільський могильник. Київ: видавництво Всеукраїнського археологічного комітету.

- Малов Н.М. 1987. Раскопки поселений на Волге // АО 1985 г., 189-190.
- Манзура И.В. 1997. Археология основного мифа // Ткачук М.Е., Манзура И.В. (отв. ред.). Стратум: структуры и катастрофы. Санкт-Петербург: Нестор, 26-46.
- Манзура и др. 1992: Манзура И.В., Клочко Е.О., Савва Е.Н. 1992. Каменные курганы. Кишинев: Штиинца.
- Маркевич В.И. 1973. Памятники эпох неолита и энеолита. АКМ 2. Кишинев: Штиинца.
- Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев: Штиинца.
- Мерперт Н.Я. 1980. Ранние скотоводы Восточной Европы и судьбы древнейших цивилизаций // SP 3, 65-90.
- Мерперт Н.Я. Этнокультурные изменения на Балканах на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Гиндин Л.А. (отв. ред.). Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. Москва: Наука, 234-246.
- Мовша Т.Г. 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // СА (2), 186-199.
- Мовша Т.Г. 1981. Проблема связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала // SP 5-6, 61-72.
- Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 60-83.
- Мовша Т.Г. 1993. Взаємовідносини степових і землеробських культур в епоху енеоліту-ранньобронзового віку // Археологія (3), 36-51.
- Мовша Т.Г. 1994. Триполье-Кукутень в контексте восточного и средневропейского энеолита-ранней бронзы (контакты и связи) // Яровой Е.В. (отв. ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Материалы Международной археологической конференции 10-14 октября 1994 г.. Тирасполь: Приднестровский государственно-корпоративный университет им. Т.Г. Шевченко, 45-47.
- Мовша Т.Г., Чеботаренко Г.Ф. 1969. Энеолитическое курганное погребение у ст.Кайнары в Молдавии // КСИА АН СССР 115, 45-49.
- Моргунова Н.Л. 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: Институт истории и археологии УрО РАН.
- Нехаев А.А. 1990. Энеолитические поселения Закубанья // Ждановский А.М., Марченко И.И. (отв. ред.). Древние памятники Кубани. Краснодар, 5-22.
- Нехаев А.А. 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести 1, 76-96.
- Палагута Э.В. 1994. Нові дані про східні зв'язки трипільськоп культури // Археологія (1), 134-137.
- Палагута И.В. 1998а. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья. РА (1), 5-14.
- Палагута И.В. 1998б. Поселение Журы в Поднепровье: к вопросу о выделении локальных вариантов в Триполье В1 // Вестник МГУ. Серия 8. История (6), 122-144.
- Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья // МИА 84.
- Патокова и др. 1989: Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.В., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники Трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка.
- Петренко В.Г. 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. ТДК. Рени, 18-20.
- Петренко В.Г. 1998. Энеолитический курган у с.Сарата // Приложение 4 к: Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишневое и Белопесье. Одесса: Унда ЛТД, 159-164.
- Петрухин В.Я. 1987. Загробный мир // Токарев С.Н. (отв. ред.). Мифы народов мира. Т.1. Москва: Советская энциклопедия, 452-456.
- Писларий и др. 1976: Писларий И.А., Кротова А.А., Клочко Т.Н. 1976. Погребение эпохи энеолита в г.Ворошиловограде // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 21-28.
- Плешивенко А.Г. 1996. Курганы села Малокатериновка. Запорожье: Запорожский краеведческий музей.
- Рассамакин Ю.Я. 1993. Энеолит степного Причерноморья и Приазовья // Georgieva P. (ed.). The Fourth Millennium B.C. Proceedings of the International Symposium, Nessebur, 28-30 August 1992. Sofia: New Bulgarian University, 5-28
- Рассамакин Ю.Я., Будников О.Б. 1993. Проблеми раннього степового енеоліту у світлі вивчення нових пам'яток // Археологія (3), 128-142.
- Резепкин А.Д. 1996. К проблеме соотношения культур эпохи энеолита-ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. Санкт-Петербург: ИИМК РАН и т.д., 50-54.
- Рижов С.М. 1993. Небелівська група пам'яток Трипільскоп культури // Археологія (3), 101-114.
- Романовская М.Д. 1982. Об одном погребении эпохи ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 173-175.
- Рунич Н.В. 1967. Энеолитическое поселение близ Кисловодска // СА (1), 228-233.
- Рындина Н.В. 1998. Древнейшее металлообработкающее производство Юго-Восточной Европы. Москва: Эдиториал УРСС.
- Сафронов В.А. 1989. Индоевропейские прародины. Горький: Вятское книжное изд-во.
- Синицын И.В., Эрдниев У.Э. 1987. Древности Восточного Маньчжунья. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.
- Сорокин В.Я. 1992. О связях племен культуры Прекукутень А-Триполье А с обществами культур Карпатского бассейна // Гросу В.И. (отв. ред.). Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев: Штиинца, 69-87.
- Сорокин В.Я. 1997. К проблеме культурных связей прекукутеньско-раннетрипольских племен с обществами культур Балкано-Дунайского региона // Dergaciov V. (red.). Vestigii arheologice din Moldova. Chieinru: Academia de Stiinta a Republicii Moldova, Institutul de Arheologie, 138-155.
- Субботин Л.В. 1983. Памятники культуры Гумельница Юго-Запада Украины. Киев: Наукова думка.
- Сымонович Э.А. 1962. Раскопки могил возле с.Кошары на Тилигульском лимане // МАСП 4, 176-180.
- Телегин Д.Я. 1968. Дніпро-донецька культура. Київ: Наукова думка.
- Телегин Д.Я. 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка.
- Телегин Д.Я. 1985. Памятники новоданиловского типа

- // Телегин Д.Я. (отв. ред.). Археология Украинской ССР. Т.1. Киев: Наукова думка, 311-320.
- Телегин Д.Я. 1985. Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури // Археологія 52, 10-22.
- Телегин Д.Я. 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова думка.
- Телегин Д.Я., Константиnescу Л.Ф. 1992. Многослойное поселение на Стрильчей Скеле эпохи неолита – энеолита в Днепроvском Надпорожье // СА (1), 13-25.
- Ткачук М.Е. 1996. Археология свободы. Кишинев: Stratum. Центр балканских исследований.
- Тодорова Х. 1975. Праисторическое искусство в нашей земле. София.
- Тодорова Х. 1979. Энеолит Болгарии. София: Балкан.
- Тодорова Х. 1987. Энеолитические культуры Болгарии и их северо-восточные связи // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Материалы I симпозиума «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла», Телави-Сигнахи, 1983. Тбилиси: Мецниереба, 182-192.
- Халческу К. 1991. Гумельницкий клад из Султаны // Яровой Е.В. (отв. ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Материалы Международной археологической конференции, Кишинев 10-14 декабря 1990 г. Киев: АН ССРМ и т.д., 20-21.
- Цвек Е.В. 1989. Буго-днепровский вариант восточнотрипольской культуры (К проблеме выделения культур и локальных вариантов Триполья) // Березанская С.С. (отв. ред.). Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 106-117.
- Цыбесков В.П. 1971. Некоторые итоги исследования Березовского поселения // МАСП 7, 187-192
- Черняков И.Т. 1993. Місце трипільської культури в стародавній історії Європи // Археологія (3), 5-19.
- Черняков и др. 1986: Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. 1986. Холмские курганы // Станко В.Н. (отв. ред.). Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 53-96.
- Черных Е.Н. 1989. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Черных Е.Н. (отв. ред.). Естественнонаучные методы в археологии. Москва: Наука, 14-30.
- Черныш Е.К. 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Массон В.М., Мерперт Н.Я. (отв. ред.). Энеолит СССР. Москва: Наука, 165-320.
- Шнирельман А.А. 1992. Война и мир в традиционных обществах (по материалам западных исследований). Научно-аналитический обзор. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
- Allard et al. 1997: Allard P., Dubouloz J., Hachem L. 1997. Premiers éléments sur cinq tombes rubanées à Bery-au-Bac (Aisne-France): principaux apports à l'étude du rituel funéraire danubien occidental // Jeunesse Ch. (ed.). La Néolithique danubien et ses marges entre Rhin et Seine. Actes du XXIIe colloque interrégional sur le Néolithique, Strasbourg 27-29 octobre 1995. Supplément aux Cahiers de l'Association pour la Promotion de la Recherche Archéologique en Alsace, 31-43.
- Anthony D.W. (1986): The «Kurgan Culture», Indo-European Origins, and the Domestication of the Horse // Current Anthropology 27:4, 291-313.
- Anthony D. 1997. Prehistoric Migration as Social Process // Chapman J. and Hamerow E. (ed.). Migrations and Invasions in Archaeological Explanation. BAR International Series 664, 21-32.
- Anthony D.W., Brown D.R. 2000. Eneolithic Horse Exploitation in the Eurasian Steppes: Diet, Ritual and Riding // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the symposium to be held 12 Jan. – 16 Jan. 2000. Vol. 1. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 1-11.
- Behrends R.-H. 1990. Gräber der Michelsberg Kultur von Bruchsal, Landkreis Karlsruhe // Archäologische Ausgrabungen in Baden-Württemberg 1989, 69-73.
- Benecke N. 1994. Zur Domestikation des Pferdes in Mittel- und Osteuropa. Einige neue archäozoologische Befunde // Hänsel, Zimmer 1994, 123-144.
- Benecke N. 1998. Diachroner Vergleich der Pferdehaltung im Karpatenbecken und in der osteuropäischen Steppe während der vorchristlichen Metalzeiten // Hänsel, Machnik 1998, 91-98.
- Berciu D. 1956. Cercetări și descoperiri arheologice în regiunea București // MCA 2. 491-562.
- Böhm K. 1982. Siedlungen und Gräber der Münchshöfener Kultur im Pfettrachtal, Landkreis Landshut, Niederbayern // Das archäologische Jahr in Bayern 1981, 68-69.
- Böhm K., Pielmeier R. 1994. Die älteste Metallfund Albayerns in einem Doppelgrab der Münchshöfener Gruppe aus Straubing // Das archäologische Jahr in Bayern 1993, 40-42.
- Bostyn et al. 1991: Bostyn F., Hachem L., Lanchon Y. 1991. Le site Néolithique de «la Pente de Croupeton» à Jablines (Seine et Marne): Premiers résultats // Actes du 15e colloque interrégional sur le Néolithique. Châlons-sur-Marne les 22 et 23 octobre 1988. Châlons-sur-Marne, 45-81.
- Bradley R. 1990. The passage of arms: an archaeological analysis of prehistoric hoards and votive deposits. Cambridge: Cambridge University Press.
- Chirica V., Tanasachi M. 1984-1985. Repertoriul arheologic al județului Iași. Iași: Academia de științe sociale și politice etc.
- Comsa E. 1978. Unele probleme privind populațiile de steпа din nord-vestul Marii Negre, din perioada eneolitică pînă la începutul epocii bronzului // SCIVA 29:3, 353-363.
- Comsa E. 1987. Les relations entre les cultures Cucuteni et Gumelnita // Petrescu-Dîmbovita M. (ed.). La civilisation de Cucuteni en contexte européen. Session scientifique dédiée au centenaire des premières découvertes de Cucuteni (Iasi — Piatra Neamț, 24-28 septembre 1984). Bibliotheca Archaeologica Iasienses 1. Iasi, 81-87.
- Constantin et al. 1997: Constantin C., Mordant D., Simonin D. 1997. La culture de Cerny et le Chalcolithique de la terminologie Européenne // Constantin C., Mordant D., Simonin D. (dir.). La culture de Cerny. Nouvelle économie, nouvelle société au Néolithique. Actes du Colloque International de Nemours 9-10-11 mai 1994. Nemours, 701-710.
- Cucoș Șt. 1992. Contribuții la repertoriul arheologic al județului Neamț // MemAntiq 18, 5-61.
- Das erste Gold der Menschheit. Die älteste zivilization in Europa. Freiburg: Karl Schillinger, 1986.
- Dergačev V.A. 1998. Kulturelle und historische Entwicklungen im Raum zwischen Karpaten und Dnepr. Zu den Beziehungen zwischen frühen Gesellschaften im nördlichen Südost- und Osteuropa

- // Hänsel, Machnik 1998, 27-64.
- Dergachev V. 2000. Cultural-Historical Dialogue between the Balkans and Eastern Europe (Neolithic-Eneolithic) // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the symposium to be held 12 Jan. – 16 Jan. 2000. Vol. 1. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 54-67.
- Dietz U.L. 1992. Zur Frage vorbronzezeitlicher Trensenebelege in Europa // Germania 70:1, 17-36.
- Dietz U.L. 2000. Horse-Riding: The Evidence of the Obvious // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the symposium to be held 12 Jan. – 16 Jan. 2000. Vol. 1. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research, 69-75.
- Dodd-Oprîtescu A. 1980. Considerații asupra ceramicii Cucuteni C // SCIVA 31:4, 547-557.
- Dodd-Oprîtescu A. 1981. Ceramica ornamentată cu șnurul din aria culturilor Cucuteni și Cernavoda // SCIVA 32:4, 511-528.
- Dodd-Oprîtescu A. 1983. Vecinii estici și nord-estici ai triburilor Cucuteni-Tripolie // SCIVA 34:3, 222-234.
- Dodd-Oprîtescu A., Mitrea I. 1983. Sceptrul de piatră de la Mogoșești-Siret, județul Iași. Problema originii și datării // Carpica 15, 69-95.
- Dolinescu-Ferche S. 1963. Podoabe de aur descoperite la Balaci (r.Roșiori de Vede) // SCIV 14:1, 183-188.
- Dragomir I. 1967. Săpături arheologice la Tg.Berești (r.Bujor, reg.Galați) // Danubius 1, 41-59.
- Dragomir I.T. 1976. Două morminte ocromane din regiunea de sud a Moldovei // Muzeul național 3, 53-60.
- Dragomir I. 1982. Elemente stepice «Cucuteni C», descoperite la Berești (jud.Galați) // SCIVA 33:4, 422-429.
- Dragomir I.T. 1983. Eneoliticul din sud-estul României: aspectul cultural Stoicani-Aldeni. București: Editura Academiei RSR.
- Dumitrescu Vi. 1964. Considérations et données nouvelles sur le probleme du synchronisme des civilisations de Cucuteni et de Gumelnița // Dacia (N.S.) 8, 52-66.
- Dumitrescu Vi. 1980. Cîteva observații în legătura cu prima migrație a triburilor stepelor nord-pontice la apus de Prut // Pontica 13, 23-31.
- Dumitrescu Vi. și al. 1954: Dumitrescu Vi., Dumitrescu H., Petrescu-Dîmbovița M., Gostar N. 1954. Hăbășești. București:Meridiane.
- Gheorgiu D. 1994. Horse Head Sceptres — First Images of Yoked Horses // JIES 22:3-4.
- Gimbutas M. 1973a. Old Europe c. 7000-3500 B.C.: The earliest European civilization before the infiltration of the Indo-European peoples // JIES 1:1, 1-20.
- Gimbutas M. 1973b. The beginning of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500-2500 B.C. // JIES 1:2, 163-214.
- Gimbutas M. 1973c. The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilization around 2300 B.C. // Crossland R. and Birchall A. (ed.). Bronze Age Migrations in the Aegean. Archaeological and linguistic problems in Greek prehistory. London: Duckworth, 129-139.
- Gimbutas M. 1977. The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe. // JIES 5:4, 277-338.
- Govedarica B. 1998. Das Problem der Suvorovo-Gruppe in den Ost-West-Beziehungen // Hänsel, Machnik 1998, 179-190.
- Govedarica B., Kaiser E. 1996. Die äneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas // Eurasia Antiqua 2, 59-103.
- Haheu V., Kurciatov S. 1993. Cimitirul plan eneolitic de lângă satul Giurgiuiești // Revista arheologică 1, 101-114.
- Hänsel, Zimmer 1994: Hänsel B., Zimmer S. (hrsg.) 1994. Die Indogermanen und das Pferd. Festschrift für B. Schlerath. Budapest: Archaeolingua Alapítvány.
- Hänsel, Machnik 1998: Hänsel B., Machnik J. (hrsg.) 1998. Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. München-Rahden/Westf.: Südosteuropä-Gesellschaft und Leidorf .
- Harțuchi N. 1959. Săpăturile arheologice de la Brăilița (r.Brăila, reg.Galați) // MCA 5, 221-30.
- Harțuche N. 1980a. Complexul cultural Cernavoda I de la Rîmnicelu-județul Brăila // Istros 1, 33-91.
- Harțuche N. 1980b. Importuri cucutiene în mediu culturilor eneolitice din zona Brăilei // Studii și comunicări 3, 9-25.
- Harțuche N. 1987. Cercetările arheologice de la Lișcoteanca // Istros 5, 7-90.
- Harțuchi N., Dragomir I.T. 1957. Săpăturile arheologice de la Brăilița (reg.Galați, r.Brăila) // MCA 3, 129-147.
- Harțuche N., Bounegru Oct. 1997. Săpăturile arheologice de salvare de la Medgidia, jud. Constanța (1957-1958) // Pontica 30, 17-104.
- Hașotti P. 1988/89. Observații privind cultura Gumelnița în Dobrogea // Pontica 21-22, 7-21.
- Hașotti P. 1997. Epoca neolitică în Dobrogea. Constanța: Muzeul de istorie națională și arheologie.
- Häusler A. 1994a. The North-Pontic Region and the Beginning of the Eneolithic in South-East and Central Europe // Genito B. (ed.). The Archaeology of Steppe Methods and Strategies. Papers from the International Symposium, Naples 9-12 November 1992. Napoli: Instituto Universitario Orientale 123-47.
- Häusler A. 1994b. Archäologische Zeugnisse für Pferd und Wagen in Ost- und Mitteleuropa // Hänsel, Zimmer 1994, 217-257.
- Hodder I. 1990. The Domestication of Europe: Structure and Contingency in Neolithic Societies. Oxford – Cambridge-Mass.: Basil Blackwell.
- Ivanov I.S. 1978. Les fouilles archéologiques de la nécropole chalcolithique f Varna (1972-1975) // SP 1-2, 13-26.
- Kazdová E., Lorencová A. 1985. Společný hrob tří jedinců s vypíchanou keramikou z Tešetic-Kyjovic, okr.Znojmo // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity E 30, 7-22.
- Korek J. 1989. Die Theiß-Kultur in der Mittleren und Nördlichen Theißgegend. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Kovacs St. 1932. Cimitirul eneolitic de la Decia Mureșului // Publicațiile institutului de studii clasice 1, 89-101.
- Kulczycka-Leciejewiczowa A. 1979. Pierwsze społeczeństwa rolnicze na ziemiach polskich. Kultury kręgu naddunajskiego // Hensel W., Wiślański T. (red.). Prahistoria ziem polskich. T. 2. Neolit. Wrocław, 19-164.
- László F. 1911. Stations de l'époque pré-mycénienne dans le comitat de Háromszék // Dolgozatok-Kolozsvár 2, 227-259.
- Lazarovici Gh. 1983. Principalele probleme ale culturii Tiszapolgár în România // AMN 20, 3-31.
- Lăzurcă E. 1991. Ceramica cucuteniana în contextul așezării Gumelnițene de la Carcaliu (județul Tulcea) // Peuce 10, 13-19.
- Leahu D. 1992. Considerații asupra unor podoabe antice

- de aur de la Lungoci, Balaci și Moigrad // *Cercetări arheologice* 9, 114-117.
- Lenneis et al. 1999: Lenneis E., Neugebauer-Maresch C., Ruttikay E. 1999. Jungsteinzeit im Osten Österreichs. St. Pölten–Wien: Niederösterreichisches Pressehaus (2. Auflage).
- Levine M. 1990. Dereivka and the problem of horse domestication // *Antiquity* 64, 727-740.
- Levine M. 1998. Eating horses: the evolutionary significance of hippophagy // *Antiquity* 72, 90-100.
- Levine 1999. The Origins of Horse Husbandry on the Eurasian Steppe // Levine et al. 1999, 5-58.
- Levine et al. 1999: Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A. & Tatarintseva N. 1999. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.
- Levițki et al.: Levițki O., Manzura I., Demcenko T. 1996. Necropola tumulară de la Sărăteni. Bibliotheca thracologica XVII. București: Institutul român de tracologie.
- Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1993. Das Grab von Reka Devnja (Nordostbulgarien). Ein Beitrag zu den Beziehungen zwischen Nord- und Westpontikum in der frühen Kupferzeit // *SASTUMA* 2, 9-98.
- Lichardus J., Lichardus-Itten M. 1998. Nordpontische Gruppen und ihre westlichen Nachbarn. Ein Beitrag zur Entstehung der frühen Kupferzeit Alteuropas // Hänsel, Machnik 1998, 99-122.
- Lichardus-Itten M. 1980. Die Gräberfelder der Großgartacher Gruppe im Elsaß. Bonn: Rudolf Habelt.
- Mallory, J.P. 1989. In Search of the Indo-Europeans. London: Thames and Hudson.
- Mantu C.-M. 1998. Cultura Cucuteni. Evoluție, cronologie, legături. Piatra-Neamț: Muzeul de istorie Piatra-Neamț.
- Manzura I. 1994. Culturi eneolitice în zona de stepă // *Thraco-Dacica* 15, 93-101.
- Manzura I. 1999. Cernavoda I culture // Nikolova L. The Balkans in Later Prehistory. BAR International Series 791, 93-174.
- Mătasă C. 1946. Frumușica, village préhistorique a céramique peinte dans la Moldavie du Nord, Roumanie. București.
- Monah D., Cucuș St. 1985. Așezările culturii Cucuteni din România. Iași: Junimea.
- Morintz S., Roman P. 1968. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit im Raum der Niederdonau // *Dacia (N.S.)* 12, 45-128.
- Nikolova L. 1999. The Balkans in Later Prehistory // BAR International Series 791.
- Nikolova L. 2000. Social transformation and evolution in the Balkans in the Fourth and Third Millennia BC // Nikolova L. (ed.). Analyzing the Bronze Age. RPRP 4, 1-7.
- Niquet F. 1938. Das Gräberfeld von Rössen, Kreis Merseburg // *Veröffentlichungen der Landesanstalt für Volkheitskunde zu Halle* 9, 31 S.
- Pandrea et al. 1997: Pandrea S., Sîrbu V., Mirea M. 1997. Așezări gumelnițene de pe Valea Calmațuiului // *Istros* 8, 27-61.
- Patay P. 1984. Kupferzeitliche Meißel, Beile und Äxte in Ungarn // *PBF* IX,15.
- Petrescu-Dâmbovița M. 1953. Cetațuia de la Stoicani // *MCA* 1, 13-155.
- Petrović J. 1987. Zemunica u naselju starčevačke kulture na Golokutu // *Rđđoliteičajr* 30, 13-26.
- Pič J.I. 1908. Archaeologické nálezy v Bubenči // *PamArch* 22, 214-215.
- Podborský V. 1976. Erkenntnisse auf Grund der bisherigen Ausgrabungen in der Siedlung mit mährischer bemalter Keramik bei Tešetice-Kyjovice // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte* 60, 129-148.
- Popescu D. 1941. La tombe á ocre de Casimcea (Dobrodgea) // *Dacia* 7-8, 85-91.
- Popușoi E. 1987-1989. Mormintele cu ocre de la Fălcui, județul Vaslui // *AMM* IX-XI, 15-26.
- Rassamakin Yu.Ya. 1994. The Main Directions of the Development of Early Pastoral Societies of Northern Pontic Zone: 4500-2450 BC (Pre-Yamnaya Cultures and Yamnaya Culture) // *Nomadism and Pastoralism in the Circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures: 5000-1650 BC. Baltic-Pontic Studies* 2, 29-70.
- Rassamakin Yu. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. // Levine et al. 1999, 59-182.
- Rassamakin Yu. 2000. Some Aspects of the Pontic Steppe Development (4550-3000 BC) in the Light of the new cultural-chronological Model // *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the symposium to be held 12 Jan. – 16 Jan. 2000. Vol. 2. Cambridge: The McDonald Institute for Archaeological Research*, 336-347.
- Roman P. 1981. Forme de manifestare culturală din eneoliticului târziu și perioada de tranziție spre epoca bronzului // *SCIVA* 32:1, 21-42.
- Rötting H. 1983. Das alt- und mitteleneolithische Gräberfeld von Wittmar, Ldkr. Wolfenbüttel. Eine Übersicht zu den Grabungsergebnissen // *Frühe Bauernkulturen in Niedersachsen. Oldenburg*, 135-157.
- Schmidt H. 1932. Cucuteni in der oberen Moldau, Rumänien. Berlin–Leipzig: Valter de Gruyter.
- Sherratt A. 1990. The genesis of megaliths: monumentality, ethnicity and social complexity in Neolithic north-west Europe // *World Archaeology* 22:2, 147-167.
- Sîrbu V. 1980. Cercetările arheologice de la Cireșu // *Istros* 1, 19-31.
- Sorokin V. 1997. Considerații referitoare la așezările fazei Cucuteni A-Tripolie B1 din Ucraina și Republică Moldova. *MemAntiq* 21, 7-83.
- Srejić D. 1972. Europe's First Monumental Sculpture: New Discoveries at Lepenski Vir. London.
- Telegin D.J. 1987. Über kulturelle Kontakte zwischen der neo-äneolithischen Bevölkerung des Nordpontischen Gebietes und der Balkan-Donauregion // Srejić D. und Tasić N. (hrsg.). Hängelbestattung in der Karpaten-Donau-Balkan-Zone während der äneolithischen Periode. Internationales Symposium Donji Milanovac 1985. Beograd, 37-44.
- Todorova H. 1982. Zur Frage von Kontinuität und Diskontinuität in der Entwicklung des Neolithikums, Äneolithikums und frühen Bronzezeit auf der Balkanhalbinsel // *Thracia Praehistorica, Supplementum Pulpudeva* 3, 5-9.
- Todorova H. 1995. The Neolithic, Eneolithic and Transitional Period in Bulgarian Prehistory // Bailey D.W. and Panayotov I. (eds.). *Prehistoric Bulgaria. Monographs in World Archaeology* 22, 79-98.
- Todorova H. 1998. Probleme der Umwelt der prähistorischen Kulturen zwischen 7000 und 100 v.Chr. // Hänsel, Machnik 1998, 65-70.
- Tsvek E. 1996. Structure of the Eastern Tripolye Culture // Dumitroaia Gh., Monah D. (éd.). *Cucuteni. Piatra-Neamț*, 89-113.

- Turney-High H.H. 1949. Primitive war: its practice and concepts. Columbia.
- Videiko M. 1994. Tripolye-«pastoral» Contacts. Facts and Character of the Interactions: 4800-3200 BC // Nomadism and Pastoralism in the Circle of Baltic-Pontic Early Agrarian Cultures: 5000-1650 BC. Baltic-Pontic Studies 2, 5-28.
- Vizdal J. 1980. Potiská kultúra na východnom Slovensku. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo.
- Vulpe R. 1957. Izvoare. Săptămânile din 1936-1948. București: Editura Academiei Republicii Populare Române.
- Wechler K.P. 1994. Zur Chronologie der Tripolje-Cucuteni-Kultur aufgrund von C¹⁴ Datierungen // ZfA 28, 7-21.